Я
П 230
305

ЯКУТСКИЙ ФОЛЬКЛОР

ИЗДАТЕЛЬСТВО
П

Q
230
305

Я 230
305

ЯКУТСКИЙ ФОЛЬКЛОР

ТЕКСТЫ И ПЕРЕВОДЫ А. А. ПОПОВА
ЛИТЕРАТУРНАЯ ОБРАБОТКА Е. М. ТАГЕР
ОБЩАЯ РЕДАКЦИЯ М. А. СЕРГЕЕВА
ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
АКАД. А. Н. САМОЙЛОВИЧА

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1936

ВСЕСОЮЗНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ
В. И. ЛЕНИНА
36-23992

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Предлагаемый вниманию читателей сборник образцов якутского народного творчества является первым томом задуманной инициаторами этого издания серии по фольклору северных народностей СССР.

Своей основной задачей составители сборника поставили дать такое качество перевода, при котором последний, отвечая всем требованиям научного перевода, явился бы одновременно и вполне литературно-художественным. Этой главной задачей был обусловлен и принятый бригадный метод работы, состоявший в общих чертах в следующем.

А. А. Попов, владеющий якутским языком и автор части записей подлинных текстов, знакомил не знающую этого языка Е. М. Тагер с этими текстами путем многократного чтения их вслух. Чтение это сопровождалось возможно более точной разметкой ударных и неударных, долгих и кратких слогов, в результате чего возникала точная ритмическая запись, передававшая своеобразные напевы якутской народной речи. Поповым же был выполнен и точный, максимально приближенный к подлинникам, так называемый подстрочный (дословный) перевод текстов.

Работа Е. М. Тагер состояла в соединении этих двух материалов (ритмической записи и дословного перевода) в один, отвечающий требованиям художественного слова, литературно воспринимаемый текст. В этом тексте, который возник в результате изучения как ритмической, так и словесной фактуры подлинников, необходимо было отразить высокий и торжественный строй якутской народной поэзии, сохранить все напевы и богатые образы и метафоры, передать на рус-

ском языке инструментовку подлинников и соблюсти, наконец, характерные синтактические особенности языка. Разнообразные и сложные трудности этой двойной — научной и художественной — работы были разрешены Е. М. Тагер путем изучения якутской грамматики и ряда консультаций с А. А. Поповым и ныне покойным крупнейшим знатоком якутского языка — академиком Э. К. Пекарским.

Обработанные таким путем образцы переводов поступали на окончательную редактуру к М. А. Сергееву, выполнившему и организацию всего материала.

Настоящее издание является, таким образом, результатом совместной и согласованной в мельчайших своих деталях работы его участников — исследователя-этнографа, литератора-переводчика и редактора-североведа. Кропотливый труд этот, сопровождавшийся неоднократными пересмотрами, проверками и переработками, занял свыше двух лет.

Что касается содержания сборника, то последнее состоит в основном из неопубликованных до сих пор материалов. Они дополнены, как это видно из «Указателя текстов», несколькими произведениями из изданных ранее сборников народного творчества якутов (сборника С. В. Ястребинского «Образцы народного творчества якутов» и «Верхоянского сборника» И. Худякова).

Составители издания выражают благодарность Музею Института антропологии и этнографии Академии Наук СССР за разрешение использовать хранящиеся в Музее экспонаты в качестве материала для заставок и виньеток к настоящему изданию, а равно якуту студенту Г. А. Неустроеву за разнообразную помощь в работе.

ЯКУТСКАЯ СТАРИННАЯ УСТНАЯ ЛИТЕРАТУРА

I. ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ЯКУТОВ, ИХ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Политический ссыльный царского времени в бывшую Якутскую область, В. Л. Серошевский, писал в девяностых годах прошлого века, что «литература об Якутской области разрослась в настоящее время до размеров целой библиотеки; можно насчитать более полуторы тысяч номеров книг, брошюр, статей, вышедших отдельными выпусками или разбросанных в периодических научных и популярных изданиях. К сожалению, добрая треть, если не больше, представляет компиляции или повторение одних и тех же первоисточников».[1] Другой политический ссыльный, В. М. Ионов, один из лучших знатоков Якутии, характеризовал в 1914 году обширный (в 719 страниц, с рисунками) труд самого В. Л. Серошевского «Якуты» тоже как, в значительной своей части, компиляцию и подверг резкой критике главы X—XV, посвященные описанию родового строя, семьи, устного художественного творчества и верований,[2] заключив свою статью словами (стр. 372): «Из этих качеств труда В. Л. Серошевского непосредственно и с полной очевидностью вытекает, что на его работах нельзя строить, на них нельзя ссылаться».

Признавая вслед за В. М. Ионовым большие недостатки в работе В. Л. Серошевского, особенно в отношении передачи терминов и выражений на якутском языке, я, однако, не считаю возможным полностью ее игнорировать, в частности по

---

[1] В. Л. Серошевский, Якуты. Опыт этнографического исследования, т. I, СПБ, 1896, стр. XI. Т. II остался неизданным.

[2] В. М. Ионов, Обзор литературы по верованиям якутов. Журнал «Живая старина», 1914, в. 3—4, стр. 317—372.

вопросу об устной художественной литературе якутов, как не игнорировал ее Э. К. Пекарский и другие.

В более позднем, коллективном труде, подводящем итоги изученности страны якутов к 1927 году, [1]) в сборнике статей «Якутия» (746 страниц с рисунками и картами), который по ряду вопросов заменяет и дополняет труд В. Л. Серошевского, устное художественное творчество якутов вовсе не затронуто, хотя печатные материалы на эту тему за время после выхода труда В. Л. Серошевского значительно возросли, как увеличилась и вообще историко-этнологическая литература о якутах. [2])

Первое и особое место по заслугам в деле изучения языка и устного художественного творчества якутов принадлежит третьему политическому ссыльному прошлого века, умершему 29 июня 1934 года, почетному члену Академии Наук СССР, Э. К. Пекарскому. [3]) Примерами из устной литературы насыщен его капитальный, известный специалистам всего мира и переводимый в настоящее время на турецкий язык «Словарь якутского языка», «едва ли не самый монументальный из лингвистических трудов» по языкам северо-восточной Азии, как писал о нем академик В. В. Бартольд, [4]) «сокровищница языка якутов» — по отзыву академика В. В. Радлова. [5]) «Немного народов Востока имеют еще такие словари... Якутский словарь навсегда связан с именем Эдуарда Карловича Пекарского, который положил на него почти пятьдесят лет своей жизни, так как с 1881 года он начал работу над словарем»,— писал академик С. Ф. Ольденбург. [6]) Строго говоря, капитальный труд Э. К. Пекарского представляет в значи-

---

[1]) Издательство Академии Наук СССР, Ленинград, 1927.

[2]) См. П. П. Хорошихъ, Якуты. Опыт указателя историко-этнологической литературы о якутской народности. Под редакцией и с предисловием Э. К. Пекарского, Иркутск, 1924, стр. 48. Фольклора касается № 451—518. Указатель имеет немало пропусков.

[3]) См. мою заметку «Памяти Э. К. Пекарского», «Известия Акад. Наук СССР», 1934. Отделение общественных наук, стр. 743.

[4]) История изучения Востока в Европе и России, изд. 2, Ленинград, 1925, стр. 240.

[5]) «Живая Старина», год XVI, в. 4, Ленинград, 1908, стр. 65. Словарь издан Академией Наук СССР и состоит из тринадцати выпусков (1907—1930 гг.), содержащих до двадцати пяти тысяч слов.

[6]) Предисловие к в. 13 Словаря.

тельной степени материалы по якутскому словарю, которые подлежат еще дальнейшей обработке.

Под редакцией Э. К. Пекарского изданы Академией Наук СССР «Образцы народной литературы якутов» на якутском языке, собранные как самим Э. К. Пекарским (т. I в пяти выпусках, 1907—1911 годов), так и И. А. Худяковым (т. II в двух выпусках, 1913 и 1918 годов) и В. Н. Васильевым (т. III в одном выпуске, 1916 год).

Первое крупное собрание образцов словесного творчества якутов в переводе на русский язык политического ссыльного И. А. Худякова «Верхоянский сборник» (сказки, песни, загадки, пословицы) было издано в 1890 году.

Работе славной плеяды политических ссыльных по изучению якутов, их хозяйства, быта, обычного права, языка и литературы, плеяды, к которой, кроме вышеперечисленных деятелей, относятся также Виташевский, Левенталь, Ястремский, И. И. Майнов, Осмоловский, Иохельсон, Ефремов и др., предшествовала, как первое по времени крупное научно-исследовательское предприятие в этой области, снаряженная Академией Наук для исследования крайнего севера и востока Сибири экспедиция 1842—1845 годов во главе с профессором Киевского университета, естественником по специальности, впоследствии академиком А. Ф. Миддендорфом, [1]) которая, по словам академика В. В. Бартольда, [2]) относящимся к 1925 году, «до сих пор занимает первое место среди ученых путешествий в Сибирь, совершенных в XIX веке». На основе собранных Миддендорфом материалов по языку и литературе якутов академик Бетлингк, по специальности лингвист-индианист, написал и издал классический труд на немецком языке [3]) «О языке якутов».

В предисловии к своему труду «Якуты» В. Л. Серошевский писал (стр. XI): «Самую существенную помощь и самые ценные указания я получил в трудах высокоуважаемого покойного А. Ф. Миддендорфа... Все это побудило меня посвятить мой труд незабвенному ученому». Оговариваясь, что «к сожа-

---

[1]) А. Ф. Миддендорф, Путешествие на север и восток Сибири, ч. 2, отд. VI, СПб., 1878.

[2]) История изучения Востока, стр. 235.

[3]) Ueber die Sprache der Jakuten, 1851.

лению, научная ценность обширного труда г. Серошевского не соответствует высоким заслугам путешественника, памяти которого труд этот посвящен», Э. К. Пекарский [1]) заявляет: «Можно без преувеличения сказать, что именно Миддендорф положил начало основательному изучению быта якутов». О труде же Бетлингка следует сказать, что он не только положил начало научному изучению якутского языка, но и открыл новую для XIX века эру в исследовании системы тюркских языков вообще, подобно тому как следующую эру в этом исследовании в XX веке, после Октябрьской революции, открыл академик Н. Я. Марр своей работой по чувашскому языку и своими дальнейшими туркологическими изысканиями. Автор нового учения о языке в связи с историей мышления и материальной культуры, академик Марр, не обращался к определению места якутского языка ни в системе тюркских языков, ни в едином процессе языкотворчества вообще, но он дал в 1922 году заметку [2]) «Якутские параллели к бытовым религиозным явлениям у кавказских яфетидов» в связи со статьей В. М. Ионова «Дух — хозяин леса у якутов». Институт языка и мышления имени академика Н. Я. Марра при Всесоюзной Академии Наук уделил внимание якутам в новейшем своем издании «Язык и мышление. I» (1933 год), поместив статью якутского ученого Г. Ксенофонтова «Расшифровка двух памятников орхонской письменности из западного Прибайкалья», в которой автор пытается прочесть эти памятники с помощью своего родного якутского языка, о чем речь будет еще дальше.

Выдающаяся работа по изучению якутов в дореволюционное время была проделана так называемой Сибиряковской экспедицией 1894—1896 годов, организованной Восточно-Сибирским Отделом Русского Географического Общества под руководством политического ссыльного, известного Д. А. Клеменца. Большинство материалов этой экспедиции, составлявших по плану издательства тринадцать томов, оказались за отсутствием средств не изданными или увидели свет зна-

---

[1]) Миддендорф и его якутские тексты, Записки Вост. Отд. Русск. Археол. Общ., т. XVIII, 1908, стр. 045.

[2]) Журнал «Христианский Восток», т. VI, в. 3, 1922, стр. 352—353.

чительно позже, отчасти после Октябрьской революции, в изданиях Академии Наук, частью же утрачены.

К числу первых по времени собирателей якутского фольклора надо причислить известного декабриста и писателя А. А. Бестужева (Марлинского), прожившего в Якутске в политической ссылке полтора года (1828—1829). Он напечатал в 1891 году небольшую статью [1]) про якутский кумысный праздник — «Сибирские нравы. Исых», обработал в стихах якутскую легенду [2]) «Саатарь», приступил к изучению якутского языка и сообщил ряд этнографических материалов в письмах к родным и знакомым. [3])

Октябрьская революция, открывшая перед якутским народом путь к новому, счастливому будущему, внесла решительное изменение и в дело научного изучения Якутии во всех отношениях.

Сравнительно с великими задачами хозяйственного и культурного строительства, ставшими перед трудящимися Якутии после окончания гражданской войны во исполнение требований национальной политики Ленина—Сталина, изученность природных богатств этой страны и особенностей ее населения, несмотря на ряд перечисленных выше научных предприятий, оказалась совершенно недостаточной. По инициативе Совета Народных Комиссаров Якутской АССР Всесоюзная Академия Наук провела в 1925—1931 годах комплексное экспедиционное обследование Якутии, в результате которого появилась в свет целая новая библиотека печатных трудов по ЯАССР, заключающих в себе материалы не только данной экспедиции, но и некоторых предшествующих путешествий. Состоявшей при Академии Наук Комиссией по изучению ЯАССР под председательством сначала академика С. Ф. Ольденбурга, а затем академика В. Л. Комарова, издано более тридцати выпусков «Материалов» и до пятнадцати томов

---

1) Полное собрание сочинений Марлинского, изд. А. А. Каспари, в двух томах, т. II. стр. 305—306.

2) Н. Котляревский, Декабристы. Кн. А. Одоевский и А. Бестужев, 1907, стр. 153, 161, 234—235. Кубалов, Декабристы в Якутской области. Сборник трудов профессоров и преподавателей Гос. Иркутского университета, в. 2, 1921, стр. 130—131.

3) М. Семевский, Александр Бестужев в Якутске, «Русский Вестник», т. V, 1870, стр. 213—264.

«Трудов». Словесному художественному творчеству якутов посвящен т. VII «Трудов» (1929 год) — «Образцы народной литературы якутов» С. В. Ястремского (только в переводе на русский язык) со статьей того же автора «Народное творчество якутов» (стр. 1—10) и с предисловием профессора С. Е. Малова. Нельзя не пожалеть, что С. В. Ястремский не последовал примеру академика Б. Я. Владимирцова, давшего подробную вступительную статью к своему «Монголо-ойратскому героическому эпосу» (1923 год) и что он не осветил в отношении якутского словесного художественного творчества ряда вопросов, затронутых в отношении ойратского эпоса академиком Владимирцовым: с какими классами якутского народа связаны различные виды литературы; имеются ли профессиональные исполнители отдельных видов литературы, если имеются, то как они подготовляются к своей профессии, какова биография хотя бы некоторых из них, каков репертуар отдельных певцов; в какой стадии расцвета или упадка находятся отдельные виды литературы в различных районах Якутии в связи с переменами в общественном строе якутов и как эти перемены отражаются на содержании и форме соответствующих произведений; при каких обстоятельствах, в какой обстановке и каким образом (сказывание, пение, сопровождение аккомпанементом на музыкальных инструментах) исполняются те или иные произведения, и как на них реагируют присутствующие; проявляют или не проявляют исполнители литературных произведений, и в частности профессионалы, известной доли личного творчества и т. д. Проф. Малов в своем предисловии вскользь коснулся лишь небольшой части этих вопросов.

Том IV тех же «Трудов» Якутской Комиссии Академии Наук (1929 год) заключает в себе «Материалы по обычному праву и по общественному быту якутов», собранные Д. М. Павлиновым, Н. А. Виташевским и А. Г. Левенталем, двумя последними главным образом во время упомянутой выше Сибиряковской экспедиции конца XIX века. В предисловии к этому труду И. И. Майнов дал историю изучения якутского обычного права и привел подробную справку о судьбе Сибиряковской экспедиции. В материалах Н. А. Виташевского имеется указание (стр. 135), что к числу «специалистов»

пользовавшихся в семье особыми правами, относились кузнецы, писаря, шаманы, лекаря и сказочники.

При разработке некоторых вопросов обычного права Н. А. Виташевский пользовался данными устной художественной литературы (например, стр. 168, 207).

Как известно, политические ссыльные, сделавшие очень много для изучения якутов, принадлежали преимущественно к группе народников, и это обстоятельство определенно отразилось на освещении собранных материалов в смысле известной идеализации якутской «общины» и игнорирования классового характера якутского общества XVII—XIX веков. В работах В. Ф. Трощанского, особенно в его «Набросках о якутах Якутского округа» (1911 год), бросается в глаза необоснованное или неправильно обосновываемое подчеркивание «первобытности» якутов (стр. 19) и даже, можно сказать, известная «европейская» «якутофобия», выражающаяся в причислении якутов к «низшей расе» (стр. 86, 98), к «действительным дикарям» (стр. 40), к народам, находящимся «в зоологическом периоде» (стр. 36, 49). С особым удовольствием в связи с этим прочел я в новом труде иркутского профессора Н. Н. Козмина, полученном мною как раз во время составления настоящего предисловия, «К вопросу о турецко-монгольском феодализме» (1934 год) следующие строки: «В отношении сибирских туземцев... в буржуазной этнографической литературе установилось совершенно определенное представление как о живших, да и продолжающих жить, в условиях патриархально-родового строя. Их быт представляется как быт «примитивный», а хозяйство — еще не вышедшим из рамок замкнуто-натурального и насыщенным элементами «первобытного коммунизма»... Почтенные «ученые» мужи считают большинство сибирских туземцев первобытными дикарями... Что всего курьезнее, аналогичные представления популярны и среди части самой туземной интеллигенции... Поэтому, чтобы правильно оценивать историческую перспективу, нужно отбросить мысль, что население Сибири... представляло дикарей... И турки, и монголы, и тунгусы не раз создавали сильные государства и жили... для своего времени достаточно высокой культурной жизнью» (стр. 78—90). Дал отповедь Трощанскому и якут-

ский ученый, ранее упоминавшийся Г. В. Ксенофонтов, в своей книге «Хрестес. Шаманизм и христианство» (1929 год), язвительно коснувшись попутно моего собственного практического описания (1916 год) якутского звука «кх» с неосторожным, как я теперь понял, с моей стороны использованием, без всякого злого намерения, стиха Крыловской басни «Ворона и лиса» (стр. 141).

По мере роста успехов хозяйственного и культурного строительства в ЯАССР растут и крепнут научные учреждения и научные кадры в самой Якутии, прежде всего в ее столице — Якутске, ширится участие самих якутов в научном изучении своей страны, развивается местная научная литература на русском и якутском языках по различным дисциплинам и в том числе по литературоведению, включая фольклор.

Отдельные представители якутской национальной интеллигенции, преимущественно из среды полуфеодалов-тойонов, содействовали изучению их языка и литературы и до Октябрьской революции, особенно после 1905 года, когда усилилось национальное движение среди якутов и когда зародилась некоторая печатная литература на якутском языке.

Следующие якуты содействовали Э. К. Пекарскому в составлении его словаря и в собирании образцов устной литературы: Е. Д. Николаев, В. Е. Оросин, сообщивший между прочим заклинание при игре в карты, И. В. Оросин, ведший в 1892 году дневник погоды на якутском языке, И. Е. Оросин, К. Е. Оросин, записывавший сказки, П. Ф. Порядин, автор якутско-русского словаря 1877 года (рукопись), Н. С. и С. В. Слепцовы.

Особого упоминания заслуживает знаток быта, языка и литературы якутов, поныне здравствующая в Москве якутская женщина Мария Николаевна Слепцова-Андросова-Ионова, которая много содействовала своими знаниями работам своего мужа В. М. Ионова и его друга Э. К. Пекарского и которая после Октябрьской революции участвовала в переводе на якутский язык брошюр по сельскому хозяйству. Якут С. А. Новгородов, ныне покойный, [1]) речь о котором еще

[1]) См. написанный мною его некролог в журнале «Жизнь национальностей» (1924, кн. I): «Памяти первого якутского ученого лингвиста».

впереди, получивший высшее образование в Ленинградском университете и в Институте живых восточных языков, за свои студенческие годы напечатал две работы по якутскому фольклору: «Дух — хозяин леса у якутов» (1914 год) и «Призывание Баяная» (1916 год).

В послеоктябрьское время дал ряд интересных печатных работ по истории и религиозному фольклору якутов член Восточно-Сибирского Отдела Географического Общества, упоминавшийся ранее Г. В. Ксенофонтов: «Легенды и рассказы о шаманах» (вышло двумя изданиями в 1928 и 1930 годах), «Хрестес. Шаманизм и христианство» (1926 год) и др.

Ряд материалов по языку и фольклору якутов обнародовал якутский поэт А. Е. Кулаковский, в том числе обширное собрание на якутском языке с переводом на русский «Якутские пословицы и поговорки» в «Сборнике трудов исследовательского общества» «Saqa Keskile», в. 2 (Якутск, 1925 год). Современный якутский поэт и лингвист П. А. Ойунский дал в том же научном якутском органе, основанном в 1925 году, статью: «Якутская сказка, ее сюжет и содержание» (1927 год).

С полным основанием можно сказать, что в настоящее время первое место в изучении языка, литературы и верований якутов принадлежит самим якутам, которые и ранее широко содействовали приезжим исследователям в их изучении истории якутской культуры.

II. ЯКУТСКАЯ УСТНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Якуты не имели к моменту завоевания их страны русскими в XVII веке национальной письменности, но в их языке сохраняются: 1) весьма древнее по форме, родное слово для обозначения «начертания, письма, буквы, писания, грамоты, книги» — «сурук», которое еще чувашеведом Золотницким было сопоставлено, чего не заметил Э. К. Пекарский, с чувашским словом в значении «письмо, записка» — «сьыру» и которому в других языках тюркской системы соответствуют слова «йазгу», «джазув» и т. д., и 2) еще одно слово «бичик», которое по-якутски значит «узор», «украшение», а по-монгольски («бицик») и в некоторых языках

тюркской системы (уйгурском и др.) «битиг» — «письмо». У якутов кроме того существуют предания об утрате ими некогда своего письма. Вот отрывок одного такого предания: [1]) «Среди бурят Омогой, сын Каяранга, отличался большим умом и тяжелым, упрямым нравом. У него было три жены, четверо сыновей, две дочери и много невесток. Враждуя и ссорясь со своими сородичами, он стал думать о том, что хорошо было бы найти подходящее место в какой-нибудь отдаленной земле и поселиться там. И вот, посоветовавшись с друзьями-сородичами и домочадцами, он склонил их на свою сторону, и они бежали, не зная даже, куда именно они направляются. Идя таким образом, набрели они на большую реку (Лену), по течению которой пошли дальше. Во время этого путешествия они потеряли свои тогдашние ученые письмена». По другому преданию [2]) Эллей, появившийся на Лене после Омогоя (или Омогона) и происходивший из бурят, [3]) сообщил Омогою, что на своей прежней родине он был бы грамотным и обладал бы книгами, но он бросил свои книги в реку, когда бежал из дому. По третьему преданию, изданному Э. К. Пекарским, [4]) Омогон принадлежал к племени киргизов, а Эллей, как указано выше, и его отец Дархан — к племени бурят. Во время бегства на реку Лену Дархан заболел и умер, а его сын Эллей, согласно завещанию отца, «уложил отца в висячий гроб вместе с их письменами» (стр. 6). Якутский писатель Оюнский в своей статье, которую я упоминал в конце главы первой, приводит интересные данные из героических поэм — «олонгхо» о том (стр. 138), что первый легендарный якутский «повествователь» был грамотным и пользовался для писания орлиным пером, что, по некоторым

---

1) Э. К. Пекарский, Из преданий о жизни якутов до встречи их с русскими (Записки Русск. Геогр. Общества по отделению этнографии, т. XXXIV, Сборник в честь семидесятилетия Г. Н. Потанина, 1909, стр. 145. Имя Огой, иначе Омогон, ср. с названием бурятского рода (кости) Обогон (Бурятоведение, № 3—4, 1927, стр. 85).

2) М. Овчинников, Из материалов по этнографии якутов. I. Легенды, сказки, предания («Этнографическое Обозрение», 1897, № 3, кн. XXXIV), стр. 148.

3) Э. Пекарский, Предания о том, откуда произошли якуты, Иркутск, 1925, стр. 5.

4) См. выше сноску 3.

версиям, у него были «каменные скрижали», что вторым грамотным лицом был «Огонь Джурантай» и что, по смутным преданиям, у якутов существовали «берестяные и зеленые ведомости».

В собрании пословиц, изданных Э. К. Пекарским в якутском тексте с польским переводом, [1]) имеется интересная пословица с упоминанием слова «сурук» (письмо), очевидно из числа сравнительно новых:

«У русских расписка (сурук), а у якутов — слово».

Г. В. Ксенофонтов в своих докладах на тему «Происхождение якутов» ссылался на упоминаемые в «олонгхо» восьмигранные каменные столбы с письменами и рассматривал эти упоминания наряду с преданиями об утрате якутами письменности, как свидетельства уйгурского происхождения якутов, [2]) а в ранее отмеченной нами статье в сборнике «Язык и мышление» остроумно пытается приписать предкам якутов в западном Прибайкалье надписи енисейско-орхонским алфавитом или древними турецкими рунами на двух каменных пряслицах (веретенных катушках).

Российские миссионеры, проводники руссификации, распространяли среди якутов через переводы на якутский язык религиозных христианских книг сначала церковно-славянский, затем русский алфавит. Политические ссыльные, занимавшиеся изучением якутского языка на основе грамматики и словаря академика Бетлингка, познакомили представителей якутской интеллигенции с алфавитом Бетлингка, в основе которого лежал также русский алфавит, осложненный рядом дополнительных букв. «Бетлингская транскрипция» применялась якутами в национальном письме и в печати при возникновении после 1905 года печатной национальной литературы, которая до Октябрьской революции не получила значительного развития.

После Февральской революции 1917 года питомец Ленинградского университета, якут С. А. Новгородов, убедил якутское учительство принять составленный им якутский алфавит на основе латинского, но с рядом крайне условных знаков, применяемых исключительно в западно-европейской

[1]) Rocznik Orjentalistyczny, II, Львов, 1925, стр. 197, № 68.

[2]) Бурятоведение, I—III (V—VIII), 1928, стр. 279

научной транскрипции. Новгородовский алфавит применялся в Якутии и после Октябрьской революции до 1922 года, когда он был заменен более простым и практичным «новым алфавитом» на латинской же основе, распространявшимся Всесоюзным Центральным Комитетом нового алфавита при ЦИКе СССР.

В настоящее время развивается якутская печатная литература, школьно-учебная, научно-популярная, научная, политическая, художественная, вырабатывается и развивается новый якутский литературный язык.

Произведения художественной литературы якутов, утративших, по сказаниям, свою старую письменность в незапамятные времена и приобревших новую письменность совсем недавно, существовали до завоевания Якутии русскими и долго после этого в устной форме (фольклор), передаваясь из поколения в поколение по памяти и подвергаясь при передаче различным изменениям в зависимости прежде всего от происходивших изменений в состоянии якутского общества и его классов.

Литературные произведения, представленные в настоящем сборнике, будучи записаны на протяжении второй половины XIX и начала XX века русскими и другими европейскими исследователями Якутии или представителями современной якутской интеллигенции, принадлежат якутской литературе периода разложения родового строя, полностью, однако, до недавнего еще времени не исчезнувшего, зачатков раннего феодализма, не получившего дальнейшего развития, и зарождения в условиях российского колониального режима якутской торговой буржуазии, получившей только после революции 1905 года некоторую, весьма слабую возможность создавать новую национальную литературу. Таким образом, перед нами находятся образцы литературы докапиталистического общества, принадлежащей народу, не объединившемуся в феодальное государство, разделенному на роды и родовые группы, но сознававшему свое племенное «урянхайско-якутское» (ураангай-сах) единство при наличии вместе с тем внутри этого единства класса эксплоататоров-тойонов и класса эксплоатируемых.

Отражая в себе пережиточно еще более старые периоды истории якутов и их культуры, литература рассматриваемого

нами периода, определенно переходного, состоит из ряда отделов (жанров), на состоянии которых более или менее поразному сказывается этот переходный характер отошедшей ныне в историю эпохи.

Столетия хозяйничания в Якутии агентов российской колониальной политики — чиновников, миссионеров и коммерсантов — были временем, когда национальная якутская культура не только не развивалась, но с возрастающею силой угнеталась и падала, и это обстоятельство ускоряло внутренний процесс отживания и разложения отдельных видов якутской литераруры феодально-родового периода.

В. Л. Серошевскому якуты в 1891 году рассказывали: «В старину люди любили играть и веселиться. Ысыахы (кумысный праздник) устраивались часто, и народа на них собиралось много. Побывают у именитых людей своего рода и наслега, затем кучей идут в соседний наслег, а там и дальше... Очень бывало весело... Теперь (1891 год) ысыахы вывелись. Кобыл якуты перестали доить, и табунов стало меньше. Все обеднели, стада рассеялись, а люди все больше гоняются за деньгами... Нет больше ни борцов, ни богатырей, ни богатых людей» (стр. 461). В другом месте В. Л. Серошевский отмечает, что якутами совершенно забыты их военные родовые песни, а «в старину богатыри выходили на бой с песнями» (стр. 470—471).

Но и записанные в годы упадка и разложения старой национальной культуры произведения якутской литературы, особенно героические поэмы, производят на современного читателя не-якута сильное, волнующее впечатление своими своеобразными художественными красотами. «Меня, — думаю, что и каждого читателя, — поразил и поразит этот чудный мир якутской фантазии, его особый своеобразный размах» — пишет профессор С. Е. Малов в предисловии к «Образцам» С. В. Ястремского (1929 год). «Здесь, в олонгхо (героические поэмы), мы вступаем в очаровательный мир, полный поэзии, полный могучих красок», «поразительно могуча, страстна, полна поэзии бывает олонгхо» — говорит сам собиратель, С. В. Ястремский (стр. 3 и 6). Приведя несколько отзывов якутов об их героических поэмах, В. Л. Серошевский прибавляет: «Конечно, в этих отзывах много восторженности, но, созна-

юсь, что и во мне не раз своеобразные поэтические образы якутских олонгхо, пропетые вдохновенным голосом, вызывали удивление» (стр. 594).

Вот как отзывался о якутской сказке и о сказочниках в 1925 году современный нам якутский поэт и фольклорист А. Кулаковский: «Сказку слушают с раннего вечера и до предутреннего сна, то есть под ряд тринадцать-четырнадцать часов. (Богачи иногда заставляли рассказывать сказки под ряд по трое суток с короткими перерывами для сна и еды.) Слушают все с затаенным дыханием, сильно увлекаясь и стараясь не проронить ни одного слова. А ведь якуты вообще довольно апатичный народ... Каждый позабыл свои заботы, свое горе и унесся в волшебный, прекрасный мир чарующих грез... А сам сказочник, как истинный поэт, увлекся больше всех, у него даже глаза закрыты, чтоб окончательно отрешиться от «грешной» земли с ее злободневными дрязгами и прозой... В глазах слушателей сказочник совершенно преобразился: он не прежний знакомец Уйбан, а какое-то сверхъестественное прекрасное существо, окруженное таинственным ореолом». [1])

Мне самому, к сожалению, не приходилось еще бывать в Якутии и слушать исполнение старинных литературных произведений на месте из уст якутских сказителей, но, знакомясь впервые с этими произведениями по докладам Э. К. Пекарского в Ленинграде и сравнивая их с аналогичными произведениями тех тюркских народов, среди которых я путешествовал и фольклорную литературу которых я изучал, я выносил впечатление, что героический эпос якутов, несмотря на все неблагоприятные обстоятельства, сохранился в еще более художественно богатом и своеобразном состоянии, чем у киргизов Средней Азии с их пользующейся заслуженной известностью героической поэмой Манас или у тюрков Алтая с их героическими сказками. [2])

[1]) А. Кулаковский, Якутский язык (Сборник трудов Saqa Keskile, в. 2, 1925) стр. 69.

[2]) См. Н. Я. Никифоров, Аносский сборник. Собрание сказок алтайцев. С примечаниями Г. Н. Потанина (Записки Зап.-Сиб. Отд. Геогр. Общества, т. XXXVII), Омск, 1915. См. еще «Алтайский эпос. Когутай», «Academia», 1935, с хорошими, но излишне «монголофильскими» введением и комментариями проф. Н. К. Дмитриева.

Большинство видов (жанров) якутской старинной литературы упоминается в героических поэмах, хорошо воспроизводящих старую якутскую жизнь и составляющих наиболее интересный и ценный в художественном отношении отдел старинной якутской литературы, как явствует и из вышеприведенных отзывов.

Современное состояние изученности устной якутской литературы, и в частности эпоса, не дает возможности осветить в настоящем предисловии ряд вопросов, поставленных мною в предыдущей главе в связи со сборником С. Ястремского. Литературоведческие организации Ленинграда, Москвы и Якутска должны принять срочные меры к планомерному и интенсивному собиранию и исследованию остатков якутской литературы докапиталистического периода во всем его многогранном объеме на всей территории обитания якутов, с соблюдением всех требований, предъявляемых к такому изучению современным литературоведением. [1])

Медлить в этом деле совершенно недопустимо, так как уже и в настоящее время многое из этой старинной устной литературы утрачено безвозвратно, а при быстроте темпов развития новой советской якутской культуры среди широких масс трудящихся Якутии, которым суждено миновать капиталистический путь развития, естественно, скоро забудутся и последние остатки словесно-художественной якутской старины, представляющей один из источников истории якутского общества, а также имеющей при критическом к ней подходе значение и для развития нового советского литературного языка якутов. Само собою разумеется, что наряду со спешным изучением остатков якутской литературы феодально-родового периода необходимо собирать и исследовать памятники современного советского фольклора якутов и руководить развитием этого нового фольклора.

До сих пор в литературе по якутоведению не установлены еще с достаточной точностью и не характеризованы жанры якутской докапиталистической художественной литературы.

---

[1]) См. А. Н. Лозанова, К ближайшим задачам советской фольклористики («Советская Этнография», 1932, № 2). Проф. Андреев, Фольклор. Программа-задания для заочного отделения языка и литературы пединститутов, 1933.

Относящаяся к этому вопросу якутская терминология (олонгхо и т. д.), подробно представленная в словаре Э. К. Пекарского и в других работах, также является пока сырым, неисследованным надлежащим образом материалом. Новейшая попытка классификации некоторых жанров с учетом и якутской терминологии принадлежит Э. К. Пекарскому: [1]) «Якутская сказка». Признаваясь в том, что он, в подражание Худякову, сам объединил в первом томе своих «Образцов якутской народной литературы» под одним названием «олонгхо» три рода якутских произведений, Э. К. Пекарский отмечает (стр. 423), что якуты применяют «к своим сказочным произведениям» четыре термина: 1) «былыр» — «былое», то есть повествования, отчасти легендарные, отчасти исторические, иногда со следами художественной обработки. Худяков называл эти произведения «сагами», которые представлены в его «Верхоянском сборнике» пятью образцами: «Бярть-Хара» (в этом повествовании среди других якутских героев упоминается и Тыгын, организовавший сопротивление русским при их первом появлении в Якутии), «Хоро» (прародители якутов) и др. Очевидно, эти произведения относятся к категории якутских сказаний, преданий, легенд, и истоки их более поздние, чем олонгхо. 2) «Устуория» — сказки, проникшие к якутам от русских, например о Жар-птице, Иван-царевиче. К этой же категории относятся якутами рассказы о Петре I, легенда об Александре Македонском и др. Серошевский говорит (стр. 603): «Сторья (история), которая в сущности не что иное, как русская объякученная сказка, бледнее всех остальных по изложению. Она переполнена руссицизмами и какая-то вялая в действии». 3) «Кэпсээн», по словам Э. К. Пекарского, «якутская сказка, сильно руссифицированная. Если устуория — русская сказка, попавшая в якутский оборот, то кэпсээн — якутская сказка, подвергшаяся изменению под влиянием русских привнесений» (стр. 424). Я считаю, что такая характеристика «кэпсээн» может относиться далеко не ко всем произведениям этой категории. Во-первых, в категорию «кэпсээн» входят не только сказки, но и, судя по словарю Э. К. Пекарского,

---

[1]) Сергею Федоровичу Ольденбургу к пятидесятилетию научно-общественной деятельности. Сборник статей, Ленинград, 1934, стр. 421.

«сказания, анекдоты, предания, легенды, былины», как мне представляется, связанные своим бытованием, в отличие от олонгхо, со средою широких трудящихся масс. Серошевский (стр. 604) объявляет «кэпсээн» «настоящей якутской сказкой», а Виташевский [1]) считает «кэпсээн» «рассказом». Во-вторых, не все «кэпсээн» руссифицированы. Так, Серошевский указывает (стр. 604), что «самые остроумные якутские кэпсээны, в которых больше всего заметно отличие их от сторьи и олонгхо (былины), это — сказки из животного мира», и вот, в частности, среди последних сказок имеются такие, в которых нельзя обнаружить никаких «русских привнесений». 4) «Олонгхо», на которых Э. К. Пекарский в разбираемой статье подробно не останавливается (стр. 426), не давая и перевода этого якутского термина, имеющего, по словарю Пекарского, значения: «героическая былина, эпическая песня о подвигах богатырей, героическая поэма, имеющая стихотворный размер, сказка, вымышленный рассказ, история, басня». По-моему, олонгхо — эпические поэмы в прозе со стихотворными вставками — песнями, сочиненные особым эпическим языком на потребу господствующего класса — тойонов. Опыт классификации Э. К. Пекарского базируется в основном на данных Серошевского. Последний в разных местах своей книги «Якуты» то подробно, то вскользь касается следующих видов якутской устной литературы: 1) предания (стр. 190, 209, 252, 450, 463) и легенды (стр. 523); 2) сказки (стр. 252) и 3) былины (стр. 252, 449); 4) песни (стр. 449, 462): песни свадебные (стр. 542), колыбельные (стр. 529), «кумысовые песни» (стр. 463), «родовые военные песни», (стр. 471), мужские и женские любовные песни (стр. 582); 5) причитания по умершим (стр. 515—516); 6) детские скороговорки (стр. 533). В специальной главе «Народное словесное творчество» (стр. 587—613) Серошевский подробнее говорит о песнях мужских и женских, которые распадаются на героические, любовные, описательные, игривые, плясовые, шаманские, торжественные хоровые гимны (стр. 590), и описывает при этом песенные состязания. Аккомпанирования на музыкальном инструменте не существует, так как единствен-

[1]) «Живая старина», год XXI (1912), в. 2—3, стр. 451.

ный якутский музыкальный инструмент — «хамыс», соответствующий украинской друмле, для аккомпанимента не годится.

Большое сравнительно внимание уделяет Серошевский олонгхо (стр. 592—595, 610—613), упоминая об исполнителях олонгхо — певцах и их обучении (стр. 594). Серошевский приводит образцы загадок (стр. 596—597), упоминает без примеров поговорки, каламбуры, короткие повествования (стр. 596), предания, коротенькие рассказы, анекдоты и более пространные повествования «былыр» (стр. 597—598). Даются в переводе один былыр (стр. 598—602) и одна сказка «Крысий голова, война птиц и четвероногих» (стр. 604—609).

В следующей главе «Верования» Серошевский, описывая культ шаманства (стр. 638—650), шаманские обряды, характеризует шаманские «заклинания» и «песнопения» (стр. 641—644), а в конце главы сообщает о «гимнах» светлым богам старинного якутского пантеона (стр. 672—674). Песнопения шамана сопровождались своеобразной игрой на большом шаманском бубне, который именуется у Серошевского барабаном (стр. 640—641). «Раз и два увидевши настоящих шаманов, — писал Серошевский (стр. 639), — я понял деление их на великих, средних и лживых. Иной из этих кудесников так мастерски располагает свет и темноту, тишину и заклинания, модуляции его голоса так гибки, жесты так своеобразны и выразительны, удары барабана и тон их так соответствуют моменту, и все это перевито такой оригинальной лентой неожиданных слов, остроумных загадок, художественных, часто изящных метафор, что невольно поддаетесь прелести созерцания этого дикого, свободного творчества дикой, свободной души». Заключительные слова этого высказывания характерны для автора — идеалиста-народника, не обращающего внимания на эксплоататорскую роль служителя религиозного культа в классовом якутском обществе.

Господствующий класс — «тойоны»-полуфеодалы были той средой, которая преимущественно обслуживалась, как указывалось выше, и олонгхосутами — исполнителями эпических поэм. «Я слыхал, — пишет Серошевский (стр 492), — одну олонгхо, исполненную четырьмя зараз певцами... Этот способ петь былины куда красивее единоличного, но практикуется он все реже... угощение группы певцов в продолже-

ние даже одного вечера стоит довольно дорого на якутский тощий карман. Угощение такое всегда бывает самое лучшее, на какое способен хозяин. Кажется, что угощение это и слава — вот единственная награда якутского певца. Впрочем, я слыхал о певцах наемных, которым платили за песни деньги и подарки». «Олонгхо — самая установившаяся и законченная из форм якутского народного творчества: в ней личному творчеству отведено меньше всего места... Язык олонгхо дышит древностью... Личные особенности богатырей якутского эпоса очерчены бледно, характеры их однообразны, зато природа описана там иногда неподражаемо, а подробности и внешняя отделка всякого события достигают истинно художественной чистоты и изящества... Иные якутские былины представляют целые циклы... К таким принадлежит, например, цикл Хан-Джаргыстай, записанный Худяковым» — пишет Серошевский (стр. 611) и продолжает: «Известный верхоянский сказочник Маньчары... хвалился передо мною тем, что он знает такую олонгхо, которую можно рассказывать месяц».

Принадлежа народу, который до завоевания его в XVII веке русскими, как указывалось выше, едва вступал в стадию раннего феодализма, героические поэмы олонгхо якутов, подобно соответствующим произведениям их южных соседей, бурят, [1]) с одной стороны, являются несомненно результатом длительного развития словесно-художественного творчества, а с другой — представляют собою ряд напластований на весьма архаическую основу, отличаются своеобразием и по своим сюжетам и в отношении поэтики и сочетают в себе описание подвигов кочевых богатырей-скотоводов, а иногда и звероловов, с описанием действий шаманских божеств, добрых и злых, небесных и подземных, их земных потомков, а также шаманов и шаманок. Значительно в меньшей степени, чем у бурят, на якутских олонгхо сказалось, вероятно, через бурятское посредство, влияние буддизма, что отметил профессор Малов в предисловии к «Образцам» Ястремского (стр. 111):

[1]) См. Жамцарано, Заметки о монгольском героическом эпосе (Произведения народной словесности бурят. Собрал Ц. Ж. Жамцарано, в. 3, 1918), и Владимирцов, Монголо-ойратский героический эпос. Предисловие, стр. 13—16.

Аджи-Буджу есть санскритское раджа Бходжа, а демонская птица хардай — птица гаруда буддийских текстов.

Для иллюстрации слов Серошевского об иногда неподражаемых описаниях в олонгхо природы привожу небольшой отрывок из поэмы «Вороным конем владеющий, в оборотничествах искусившийся Кулун Куллустур» из «Сборника» Ястремского (стр. 56):

«Простор поперек неведомый — широкая сияющая страна! Протяжение вдоль неведомое — необъятная вдоль земля!

С подножья восточных склонов путаными нитями перевита нарядная земля, с западных склонов отчеканены ее красивые луговины, с северных склонов отлиты ее махровые поля, с южных склонов добыты ее зеленого шелка долины, вытянутым листам жести подобны ее урочища, тени не видно — светлые озера, пеною не покрываются молочные озерки, грязью там творог, солончаками — скопы молочные, черные глубины — это масло с квашеным молоком, лесные озерки — сливочное масло, горы — из кишечного жира, утесы — из подбрюшного жира, вровень с головою молодецкого коня растет там хвощ, а зеленая осока — по развевающуюся холку доброго коня; по гладкие виски отменного коня — черная осока, по коленные чашки прекрасного коня — нарядная трава; как жгуты из серебра — там ветлы, как сученое серебро — там ивы; красуются березы, кругом тальник, ерником поросли дороги. Нет зимы, а все тянется лето, такая страна! Ночей нет, а все стоит светлый день, такая земля!» Подобное этому, но еще более обширное описание страны находим в поэме «Хан-Джарыгстай» Верхоянского сборника Худякова (стр. 136—137), а другое схожее описание имеется в поэме «Басымнилан-батыр» того же сборника Худякова (стр. 249—250). Иной, более утонченной, под влиянием буддийской литературы, красотой отличаются описания страны (Хангай-Алтая) в поэмах монголов-ойратов, переведенных академиком Б. Я. Владимирцовым (стр. 55—56, 103—104, 217—232).

Привожу для сравнения отрывок одного из этих описаний (стр. 55): «... Алоэ и кипарисы повырастали вместе, и не было, говорят, имени и числа другим прекрасным деревьям. Степные полынь и ковыль повырастали вместе, и в тучной, прекрасной траве совсем не было, говорят, пустого

промежутка — пространства. Ревут, ища пищи, силой страшной обладающие дикие звери; шумят и поют звонкоголосые птицы; шестидесяти родов жаворонки чирикают и забавляются; семидесяти мастей антилопы идут, пасясь, друг за другом. Вот всерадостная, прекрасная отчизна! Вот как говорят о ней!»

При установлении различий между олонгхо и кэпсээн, попытки чего делались Серошевским и вслед за ним Э. К. Пекарским в упоминавшейся выше статье «Якутская сказка» (стр. 425), необходимо считаться с тем, что олонгхо, соответствующие в известной степени русским былинам, являются достоянием преимущественно господствующего класса тойонов якутского общества периода начатков раннего феодализма и плодом творчества профессионалов-олонгхосут, обслуживавших тойонов, с использованием материалов и дофеодальной формации, а в разнообразном составе кэпсээн имеются, с одной стороны, связанные с дофеодальным периодом сказки мифологического характера, в том числе отмеченные Серошевским «животные сказки», а с другой стороны, среди других произведений, те же олонгхо, но изменившие свою форму (простой язык, отсутствие пения, сокращенный размер) в связи с проникновением их в другую социальную среду — в трудящиеся массы.

Биографий профессионалов-сказителей и сведений об их репертуаре я в литературе не встречал. В книге Г. В. Ксенофонтова «Легенды и рассказы о шаманах» (издание второе, 1930 года) в отделе «Данные о личности сказителей» (стр. 115—120) приводятся весьма краткие сведения о пятидесяти двух якутах, доставлявших материалы автору, причем выделяются сказители: Г. Т. Алексеев, А. Васильев, М. Говоров, И. И. Данилов, И. П. Догоюков (восьмидесяти лет, неграмотный, известный певец-импровизатор, завсегдатай ысыахов, якут Накасского наслега Нюрбинского улуса), В. Козлов (тридцати четырех лет, «в качестве отпрыска когда-то богатой и родовитой фамилии, по семейной традиции, является хранителем народных легенд о прошлом»), Н. У. Павлов (семидесяти шести лет, неграмотный, происходит из знатного рода. В молодости умел сказывать былины и славился как известный певец. Западно-Кангаласский улус),

В. Ф. Попов (сорока пяти лет, второго Бордонского наслега Хочинского округа. Грамотный, известный в своем районе певец-импровизатор, хороший рассказчик), К. Слепцов (шестидесяти пяти лет, четвертого Мальжегарского наслега Западно-Кангаласского улуса. Неграмотен. Известен в ближайшем районе как хороший сказитель богатырских былин).

При классовом характере якутского общества в момент завоевания Якутии в XVII веке русскими, значительно позднее записанные якутские пословицы должны также носить на себе отпечаток классовости, но, насколько мне известно, с этой стороны якутские пословицы еще не изучались.

В среде аристократов, знати сложилась, надо думать, пословица Верхоянского сборника (стр. 6) и «Образцов» Ястремского (стр. 181, 193): «Орленок всегда орел: воронёнок всегда ворон».[1]) В недрах трудящихся и эксплоатируемых масс должна была сложиться пословица сборника Худякова (стр. 9) и А. Е. Кулаковского (стр. 17, № 83): «С верхового берет плетку, с пешехода — посох», как и пословица в «Образцах» Ястремского (стр. 180, № 147): «Богатый, и варнаком будь, — господин; бедный, и умным будь, — дурак, как говорится»,[2]) или пословица сборника Кулаковского (стр. 19, № 8): «Богатый не жалеет бедняка, бедняк не жалеет богача».

В предисловии к своему сборнику А. Е. Кулаковский отмечает, что в Колымске, Усть-Янске и Жиганске «язык поэзии забыт» (стр. 7) и что повсюду в Якутии молодежь «пословиц знает ничтожное количество».

Некоторые фольклорные жанры не отражены или слабо отражены в существующих изданиях. Так, не уделялось должного внимания «рабочим песням», возникновение которых относится к эпохе первобытного общества и существование которых в классовом обществе наблюдается, естественно, среди трудящихся (крестьян, пастухов). Из песен Верхоянского сборника к этой категории относится, думаю, песня «Покос», в которой имеются слова:

---

[1]) Эта пословица имеется и в собрании Э. К. Пекарского (Rocznik Orjentalistyczny, II, стр. 200, № 98).

[2]) Вариант в сборнике Кулаковского (стр. 20, № 16): «Хозяин юрты, хоть и варнак, а все же владыка (басылык); хозяин шалаша, хоть и разбойник, а все же барин» (тойон).

«Вот я-то, стоючи спутником вместе с восьмизубым деревом (вилами), стоя — вошедши на самую середину медножелтого места, стоя, я вот досадую.

Вот я-то, я, человек, вошедши и стоя на блестящем серебряном пупе среднего места (земли), держучи дерево с корнями и ветвями, стоя с ним рядом, мучаюсь ...»

Не замечал я в литературе по якутам и якутских скороговорок, о которых упоминает Серошевский (стр. 533). Нет примеров на скороговорки и в словаре Э. К. Пекарского при словах: «чабыргах» — «скороговорка» и «чабыргах-таа» — «говорить скороговоркою».

Г. В. Ксенофонтов в своих «Легендах» (стр. 112) сообщает, что «якуты отличают обыкновенное пение от шаманского. Последнее передается словом «кутурар», что значит — бесноваться. Напев при кутурар значительно отличается от простого пения: поют грубым голосом, порывисто, с беспрестанным мотанием головой, не глядя на людей». В словаре Э. К. Пекарского, кроме глагола «кутур» — «шаманить», приводится еще выражение «тоюк туой» — «импровизировать шаманский напев».

В другом месте тех же «Легенд» (стр. 109) Г. В. Ксенофонтов пишет: «Несомненно, у якутов шаманизм находится в теснейшей связи с развитием народной поэзии и с проявлением дара поэтической импровизации ... По древнейшим понятиям якутов, первый признак явления духов, это — обретение человеком дара поэтической импровизации. Среди них есть немало скептиков, которые отвергают и шаманских духов, признавая их просто за «тыл иччитэ», то есть «оживление словесных образов» (собственно, «дух — хозяин речи». *А. С.*).

Образцов шаманских песнопений издано чрезвычайно мало. Шаманские м и с т е р и и совершаются по ночам. Описание их дано Серошевским («Якуты», стр. 639), а до него, в 1890 году, Н. А. Виташевским, [1]) который писал: «В литературе существует много описаний шаманских действий, но все эти описания крайне поверхностны и обыкновенно проникнуты или грубой иронией, или голым презрением к пред-

[1]) Материалы для изучения шаманства у якутов. Записки В.-Сибирского Отд. Русск. Геогр. Общества по этнографии, т. II, в. 2, Иркутск, 1890, стр. 37.

мету. Наше описание, с сохранением по возможности всех подлинных оборотов шаманских заклинаний, с изображением всего обряда в форме драматического действия, является в литературе первым опытом этого рода». Литература о якутском шаманстве приведена, кроме упоминавшегося ранее указателя П. П. Хороших (стр. 24—27, № 340—353), в труде участника настоящего сборника А. А. Попова: [1]) «Материалы для библиографии русской литературы по изучению шаманства северо-азиатских народов» (стр. 77—87, № 364—426).

Обращаясь к форме произведений устной якутской литературы, приходится прежде всего отметить, что Серошевский совершил ошибку, когда к стихотворным произведениям отнес только песни, а все остальное (стр. 596—598) — к прозе. В действительности, как уже указывалось выше, стихотворные вставки-песни имеются всегда в олонгхо, а затем стихотворную форму имеют многие загадки, поговорки, пословицы.

Не останавливаясь на вопросе о метре якутского стихосложения, ограничусь указанием на то, что в стихах богато применяется аллитерация, выражающаяся прежде всего в том, что все слова внутри стиха начинаются с одного и того же звука, а затем в том, что гласные в одном стихе бывают только твердые или только мягкие, и, наконец, в том, что новые стихи начинаются одними и теми же звуками. Вот отрывок из хороводной песни на кумысном празднике по записи Миддендорфа в издании и переводе Э. К. Пекарского. [2])

Kägä käksyätä,
Ötön üöttä,
Toyon čorguyda,
Kuragačči kuyaarda,
Küörägäy kölčüydä...

Кукушка закуковала,
Горлица заворковала,
Орел заклекотал,
Кулик закуликал,
Жаворонок стал делать трели...

[1]) Издание Научно-исследовательской ассоциации Института народов Севера ЦИК СССР, Ленинград, 1934.

[2]) Эд. Пекарский, Миддендорф и его якутские тексты (Записки Вост. Отд. Археол. Общества, т. XVIII, 1908), стр. 049 и 055. Русская транскрипция мною переделана на латинскую.

«Правила якутского стихосложения» А. Е. Кулаковского, опубликованные в 1925 году,[1]) дают достаточно полное представление о форме якутских стихов, хотя вопрос о метре нуждается в дальнейшем исследовании.

III. О НАСТОЯЩЕМ СБОРНИКЕ

По просьбе составителей настоящего сборника я взял на себя смелость написать к нему предисловие, хотя и не принадлежу к числу знатоков якутского языка и якутской литературы.

Сборник составлен при участии моего бывшего ученика по Географическому факультету Ленинградского Госуниверситета, сотрудника Института антропологии и этнографии Всесоюзной Академии Наук, специалиста по якутам и уроженца Якутии, автора ряда работ по этнографии Сибири, А. А. Попова.

В сборнике представлены все главнейшие отделы старинной якутской литературы, литературы докапиталистического общества: героические поэмы (олонгхо), сказки (кэпсээн), предания и легенды (былыр), песни (ырыа), шаманские заклинания (алгыс), поговорки и пословицы (өс хоосоно), загадки (таабрыын). В конце сборника, наряду с примечаниями, указателем якутских слов и оборотов речи и указателем собственных имен, дан и указатель источников настоящего сборника со всеми подробностями. Большинство произведений сборника издается впервые по переводам, исполненным А. А. Поповым. Часть произведений и в якутских оригиналах записана тем же А. А. Поповым; часть записана студентом Ленинградского Института Автомобильно-дорожного транспорта, якутом Г. А. Неустроевым; по одному произведению записано студентом Ленинградского Педагогического Института им. Герцена, якутом Н. Романовым, и студентом Ленинградского Института народов Севера при ЦИК СССР, якутом Г. Никитиным.

Составители сборника стремились не только издать главным образом доселе неизвестные образцы якутской литера-

[1]) Сборник трудов Исследовательского Общества «Saqa Kes Kile», в. 1, Якутск, 1925, стр. 76.

туры, но и представить их в художественной обработке на русском языке, без искажения их якутского колорита.

В такой же переработке даны в сборнике и некоторые ранее изданные переводы С. В. Ястремского, И. А. Худякова и др. Художественная обработка производилась Е. М. Тагер.

Чтобы подготовить читателей к ознакомлению с двумя героическими поэмами (олонгхо), самыми крупными по объему произведениями сборника, освоение которых затрудняется сложностью их построения, я даю их краткое содержание, в дополнение к «остову-плану», предложенному профессором С. Е. Маловым в предисловии к «Образцам» С. В. Ястремского.

Поэма первая. Эр-Соготох (герой-одиночка) был создан без отца и без матери. После того как он побывал у священного дуба и поговорил со своей старшей сестрой, духом земли — кормилицей, созидательницей, к нему явились с неба среди грома от Айыы-Тойона три вестника на белых конях и сообщили ему повеление своего господина ехать на запад к родоначальнику девяти кузнецов, Черному-Кузнецу-Гибель-Дуодарба, и заказать ему кольчугу, саблю, лук, стрелы и булаву с ядром. Выполнив этот заказ, Черный-Кузнец-Дуодарба потребовал в качестве платы дочь старика демона Арсаан-Дуолана, девицу Никы-Харахсын, и Эр-Соготох поехал далее на запад, в страну мрака, чтобы добыть для Черного-Кузнеца эту девицу. Победив в борьбе сына Арсаан-Дуолана, которого отец освободил для борьбы из оков, Эр-Соготох получил девицу, вернулся на лыжах к Кузнецу, и тот, взяв девицу, отпустил героя с пожеланием ему счастья и с рядом наставлений. Снова явились небесные вестники от Белого-Создателя-Господина — деда героя и от Ясной-Почтенной-Госпожи — бабки героя и передали их повеление ехать на восток за своей суженой, за дочерью Медного-Божьего-Господина по имени Мотылек-Красотка-Белая-Юкэйдээн. Получив у священного дуба напутствие от своей старшей сестры — владычицы земли, герой поехал на восток и по дороге повстречался со спустившимся с облаков демоном по имени Громадный-Верзила, который направлялся к Медному-Божьему-Господину сватом от соперника Эр-Соготоха, Господина Кулута, сына Почтенного-Громадного-Господина. Устроили состяза-

ние в стрельбе из луков. Эр-Соготох победил, прибыл к отцу суженой, узнал, что у него имеется второй соперник, владыка моря, Нюргун Могучий, отправился на север, чтобы его уничтожить, а Кулут, его первый соперник, ранее его направился туда же и с той же целью, но, узнав о поездке Эр-Соготоха, отлетел на небо, так как считал этого соперника непобедимым.

Близ северного моря Эр-Соготох убил караульную птицу, племянницу Нюргуна, в гнезде на Гибель-Осине обернулся в Гибель-Ерша, переплыл море до бугра, где жил Нюргун, а оттуда перелетел соколом на восточный край моря, вступил в борьбу на «пальмах» — боевых ножах с одноногим и одноглазым демоном, который оказался Нюргуном, победил его с помощью небесных вестников, но старуха-мать Нюргуна воскресила своего сына и баюкала его в колыбели. Эр-Соготох вторично убил Нюргуна, на этот раз вместе с его матерью, но не сразу вернулся с суженой, а предварительно, по указанию Гибель-Черного-Ворона, спас дочь Харахаан-Господина, по имени Хаачылаан-Куо, от сына демона Длинноногого, за владениями Юедюеня, хозяина Червивого Моря, с помощью Юедюеня, превратил последнего из старика в молодого и женил его на спасенной красавице. Наконец, Эр-Соготох направился на юг и женился сам на своей суженой Белой-Юкэйдээн. По дороге из родительского дома на запад в землю мужа красавица рассказала Эр-Соготоху виденный ею зловещий сон; муж не обратил внимания на сон и в результате чар таинственной женщины лишился своей красавицы, которую похитил демон-владетель Ледовитого моря Джессин-Богатырь. Будучи беременной от Эр-Соготоха, жена его отказалась отдаться демону-похитителю под предлогом беременности.

Спустившиеся с неба три шаманки вывели Эр-Соготоха из зачарованного состояния, и он отправился на серых лыжах искать свою похищенную жену, а той порой красавица родила прекрасного сына, которому дала по указанию трех небесных шаманок имя Басымджи-Богатырь. Демон-похититель хотел его съесть, но красавица сумела отговорить его от этого. Еще дважды спасался ребенок от покушений демона, превращаясь то в лисицу, то в Ексекю-Птицу. Возмужавший Басымджи вступил в единоборство с демоном. В этот

момент прибыл Эр-Соготох, увез жену, а Басымджи стал одолевать демона, который, чтобы спасти свою жизнь, согласился пойти к Басымджи в работники, превратился в однорогого быка, и Басымджи поехал на нем верхом на юг к своему отцу, а приехав, убил демона-быка. Девять дней пировали.

Три небесных вестника на белых конях явились к Басымджи-Богатырю, доставили ему молодого коня Джабын-Тугуй, рожденного от небесного жеребца Хан-Джэргэстэя, и передали повеление ехать на восток за суженою по имени Ясная-Туналынгса, дочерью Джагалыыма-Богатого-Господина. Молодой богатырь, доселе нагой, оделся в шкуру убитого им отцовского быка Тойон-Той болуну, захватил лук и налуч своего отца, сел на коня, простился с родителями и устремился на восток по материку, по долине, потом по тундре прибыл к золотой юрте Красивого-Богатого-Господина. Устроив костер из священного дуба, Басымджи стал жарить на нем лучших жеребца, кобылу, быка и корову хозяина усадьбы. Домочадцы хозяина отказались из страха вступить в переговоры с гостем, сам хозяин-старик не мог выйти к нему из-за своей тучности, пошла к нему старуха-служанка, обратившись в жертвенную корову, узнала его имя, его происхождение и цель его приезда.

Красивый-Богатый-Господин не возражал против брака, но появился соперник, потомок Гибель-Боя шамана и Гибель-Зла шаманки, сын Арсаан-Дуолана и Глыбы-Громады-Госпожи, по имени Мерзлый-Торольджун-богатырь. Месяц длилось единоборство. Басымджи победил, получил красавицу Солнце-Ясное и вернулся к родителям. Девять дней пировали, а затем «богато и широко зажили».

Поэма вторая. «Шаманки Уолумар и Айгыр» (запись Э. К. Пекарского, 1886 года). Жили в теплых краях в полном довольстве, проводя время в играх, в прогулках, на конях по имени Щебечущие-Подорожники, две сестры шаманки Уолумар и Айгыр. Однажды младшая увидела кошмарный сон, рассказала его старшей сестре, та пошаманила, а потом обе они про сон забыли. Раз подъехали они к священному дубу, и тут сон сбылся. С неба пала железная кобыла, родила зеленое место и исчезла. Старшая разрезала место, появился демон

и увез Уолумар. Айгыр же осталась дома, стала шаманить — камлать об ушедших, а затем отправилась им вслед сначала лесами, потом сенокосами, наконец, тундрой, вступила в борьбу с демоном и спасла сестру. Снова появился демон и увел Уолумар, а Айгыр превратилась в стерха и полетела за ними, но, увидав, что оба спустились в подземный мир вместе с конем Подорожником, вернулась домой. Уолумар спаслась на своем коне, улетела из-под земли, оставив демона с его женой, Бабой-Ягой, попала на двор к богачу Баай-Харахаан-Тойону, застала в его доме больного его сына, красавца Кюн-Эрилика, исцелила его своим камланьем, предварительно получив от отца его обещание женить на ней Кюн-Эрилика, в то время как присутствовавший шаман Кыыкыллаан оказался бессильным исцелить Кюн-Эрилика, да и сам стал умирать. Уолумар согласилась исцелить и Кыыкыллаан-шамана, если он отдаст ей своего сына, лучшего человека Бэрэт-Бэргэна. Кыыкыллаан исцелился, а сын его Бэрэт-Бэргэн и Кюн-Эрилик таинственно исчезли, шаманка Уолумар вернулась домой к сестре Айгыр. Погадали на гадальных ложках, и ложки «на счастливую сторону пали». Уолумар поворожила, и появилось два красавца. Кюн-Эрилик стал мужем старшей шаманки, а Бэрэт-Бэргэн — младшей. Красавцы стали собственниками-владельцами земель и скота, а шаманки — по дому хозяйками. Родилось у шаманок по сыну. Богиня родов нарекла сыну Кюн-Эрилика имя Кюлюктэй-Бэргэн, а сыну Бэрэт-Бэргэна — имя Бэрбээкэй-Бэргэн.

Снова увидала Айгыр зловещий сон, Уолумар пошаманила, предупредила отцов об опасности и не выпускала из дому сыновей. Прибежали мужчины к священному дубу, и вещий сон сбылся. С облака к дубу пала железная кобыла, породила зеленое место, оборотилась в восемь железных верблюжат и в восемь концов неба разлетелась, а зеленое место лопнуло, и появился страшный сидящий человек, который оказался Суодалба, посланным с неба для ухода за детьми в качестве дядьки. Когда дети подросли, они заявили родителям, что отправляются на восток к Джагалын-Баай-Тойону и Томороон-Баай-Тойону. К последнему прибыл свататься за дочку его Буура-Дохсун, сын Грозного Грома, а с востока прибыл еще Мученый-Казненный Эр-Соготох, говорили они.

Поехали на конях Подорожниках, а Суодалба следовал за ними пешком и ухаживал. Достигли жилища Джагалын-Баай-Тойона и его жены Джагалыыма-Баай-Хотун, и Бэрбээкэй-Бэргэн женился на их дочери (Нарын-Нюргустай) Айталын-Куо без всякой борьбы. Молодые богатыри поехали дальше на восток доставать в жены Кюлюктэй-Бэргэну дочь Томороон-Баай-Тойона по имени Туярыма-Куо. Произошло состязание скороходов: со стороны Кюлюктэй-Бэргэна бежал Суодалба, со стороны его соперника Буура-Дохсуна — Джэргэльгэн, из коих победил первый. Состязались в борьбе: со стороны Кюлюктэй-Бэргэна — Суодалба, со стороны соперника — Сюдюё-Ботур, и снова победил Суодалба. Суодалба в вечерней суматохе увез дочь хозяина, молодые богатыри вслед за ним выехали, а Буура-Дохсун послал свою девицу Кыбый-Эрэмэх, чтобы передала Суодалбе его требование оставить Туярыма-Куо, но Суодалба изнасиловал вестницу, а девицу Туярым-Куо повез дальше и по дороге отбил нападение сватов Буура-Дохсуна по имени Кытыгырас-Барааннча и Хаарджыт-Сокол, да и самого Буура-Дохсуна. Прибыли два богатыря и их дядька с красавицей к Джагылын-Баай-Тойону. Девять дней тянулся свадебный пир Бэрэбэкэй-Бэргэна и Айталын-Куо. Джагалын-Баай-Тойон отправил к Томороон-Баай-Тойону своего конюха Этири-Май с предложением разрешить свадьбу Кюлюктэй-Бэргэна и Туярымы-Куо, и тот привез согласие. Суодалба поехал вперед известить родителей своих питомцев о происшедшем, а затем прибыли и богатыри с женами и приданым. Начался великий пир. Суодалба в награду за свою службу попросил у Уолумар-шаманки себе в жены ее тайную дочь и, не получив ответа, скрылся в лес. Когда Кюн-Эрилик и Бэрэт-Бэргэн его нашли, он их прогнал.

Конец этой второй поэмы, повидимому, сообщен собирателю в сокращенном и испорченном виде.

Из этих двух героических поэм особенно популярной и распространенной среди якутов является первая — «Эр-Соготох», судя по тому, что она имеется в ряде собраний во многих вариантах, как это отмеченно профессором С. Е. Маловым в предисловии к «Образцам» Ястремского (стр. II—III). Сокращенный пересказ этой поэмы в форме сказки, как полагает профессор С. Е. Малов, или, по-моему, вернее — в виде

предания в издании В. Л. Приклонского, [1]) изображает Эр-Соготоха как первого якута, «с седьмого неба сотворенного» (стр. 174), от которого «произошли теперешние якуты» (стр. 176). Нельзя не сопоставить этого варианта поэмы «Эр-Соготох» со «Сказанием о происхождении якутов», записанным в 1907 году П. Н. Малыгиным и изданным в его переводе Э. К. Пекарским. [2])

В этом сказании один из легендарных предков якутов, бурят Эллей, о котором мы уже упоминали во второй главе, именуется «Эр-Соготох-Эллей» (стр. 5), как он именуется и в «Сказаниях о древних богатырях и битвах» настоящего сборника.

Из семи сказок настоящего сборника шесть издаются, насколько мне известно, впервые, и только седьмая — «Чирок и Беркут», принадлежащая к отделу «Животных сказок», была раньше издана в русском переводе Худяковым (стр. 69). Серошевский отметил (стр. 604), что «Худяков и Борисов записали в Верхоянском улусе три разных варианта кэпсээн, описывающих под видом перелетных птиц разведывание и заселение новых мест якутами. В Намском улусе мне рассказали такую же кэпсээн, но я не записал ее, потому что она была почти слово в слово такая же, как записанная Худяковым под названием „Чирок и Беркут“». Серошевский приводит далее русский перевод другой «Животной сказки»: «Крысий голова, война птиц и четвероногих» (стр. 604—609). В сборнике Худякова есть еще «Животная сказка»: «Летающие крылатые» (стр. 73—74).

Из остальных шести обращает на себя особое внимание небольшая детская сказка «Лучшее из лучших», в которой старуха путем беседы с солнцем, тучей, ветром, горой, мышью, собакой, человеком, злым духом, шаманом, огнем, водой и землею показывает, что «лучшею из лучших» является земля.

Третья сказка «Маленький богатырь в сером зипуне» относится к числу богатырских, четвертая — «Обманщик-просмешник» — к числу юмористических, как и пятая «Шалун-баловень». Две остальных: «Предсказатель судьбы» и «Омолон» следует причислить к «чудесным сказкам».

---

[1]) «Живая старина», II, 1890, стр. 174—176. Еще три варианта там же, III, 1891, стр. 165—174.

[2]) Предания о том, откуда произошли якуты, Иркутск, 1925.

Предание «Сказание о древних богатырях и битвах» является одним из интересных вариантов преданий, издававшихся ранее и отчасти упоминавшихся мною во второй главе (в связи с вопросом о древнем якутском письме) и в третьей главе (в связи с поэмою «Эр-Соготох»).

Если сказки, предания и легенды могут увлечь читателя своим оригинальным содержанием, то следующие за ними песни и далее шаманские заклинания привлекательны, как олонгхо, помимо своего содержания, также и своей художественною формою, поскольку она передана в переводе.

Просмотренные мною прежние издания переводов якутских песен не содержат в себе ни одной, которая могла бы и по своей форме, и по своему объему, и по значимости своего содержания быть сравнена с песнью настоящего сборника «О временах года», записанной А. А. Поповым после Октябрьской революции, в 1919 году, в Вилюйском округе. Отличаясь выдающимися художественными достоинствами, песня эта не только не имеет ничего общего с «примитивной» культурой, которую приписывали якутам Трощанский и другие, но, сохраняя в своих образах поэтическую традицию старинных произведений тойонской среды и будучи сочинена неграмотным импровизатором, отражает, по-моему, настроения новой якутской мелкой буржуазии, продолжавшей играть активную роль в Якутии и после Октябрьской революции.

Отличаются довольно заметно от старых лирических песен «О реке» и «О любви», заимствованных из прежних изданий, записанные в недавние годы песни: «Как дни и годы меняются», принадлежащая, повидимому, тойонской среде, и «Почему посещать перестали», повидимому, из крестьянской среды.

К числу бытовых обрядовых песен относится «Благословение невесты». Возможно, что к обрядовым календарным песням принадлежит песня «Орел», поскольку якуты относились к орлу с «религиозным уважением», по словам В. М. Ионова, и поскольку «с прилетом орла кончается старый год — зимний, и начинается новый — летний». [1])

---

[1]) В. М. Ионов, Орел по воззрениям якутов (Сборник Музея антропологии и этнографии Академии Наук, XVI, 1913), стр. 1 и 5.

Совершенно исключительную ценность и чрезвычайный интерес представляют переводы сложных и трудных шаманских заклинаний при «оживлении» бубна, то есть при обращении его якобы в ездовое животное для мнимого путешествия шамана-оюна по небесам, и заклинаний при изгнании шаманом болезни. Данные заклинания издаются впервые, да и вообще переводы шаманских заклинаний издавались ранее в весьма ограниченных размерах, так как, по авторитетному утверждению Г. В. Ксенофонтова, [1]) «перевод на русский язык шаманских стихотворных импровизаций представляется делом не легким».

Если не все пословицы и поговорки, вошедшие в сборник, могут быть признаны достаточно характерными по своему содержанию, то все же подбор их довольно разнообразен. Пословица вторая подчеркивает высокое общественное положение певца наряду с шаманом и кузнецом, причем следует иметь в виду, что кузнецы почитались у якутов наравне с шаманами, как отмечено и Г. В. Ксенофонтовым в его «Легендах» (стр. 110). Среди пословиц о богачах-эксплоататорах одной из самых сильных надо признать 21-ю: «Этот демон только тем человек, что еду поглощает». Заслуживает далее внимания пословица 22-я, относящаяся ко временам грабительских набегов русских казаков. Рядом с нею следует упомянуть пословицу 21-ю о кумовстве русских чиновников и пословицу 106-ю о поборах, производившихся теми же чиновниками. Старые национальные отношения в Якутии с якутской точки зрения отражены в пословице 53-й: «Разве я тунгус кочующий или русский проплывший, что ты мне не верил», и в пословице 81-й: «Русский и при смерти за долгом руку протянет».

Из четырех пословиц про женщину три отражают старое отношение к женщине свысока якута-мужчины, а четвертая (№ 37), происходящая, может быть, из женской среды, справедливо характеризует трудящуюся женщину-якутку.

Загадки, в отличие от пословиц и поговорок, привлекают к себе внимание читателя не только своими значени-

---

[1]) Легенды и рассказы о шаманах, изд. 2, Москва, 1930, стр. 9.

ями-отгадками, но и художественными образами, восходящими иногда к древней якутской мифологии, как, например, в загадке про гром: «Ржет жеребец вселенной, ревет бык важной страны». Издаваемые загадки принадлежат различным историческим эпохам. К числу более поздних загадок относятся такие, как «три солдата носят одну фуражку» (таган).

Я уверен в том, что настоящее издание, посвященное фольклору одного из народов советского Севера — якутов, привлечет к себе сочувственное внимание широких читательских кругов нашей страны, в которой за последние годы наблюдается и поощряется живой интерес к устному художественному творчеству, старому и современному, всех народов великого отечества трудящихся, строящих новую жизнь, новую культуру.

А. Н. Самойлович

ОЛОНГХО

ВСЕСОЮЗНАЯ БИБЛИОТЕКА ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

OXTHOLO

ЭР-СОГОТОХ (ОДИНОКИЙ)

На благословенном нашем свете, что лежачими горами окаймлен — не то сдвинется; стоячими горами скреплен — не то всколышется; каменными горами обставлен — не то содрогнется; где верх — земля, вода в середине — на свете, что травою одет, создан был некий человек. В восьмиободной, восьмикрайной вотчине создан; своенравен был и запальчив. С вышнего неба беду вызывал, напасти звал от подземного злых абаасы племени, а с нашего света непредвиденные накликал несчастья.

Был красивый собою и храбрый.

Ни почтенного господина-батюшки, ни почтенной госпожи-матушки не знавал.

— Если б я с неба упал, инеем был бы одет; если б из подземного мира вышел, землей был бы покрыт, — говорил.

Имя ему было Эр-Соготох (Одинокий). Конный скот его бродил вольно, и рогатый скот разбрелся без вести. Много крылатых клали рядами цветные яйца. Суету, сутолоку подымало зверье, — нашли себе надежный уют и плодились.

Посреди урочищ росло священное дерево-дуб. Корни его до Ситхы [1] тянулись, сучья до моря добирались, до реки Таатты доходили ветви. Кора была черненого серебра, иглы золотые, шишки серебряные, громадные, подобные заздравным кубкам зажиточного

человека, листья широкие — серебряные, береста серебряная; желтою влагой сочилось, каплями с яйцо гоголя; трепетало, роняя влагу каплями с яйцо кряквы.

Однажды утром пришел сюда тот человек и так говорил:

— Ну, вот! Старшая сестра моя. Дух земли, кормилица, создательница. Вы, девять молодых красавцев-парней, травы украшающих. Вы, восемь заклинающих девушек, землю нарядами убирающие. [2] От кого по крови я, чьей утробы? Каким духом создан? Не от рока ли веления на мне? Что на молочном озере живет, с подножьем из беломолочного камня, Юрюнг-Айыы-Тойон — не от него ли происхожу?

У которого пятятся люди, а скот спотыкается, который слывет гордецом, Важный-Громадный-Владыка, [3] — из его поколенья самые вспыльчивые, самые горячие, самые злобные, самые драчливые не придут же с вызовом, в бой не вступят.

Та, что на семи подпорах неколебима широкая преисподняя, где торные царь-проходы, знаменитые царь-дороги, [4] опасные крутизны, где волнами ходят знатные люди и ледяною шугою — знатные женщины, [5] где зияют густым огневым туманом реющие долины, где обомлели восемь колен-родов и над ними родоначальник стал Арсаан-Дуолан-старик, [6] со стоймя завязшими в тине парнями, с лежащими расслабленными девушками, с ширококостыми знаменитыми жеребцами и черными упрямыми быками, — та преисподняя, тот восточный край, где очаг убийств и темных дел, не несут же несчастья.

Северной стороны вороватых и визгливых улусов сыны, оборотни, искушенные в схватке, в единоборстве, — не бьют меня по темени, не обуздывают меня, не ломают рук, не ломают ног, высокое имя мое не снижают, не грязнят белое лицо, самого меня, богатыря, не убивают.

Южной стороны несчастного холма владелец, одноногий Суодал-богатырь, проведавши, изведет ли шатуном-болезнью моих белых быстрых коней, разбежав-

шихся до белого леса. Или сухоткою сведет моих черных круторогих быков, что бродят по черному лесу. Изведет ли?

На счастливом, благополучном бугре буроватой глины есть, говорят, юрта, в тридцать комнат, с сорока стеклянными окнами. Подпирают восемьдесят лиственничных подпор — не пошатнулась бы. Девяносто лиственниц плахи скрепляют — не содрогнулась бы.

В этой юрте родился он, говорят.

Чтобы ходить — медный пол. Тройная крыша серебряная, с севера и с юга тройные стены — стужа не прохватила бы.

Жаркий, важный очаг; словно озеро, белым-белый шесток; с седоватою бородою важный, почтенный, святой огонь.

Так плотно захлопывается дверь, что семьдесят человек не распахнут. Так широки сени, что задыхающейся лошади рысью вдоль них не пробежать, и входная дверь такая, что восемьдесят человек, расставив ноги, не могут открыть.

С обильного вихрями белого неба града не задержит — гладкий и чистый двор. Посреди двора — с девятью резными украшениями, главная коновязь.

В юрте, словно поле, стол-лабаз, на нем, словно озера, — драгоценного серебра тарелки, а на тарелках — восьми отгулявшихся кобылиц отборного сала наложено и доброго жиру, и все это само собою сварилось.

Он вверх режет и жует, он вниз режет и глотает. Крепким кумысом горло поправляет, свежим кумысом глотку прочищает. Вот еда.

Глянул на красный угол — домочадцев нет. Глянул на левую сторону — работников нет. На правую сторону глянул — служителей нет.

Расходился нрав, кровь кинулась в голову; волосы на висках, как горящая сера, с треском вспыхнули; стянуло брюшные жилы, сухожилья спины вытянулись. Золотой пол пробив, выбежал на гладкий, что

обильного вихрями белого неба града не задержит, — на чистый двор свой.

Схватил с крюка серые лыжи, надел, побежал в восьмиободную красивую, разубранную усадьбу.

От бега его, вздымаясь, ходило море, гулкое широкое небо белками обоих глаз выглянуло, а преисподняя язык по грудь выпятила. Вьюга поднялась. Град выпал градинами с трехтравую корову. Прибежал.

Гром вверху загрохотал, крупный дождь хлынул. С четырех краев неба волокнистые, будто с головами, с ногами, белые облака понеслись. Небо распахнулось, и прибыли на трех молочно-белых конях три парня с серебряными пальмами — слуги Айыы-Тойона.

— Ну, вот! В смуты старых годов вскормленный Эр-Соготох, внимай! Обоими чуткими ушами слушай. Что ясное солнце, глазами твоими гляди. Как озеро глубоким теменем вникай.

«Мы прибыли, доверенные вестники, нарочные послы. На молочном озере живущий, с подножьем молочного камня, — белый дождь — питье его, Юрюнг-Айыы-Тойон, Белый-Великий-Господин, дед твой, послал. Солнце — глаз, кумысный мех — грудь. Ясная-Чтимая-Госпожа, бабка твоя, послала.

«На западе, как загривок медведя, поросший шерстью, — такой травой и деревьями поросшая, черная-черная страна, — по ту сторону ее поезжай. Доедешь до перехвата семи дорог, будет тебе толстый черный старик, с молодыми конями и коровами, с вещими девушками, с ведунами-парнями. Туда левым краем войди.

«За девяносто дневных переходов слышен стук наковальни его горна — вот какая страна. В буроватом бугре приютившийся, где девяносто отверстий, с шумными, громадными — будто белые кобылицы — мехами, с наковальней из плотного преисподнего камня, с молотом — как волна морская; тот, у кого девяносто, как уголь, черных парней угольщиками, у кого

семьдесят рослых черных парней слесарями, [7] — он, девяти кузнецов родоначальник, Гибель-Дуодарба-Черный-Кузнец: к нему войди.

«В семь рядов плотного железа полы вели сковать. В восемь рядов листового железа клинья вели склепать. В девять слоев каленого железа стан вели сварить. Чугунным черным камнем вели оторочить. Цветного камня пуговицы вели положить. Бить будут, чтоб не пробилась, колоть будут, чтоб не сломалась, рубить будут, чтоб не иззубрилась, — такую кольчугу вели изготовить.

«Адского зверя костью вели натереть. В моче семи девушек небесной выси вели закалить. В запекшейся крови трехголовой Ексекю-Птицы вели отпустить. Чтоб с того берега леса зубы в губах красивого парня в ней отражались, а с южного склона леса девичьи глаза с бровями, радостно дрожа, переливали, — такую саблю вели изготовить.

«Из Кимен-Имен страны крепким деревом вели скрепить. Из Томон-Имен [8] страны берестою вели покрыть. Из нижнего мира пестрой Гибель-Рыбы [9] пузырем склеить вели. Желчью Ексекю-Птицы окрасить вели. Тетиву поставить из прямой кишки крупного лося. Как извив длинной долины, роговой грохочущий лук согнуть.

«Меткие пернатые горючие черные стрелы, как опушка шубы небогатой, вели заострить. В девяносто пудов булаву вели сковать. В пятьдесят пудов гладкого черного камня ядро вели обтесать.

Тогда Эр-Соготох заказывать доспехи отправился.

Ехал по черной-черной стране, такими деревьями и травами поросшей, как шерсть на загривке медведя. Показался, верно, приютившийся в буроватом бугре, в девяноста местах отверстом, девяти кузнецов родоначальник, Гибель-Дуодарба-Черный-Кузнец; сидит среди костра.

— Ну, вот! Девяти кузнецов родоначальник, Гибель-Дуодарба-Черный-Кузнец. Господин дедушка мой, здравствуй!

«Своими чуткими ушами разбирай. Что солнце, ясными, зоркими глазами гляди. Словно озеро, глубоким, проницательным теменем внимай.

«В семь рядов плотного железа полы мне скуй. В восемь рядов листового железа клинья поставь. В девять рядов закаленного железа стан укрепи. Чугунным черным камнем оторочь. Цветного камня пуговицы положи. Рубят — не щепилась бы, секут — не щербилась бы, бьют — не пробивалась бы, такую железную кольчугу мне изготовь.

«Адского черного зверя рогом натри. Семи дев небесной выси мочою закали. Ексекю-Птицы запекшеюся кровью отпусти. Чтобы с того берега леса зубы в губах красивого парня ослепительно в ней отражались, а девичьи глаза с бровями с южного склона леса в ней радостной дрожью играли, — такую саблю мне изготовь.

«С Кимен-Имен страны крепким деревом скрепленный, с Томон-Имен страны берестою отделанный, склеенный клеем из пузыря пестрой Гибель-Рыбы, раскрашенный кровью Льва-Зверя [10] и желчью Ексекю-Птицы, с тетивою из прямой кишки крупного лося, как излучина долины, роговой гулкий лук изготовь.

«Меткие пернатые, горючие черные стрелы; девяностопудовое из гладкого черного камня ядро изготовь. Плату тебе вдоволь дам. Шершавые тиски разглажу. Наковальню обветшалую обновлю.

Девяти кузнецов родоначальник, Гибель-Дуодарба-Кузнец изготовил такие доспехи. Эр-Соготох надел.

Девяти кузнецов родоначальник, Гибель-Дуодарба-Черный-Кузнец плату свою просит:

— Вот! Вот! Вот! На лето четыре махровые жерди установить, а на зиму восемь важных, толстых столбов воздвигнуть; на большом шестке седую бороду — святой огонь зажечь, уютный дом построить, запоздалых детей родить, поздний скот водить возжелал я, славу ее слыша; и таяло сердце, внимая молве о ней.

«Она — дочь Арсаан-Дуолана-старика, кто родоначальник восьми обомлевших колен-родов, у кого торные царь-проходы и знаменитые древние царь-дороги, где опасные крутизны и вьюгою обвитые холмы, где заики-кукушки и косноязычные вороны, где волнами ходят знатные люди, где реют огнем открытые долины.

«Она — девяти сынов его последыш и родилась позже восьми дочерей его. Она — зрачок его глаз, — глянь на нее, белизна зубов его, — попробуй вырвать; отпавший кусочек его, заключенного в сумку, владыки-сердца. На коня верхом не сядет: грех это, слава пойдет ведь. Щебечущий-клюв-журчащее-нёбо-Никы-Харахсын-девица; в плату мне — привези ее.

Эр-Соготох в путь пустился, прямо на запад поехал. Мутной, как уха, страны, где словно мертвый заячий глаз, выщербленное солнце; где все навыворот, все опрокинуто, и ночь стоит непроглядная, — торного царя-прохода достиг он, древней знаменитой царь-дороги, опасной крутизны. Тогда на пути сказал:

— Вот! Вот! Вот! Заика-кукушка, зловеще не кукуй. Торный царь-проход, помех не чини. Древняя, знаменитая царь-дорога, препятствий не ставь.

«Я иду прямо к старику Арсаан-Дуолану. Мне надо летей запоздалых родить, поздний скот водить.

«Щебечущий-клюв-журчащее-каменное-нёбо-огонь-купый-голый-хвост-Никы-Харахсын-девушку в жены взять иду я.

«Дашь — возьму, и не дашь — возьму. Добром не отъеду: на смертного посажу тебя коня, в смертную одежду одену, снижу высокое имя твое, белое лицо изгрязню.

Так, говорят, сказала.

Услышала желтолицая, в замшевом платье, в железном колпаке, с железными и медными серьгами, — демонова девка услышала. Остромордою серою мышью обернувшись, пала, говорят, в громадный дом, вынырнула пред отцом и матерью.

Говорит:

— И беда, и напасть, и путаница. А я радешенька.

«Густой туман — мои напевы, снег и дождь — мой крик, черная мгла — моя песнь, ураган — моя весть.

«В смуты старых годов вскормленный, в брани прежних годов дома заживший, в деяния былых годов рожденный человек, Эр-Соготох именем, с творожистым телом, с гнойным мозгом, с плотью от земли, с разумом от ветра, с дыханием от вихря, — человек этот прибыл.

«Глянь — зеницу твоего ока; вырви — белизну твоих зубов; из средины твоего владыки-сердца выпавшую щебечущий-клюв-журчащее-каменное-нёбо-огонь-купый-голый-хвост-Никы-Харахсын-девицу, дитя твое, взять я пришел. Говорит. Дашь — возьму, говорит. Не дашь — возьму, говорит.

— Вот как, — говорит старик: — родившего отца не знавшему, вскормившей матери не ведавшему, от кого по крови — не знавшему, чьей утробы — не ведавшему, не отдам такому. На мой благополучный бугор, в мою счастливую страну не приходило еще так вертеть мною демоново племя. Дитя мое не отдам.

Тогда с восьминожного железного лабаза, с подстилки из листового железа, с одеяла листового железа, с плотной чернокаменной подушки, осьминогих чудищ-демонов девка, щебечущий-клюв-журчащее-каменное-нёбо-огонь-купый-голый-хвост-девушка, Никы-Харахсын по имени, отцу и матери слово сказала:

— Ой, матушка милая. Уже давно необманные были приметы, что придет мой муж. Ой, батюшка милый. Еще в прежние ночи все тот же сон беспрерывно видела, что пришел мой суженый. Значит, святой земле назначена я. А ведь я родилась, когда исполнилось семь веков, что Смертного-боя-шаман в течение семи дней и ночей по заказу вашему шаманил — разрезал веревку, [11] чтоб родились у вас. Принесите мою нанковую шапку, опушенную кожей с голов девяноста человек. И обвесьте затылочными костями семидесяти человек. Скорее внесите мое ожерелье из позвонков

восьмидесяти человек. Мои штаны внесите, ребрами девяноста человек увешанные. Обувь мою внесите, зубами семидесяти человек усаженную. Корольки и жемчуг навесьте на меня. И принесите хорьковое опахало. Ведь я теперь суженая чужеземца. Ухожу.

Старик сказал:

— Старуха! Внеси мне одежу, что в молодости носил.

Разрыли амбар, принесли. Надели железную жесткую куртку, крепкие железные штаны, железные сапоги и в семи местах до дыр заношенную железную шляпу. На железных костылях вывели. Вывели на двор, в девяноста местах дырявый. Оперся там о коновязь о трех перехватах.

— Ну, покажите мне этого человека, — сказал.

Один парень с железным крюком по груди его вверх взбежал, зацепил и потянул вниз нижние его веки. Другой парень с крюком по хребту вверх взбежал; уперся ногами в рябое каменное темя, верхние веки его зацепил и вверх подтянул. Как голубыми бусами, вскинул глазами:

— Фу, — сказал. — Не даю дитя мое. Для дитяти моего не подходишь ты, — говорит. — Уведите меня, парни.

Подошел к железному амбару. К замку, висевшему, что живот лежачей коровы. Вытащил из кармана ключ. Амбар настежь открыл.

А туда поглядеть — к железному столбу железным канатом прикрученный, с черной, как столб, ногою, из пупа растущею, и та нога у бабок цепью закована; с рукою, словно десять лопат громадных, вороватою, загребистою, из подложечки выросшею, и та рука у запястья железною цепью скована; с дюжею черною шеею, железною цепью у горла закованною; с железными волосами, будто роща сосенок, покрытых смолистыми пупырышками; с глазом посреди лба, как замерзшее озеро; с железными торчащими ресницами, с переносьем высоким, что хребет захудалого быка; с седой бородой, как медвежий нагрудник старинных

людей; с раскрытым, как овраг, ртом, с семью зелеными громадными зубами, будто семь обгорелых черных пней; с длинным чумным языком, — человек стоит. Ему слово сказал старик:

— Вот! Вот! Вот! Ты был среброгрудым жаворонком моим. Ты был моим златогрудым птенчиком. Тебе было поднять мои серебряные кости, златые кости мои в гробницу положить. Тебе было искрой моего огня сверкнуть. Это памятник будет на моем пепелище, говорил я. Так вот: в смуты давних дней вскормленный, в брани прежних лет домом построившийся, в деянии былых годов родившийся — Эр-Соготох именем — прибыл. Завтра вызовет на бой. Пойди, побороть попытайся.

На это стоящий улыбнулся, приподнялись края губ, и глухо расхохотался. Прояснился на девять пальцев грязью покрытый нос, кровавыми злыми глазами взглянул, седая борода задвигалась туда и сюда. Слово сказал:

— Ой! ой! ой! Почтенный господин-батюшка. В мрачную темницу ты заточил меня. Уютно устроил. Ужасный мне дом воздвигнул на целых три года. Мое большое каменное горло наполни. Дай чему-нибудь гнить в моем громадном каменном чреве. Знаменитую мою каменную глотку услади. Если тот человек лишь из таза женщины вышел, — отчего мне не бороться.

Старик пошел в дом. Велел целиком изжарить и коней и коров, натолкал ему в рот.

Мутное небо прояснилось. Ржавое солнце краешком вышло.

Раскрутили со столба железный канат, расковали железные цепи. Сына демона привели.

Эр-Соготох оперся на пальму и слово сказал:

— Ну, вот! Из какой ты страны, бездельник? Какой страны ты язва? Я ударю тебя по темени. Обуздаю тебя. Искрошу тебя. Снижу высокое имя твое. Исчерню твое белое лицо. [12] Посажу тебя на смертного твоего коня. Смертные яства дам вкусить. В смертные одежды облеку. Выходи сейчас же, — сказал.

Вот абаасы воровскою, загребистою, будто десять громадных лопат, рукою сгреб было человека за темя. Но тот подмышками у него проскочил. Пальмою трехгранное его громадное сердце раскроил; рассек главную боевую жилу, что, у хребта вздымаясь, идет. Девять голых поперек стоявших белых холмов охвативши, демонов сын навзничь упал. Ровно десять лопат, загребистой лапой стал он, лежа, бить по земле. И слово сказал:

— Ой! ой! ой! — заплакал, застонал. — Почтенный Господин-батюшка! Гляди на участь мою добрую, радуйся. Солнышко-Госпожа-матушка! Смейся при вести о смерти моей. Двукружная, двукрайняя, широкая, клокочущая государыня-земля, — говорит: — серединой твоей ты разверзлась, прочь убрала твою толстую дверь, тяжелые прясла отвалила, беду наслала. С горем одинок я, знать. Ни бога, знать, нет у меня, ни счастья, ни доли. Ой, Эр-Соготох, друг. Не мучь, друг, меня, старика. Еще раз порази.

На то Эр-Соготох:

— На добрую лошадь одна плеть, а у хорошего человека слово одно. Обойдешься и так, негодяй.

Демон этот, тридцать дней лежа, трепыхался и, наконец, издох.

Эр-Соготох во славу месяца и солнца прах его развеял.

Тогда старик велел вытолкать на двор ту свою дочь, что раньше не отдавал, со словами:

— Пусть берет эту женщину. — Потом: — Не разорил ли землю Эр-Соготох? — спрашивает у парней своих.

— Не разорил, нет, — сказали.

Эр-Соготох схватил за ворот девушку, туго притянул к спине своей, надел свои серые лыжи, торными знаменитыми проходами поднялся, знаменитыми древними путями-дорогами в свою землю поехал, — в путь пустился.

Такою землею, где выбоины по печень, а кочки до колен хватают, такою страною поехал, и буроватой

горшечной глины бугор — девяти кузнецов родоначальника, Гибель-Дуодарба-Черного-Кузнеца его дом показался.

Увидевши это, Эр-Соготох еще на пути вскричал, говорят:

— Ну, вот! Ну, вот! От знаменитых из чужеземцев, издалека взял я женщину и в жены тебе везу. Летом четыре жерди с пучками веток наверху укрепи, берестяную летнюю юрту урасу — поставь. Зимою восемь больших основных столбов поставь — зимнюю юрту построй. Внушительно-важный огонь зажги. Нарядное жилище устрой. Запоздалых детей воспитай. Поздний скот вскорми. В постели лежать равную тебе привез, с тобою жить суженую.

Женщину, что вез на спине, старику бросил. Старик поймал в руки, понес женщину в дом. Главное окно дома настежь раскрыл. Войдя в дом, жену свою левой рукой подмышкою зажал. Затем, прощаясь, благословил Эр-Соготоха и сказал:

— Таки-так. Таки-так. Таки-так. Впереди тебя всюду пусть идет великое счастье, с голову шестигодового коня, а за тобой следом широкое изобилие — как десятисаженный стог сена. А рядом с тобой пусть идет с прекрасной лосиной шкурой на плечах, с полными руками добра, всем явно богатый, щедро и обильно наделяющий Дух Охоты, Богатый-Владелец-Баай-Баянай, дед твой. Дитя мое! У кого стрела, берегись, не падай. Дитя мое! У кого лук, смотри, не вались. У кого крепкая грудь, перед тем не робей. У кого хлесткий язык, не отступай. У кого огненный взгляд, не убегай. Прощай, — сказал.

Эр-Соготох пустился в путь. Прибыл он в осьмиободную, осьмикрайную землю родную.

Как приехал туда, с четырех углов неба пришли белые облака волокнистые, небо разверзлось.

На трех, что молоко, белых конях, с тремя серебряными пальмами, парни, слуги Айыы-Тойона, явились и так сказали:

— Ну, вот! В смуты былых времен вскормленный,

в невзгоды минувших лет рожденный, в битвы прежних годов на жилье осевший, Эр-Соготох, богатырь.

«Чуткими ушами слушай внимательно. Что солнце, ясными глазами пристально гляди. Головы проницательной, глубоким, ровно б озеро, теменем верно внимай.

«Мы пришли, доверенные гонцы, послы нарочные. На молочном озере жилье его, сам, что молоко, белый; белый дождь — питье его, Юрюнг-Айыы-Тойон, дед твой, послал. Солнце-глаз, кумысный кожаный мех-грудь, серебро-переносье. Ясная-Почтенная-Госпожа, бабка твоя, — послала.

«Как раз отсюда, держа путь в сторону восхода летнего солнца, поедешь, — молодой ты, а изнурившись, достигаемой страны достигнешь; до той страны, где широкое гулкое небо свисает, как волнистые журавлиные перья, а преисподняя загибается кверху, как лыжи тунгуса, — до этой страны доберешься. Есть там человек по имени Медный-Большой-Тойон; дымокур его, что солнечного дня пар, реет, а дым — что легкий туман месячной ночи; проруби на восьмипроточном маслоподобном море у него.

«Девять сынов у него, стройных, как молодые журавли, — так после них родилось восемь статных, как лебеди, дочерей, так меньшая из них; глядеть — со зрачком его глаза равняй, вырвать — с белизною зубов его сравни; заключенного в сумку владыки-сердца его комочком она отпала, от сосков лосихи вспоенная, костным мозгом лося умащенная, лосиным мясом вскормленная; с тех долин собранными отборными рысьими и собольими мехами закутанная выросла, — Юрюмэччи-Белая-Бабочка-Красотка-Юкэйдээн-Куо по имени. Эту-то женщину восемь божеств назначили, а Властитель судьбы, Господин твой дед, указал, вскормившая тебя Хранительница объявила: это, говорит, участь твоя; поезжай, говорит; поздно явившихся на свет детей породи, говорит; запоздавший скот вскорми, говорит; летом поставь, говорит, четыре счастливых жерди с ветками на концах; зимой,

говорит, вколоти восемь основных толстых столбов; священный важный огонь, говорит, зажги; нарядный дом, говорит, устрой.

Скрылись. Эр-Соготох-богатырь к восьмисветному священному дубу-дереву пришел. И сказал:
— Ну, вот! Земли владычица, нарядная, красивая госпожа тетушка. Вотчины владычица, кормилица, создательница, госпожа старшая сестрица моя!
«Ясными, как солнце, глазами ясно взгляни! Двумя, как полный месяц, круглыми чуткими ушами вслушайся, проницательной головы твоей теменем, словно озеро, глубокими, ласково внимай!
«Грудью сшибиться намерен отправиться я, со знаменитым столкнуться, с сильным побороться, с быстрым в беге померяться.
«Превосходному не дай превзойти, от нечаянного убереги! Лихому обидеть не дай! Прости! — сказал.

И вот восьмиветвистого священного дуба-дерева дух, вотчины владычица, кормилица, создательница, госпожа старшая сестра его, сейчас же явилась. Серебристых соболей доху накинула, пятнистой рыси шапку набекрень набросила; лучших волчьих шкур шароварами[13] колени охвачены, пятнистой рыси передних лап рукавчики надеты; серебристых соболей задних лапок сапожки обуты. Что ласковое солнце, глаза ясно глядели, что небо светлое, лицо сияло, блестящие, кумысному меху подобные, с сосцами груди ее вздымались, белели одетые мехом колени. С тремя отверстиями пеструю гадальную ложку держала, семью зелеными травами, как опахалом, себя обвевала. Обратилась, говорят, госпожа с такими словами:
— Ну, вот! Ниспошли! Даруй! Да будет так! Дитя мое! У кого стрелы, не падай! У кого лук, не вались! Перед крепкогрудым не робей! Перед грозным взором не поскользнись! Перед сильным не споткнись! От

скорохода не отставай! Лихому в обиду себя не давай! Чарам не подчиняйся! Ниспошли! Даруй! Прости! Сосцов груди моей отведай.[14]

Он пал на колени и стал сосать.

От груди своей оттолкнула и вмиг исчезла.

Эр-Соготох прямо на восток в путь пустился. Зиму лютую по бурям распознавал, лето жаркое по дождю, осень позднюю по моросящему снегу.

Один ведь, как пятьдесят человек, бесновался. Как палец один, а гаму-веселья — на восемьдесят человек. Один-одинешенек, а крику, а шуму — на девяносто человек.

С небес беду великую звал, из подземного мира молил невзгоды, с земли — гибель несущего племени.

На небе, среди облаков, гул послышался: едет, кто-то поет:

Дуралла, Дуралла! Кобылка моя!
Твои берестяные плечи дрожат,
Твои железные крылья стучат,
Троегорбая, ржаво-бурая кобылка моя!
Рыхлой семени, потрухивай!
Роковая Царица — земля моя.
Беспросветная Царица — моя родина,
Имя моей юрты — Клокочущая,
Моих кровных зовут Вороватые,
С верхнего неба родом я,
Громадный-Верзила — имя мое.
Есть, говорят, Большой-Медный-Тойон,
Пар ясного дня — дымокур у него;
Туман лунной ночи — дым от него;
На масляном море прорубь у него.
К нему-то пути выспрашиваю,
К нему дорогу выведываю,
Меньшую его на уме держу.
Девяти сыновей последняя,
Из восьми дочерей младшая,
Молоком лосихи вспоенная,
Костным мозгом лося умащенная,

Мехами с тех долин собранными,
Рысьими мехами укутанная,
В собольих мехах выросшая
Юрюмэччи-Белая-Бабочка-
Красотка-Юкэйдээн по имени, —
Ее-то в жены задумал взять
Такой есть владыка Громадный-Тойон, [15]
У которого слуги пятятся,
У которого скот толчется назад;
Дородный-Жернов — жена его;
Огромный-Кулут — сын его, —
Вот кто меня сватом послал!

Такими словами закончилась песня, перестал петь. А тогда Эр-Соготох сказал:

— Ну, вот! Зрячие глаза твои покрыло, уши заклепало, мысль твою развеяло! Последний толк отняло! Важничаешь ты, собачий сын, что родом с верхнего неба! Хвастаешь, Громадный-Верзила-богатырь: демонов ты сын! Ну-ка, скорее спускайся! Потягаемся, померяемся! Я тебе голову разобью, обуздаю тебя, толстую шкуру искромсаю, черную кровь выточу, крепкие кости твои измельчу.

Не успел сказать, как осьминогих чудищ нечистых сын спустился с метелью, криком, градом, вихрем и вьюгой. Стянул он вершинами семь лиственниц и за ржавый повод привязал к ним свою ржаво-бурую кобылку, о трех горбах горбатую. Поглядел из-под своей загребистой лапы, громадной, как десять лопат для отгребанья снега. Откинул шапку, стал своими громадными десятью пальцами чесать щетину свою, что проступала пупырышками, как смола на смолистой сосенке, а зашуршали, посыпались зеленые вши, как жуки-водолюбы на лесном озерке. Заговорил:

— Ой-ойшеньки! Бедняжка! Бедняжка! Где тебе, с твоими ли руками вступать в бой да кровь выпускать? Ах, ах! Вот такой-то бедняга, с таким-то растопыренными десятью пальцами, выступает про-

тивником — кости выламывать, сокрушать! Убирайся туда, откуда пришел! В родную землю свою проваливай!

Огнем, как загорается сера, вспыхнули волосы на висках Эр-Соготоха-богатыря; как лук, туго стянуло его короткие ребра; спинные жилы назад свело, а жилы печени свернуло в трубку, и так сказал:

— Ну, вот! Какой страны ты нищий, кривая сволочь? Гляди-ка на соль его клюва! Но в какой же стране не найдется отчаянного? Гляди-ка на яд уст его! Гляди-ка на досаду чудищ-демонов сына! Как поваливщуюся веху, поставлю тебя. Выцветшие затесины кровью смажу. Посажу тебя на смертного твоего коня, в смертные одежды одену, смертную пищу дам вкусить! Будет прощальный твой путь!

Сын нечистых каменную гору до основания отвалил и щитом себе поставил.

Человек чистого мира земляную гору до основания отвалил, щитом себе поставил.

— Стреляться будем! — сказали.

Эр-Соготох, чистого мира человек, сказал:

— Ты первый.

— Первый, так первый! — сказал сын абаасы.

Вытащил ржавый свой лук и с широким наконечником стрелу. Припал на колени, от одного до другого уха натянул и сказал:

— Друг мой! Гляди-ка на силу моего большого пальца, на меткость!

С такими словами грянули его два большие пальца, словно удар грома в сильную грозу. Стрела пробила земляную гору. Человек успел упасть навзничь, и стрела пролетела как раз мимо груди его.

Сын абаасы обрадовался и стал скакать большими прыжками:

— Что же будет, как выстрелю еще? От одного ветра моей стрелы ты падаешь, валишься. Чем же ты так прославлен?

На это Эр-Соготох схватил свой, что речная излучина, громадный, гулкий роговой лук и меткую

пернатую, струя горючая, черную стрелу, от одного до другого уха натянул и, присевши, сказал:
— От небес благословение на мне лежало, от судьбы получил веления, и парни и девушки даны были мне в удел Духом отчины.

«Стрела моя, дитя! Ни горы, ни преграды тебя да не остановят; не застрянь в ивовых кустах, в складки земли не попади!

«Пробей насквозь его заключенное в сумку громадное сердце; выпуклую жилу, что у хребта! Унизь его высокое имя! Белое лицо изгрязни!

Тут огнем вспыхнули два его большие пальца — как гром в грозу, грянули.

Каменную гору свалил до основания.

Сын абаасы вверх подскочил и нырнул за пределы западного неба.

Эр-Соготох, надев свои серые лыжи, отправился прямо на восток.

Едет он прямо на восток и доезжает до того Большого-Медного-Тойона, что владеет тремя белобуланными урочищами. Ну, доехавши туда, глядит.

Показалась золотая юрта. Верхние три рода толпою ниспали. Громадного-Дородного-Тойона, знаменитого чванством, — дом у него холодный и слуги забияки, — его-то сын, огромный Кулут, говорят, прибыл свататься к дочери Большого-Медного-Тойона, — с демонским своим племенем прибыл. И Большому-Медному-Тойону:

— Дочь твою взять прибыл я! — говорит. — Дашь ли, не дашь ли, тихо и мирно не уеду, — возьму. Не дашь — разорю усадьбу твою, омрачу твои ясные дни, окрестный племя-народ твой весь до основания уничтожу, прахом развею.

На это Большой-Медный-Тойон:

— Отчего не дать? Дал бы! Да просватана. Берет Нюргун Могучий по имени. Земля его на севере, и владеет он там огнереющим морем.[16] Он раньше тебя

взять приезжал и свата засылал, и приедет в полнолуние того месяца. К нему отправляйся. Убей властелина огнереющего моря, Нюргуна Могучего. Когда убьешь, дам тебе мою дочь.

Тогда Огромный-Кулут в путь пустился, с демонским своим племенем отбыл. Священный важный огонь Нюргуна Могучего погасить желая, разорить его отчину, высокое имя его подрезать, самого Могучего убить, с грозным, сильным народом своим двинулся. Едет прямо на север.

И вот прибыл к Большому-Медному-Тойону Эр-Соготох. Приехавши, застал он дома Большого-Медного-Тойона.

С зычным голосом, с большим кадыком, с окладистой бородой, старый Тойон был. Ну, сказал старик:
— Ну, вот! В смуты былых годов вскормленный, в битвы прежних годов на жилье осевший, в схватки старых годов родившийся, Эр-Соготох-богатырь!

«Чуткими ушами внимай! Ясными, зоркими глазами пристально гляди! Проницательной головы теменем, как озеро глубоким, вникай!

«Отчего и не дать тебе мое дитя? Лучшую часть белых коней, что до чистого леса растянулись, дал бы тебе; из черных моих коров, что до темного леса добрели, самых отборных и круторогих. И от добра, что в сумах хранится, самое лучшее дал бы. Да владелец моря, Нюргун Могучий по имени, еще до тебя приходил. Обещал прибыть в полнолуние того месяца. Туда поезжай; священный важный огонь его погаси, нарядный дом разори, омрачи его ласковое солнце, его высокое имя срежь, самого, Могучего, убей.

Услыхав это, Эр-Соготох прямо на север пустился. Вслед за Огромным Кулутом быстро поехал: из-под ног земля пылью рассыпалась по вершинам лиственниц; от бега его вздымалось и бушевало море.

Еще до середины пути настиг. Пальмою искрошил он народ Кулута. Длинные их кости бревнами по-

плыли, малые кости прахом пошли, а кровь — кровавыми ручьями. Больше половины людей его погибло. Посмотрев, Огромный-Кулут сказал:

— Ой-ой-ой! Ой-ой-ой! Парни! Или ваши зоркие глаза засорило, ваши чуткие уши заклепало? Едет в смуты былых годов вскормленный Эр-Соготох-богатырь. Известный чванством, Дородный-Тойон, отец мой, говорил, да и Дородная-Госпожа, моя мать, говорила: «Смотри, не вступай в битву с Эр-Соготохом!» — говорили, Эр-Соготох-богатырь ведь это едет, — как раз тот человек, что разгонит кровь у Нюргуна Могучего-Удалого, поразит его в темя, обуздает, толстую кожу искромсает, выточит черную кровь, измелет крепкие кости, ясный день омрачит, разорит усадьбу, священный важный огонь погасит, понизит высокое имя. Вот кто едет! Эр-Соготох-богатырь! Прости, паренек! — сказал.

Отлетел в вышнее небо.

Эр-Соготох прямо на север поехал. Достиг огнереющего моря, что за три дневных перехода не допускает к себе. Поверх этого моря птица не перелетит, а низом мышь не прорoется.

Прибыв, стал смотреть.

С того берега моря голубыми сполохами пышет огонь. А из-за огня вылетела черная поджарая птица с такими железными крыльями, как две длинные полосы бересты, и с такими перьями, как мечи, с поджарой железной семисаженной спиной, с железной трехсаженной шеей, с железным хвостом, как в трубку свернутая береста, с громадной, как чан, головою, с такими, как чашка, глазами и с крючковатыми железными когтями. Летит, выговаривает:

— Ой-ойшеньки! Ой-ойшеньки! Лечу я дозорным дяди моего, Нюргуна Могучего-богатыря: Эр-Соготох едет, говорят.

Была там Гибель-Осина, трехветвистая. В глубине ветвей было, как десятисаженный стог сена, гнездо. Птица туда села.

Увидел это Эр-Соготох; схватил свой, как излу-

чина великой долины, гулкий роковой лук, что обделан был крепким деревом с Кимен-Имен, березою с Хаман-Имен, берестою с Томон-Имен, и склеен клеем из пузыря пестрой Гибель-Птицы, и выкрашен львиною кровью с желчью Ексекю-Птицы. Вытащил свою меткую, пернатую, горючая струя, черную стрелу, припал на колени, натянул до самых ушей.

Загремели два его большие пальца, — как в грозу гром, грянули. Стрела пробила птице громадное трехгранное сердце, перерезала большую боевую жилу, что у хребта.

Снизилось высокое ее имя, сама она, Богатырь-Птица, сгинула, упала в середину моря, — погибла железная птица.

Эр-Соготох стал кататься-валяться. С жабрами назад, с чешуею навыворот в Гибель-Ерша рыбу обернулся, кинулся в середину огнереющего моря.

Девять дней и ночей плыл он, доплыл до громадного бугра с выходом на вершине. Тогда вышел, принял свой собственный вид, поднялся вверх и сказал:

— Ну, вот! Нюргун Могучий! Из дальней страны, расспрашивая, из знаменитой страны, выведывая, из именитой страны нарочно прибыл, явился я белое лицо твое изгрязнить, высокое твое имя понизить, тебя, Могучего, убить. Вставай! Выходи!

На это лежавший в доме человек, Нюргун Могучий, голосом заговорил, слово сказал:

— Ой! ой! ой! Эй, ты, паренек! Эр-Соготох-богатырь! По ту сторону огнереющего моря моего есть чистое поле, гладкая каменная страна. Туда иди. Чья удача верх возьмет, чье счастье лучше!

Тогда Эр-Соготох оборотился соколом, с ожерельем на шее, с бубенчиками на хвосте. Полетел; на восточный край огнем реющего моря спустился.

Посмотрел — человек стоит там; весь железный стоит человек. По верхнюю обшивку натазников, в железной кудой куртке был он, в железных штанах, в железных сапогах, из железа были у него и рукавицы, и шапка.

Одна у него была черная нога, что столбом росла из пупа. Из-под ложечки выросла громадная воровата́я рука. Один только глаз, как раз посреди лба, белел, как вымерзшее озеро. Переносье громадное, как спинная кость худого быка. Окладистая седая борода, как старинный нагрудник из медвежьей шкуры. Зияющий рот, как овраг, и в нем семь громадных зубов, зеленых, каждый величиною с нож, и темносиний язык, словно зеленая селезенка.

Сказал этот абаасы:

— Ой! ой! ой! Эр-Соготох удалой! Эй, парень! Большого-Медного-Тойона дочь, лосихи молоком вспоенную, лосиным мозгом умащенную, лосиным мясом вскормленную, красотой трех долин взращенную, Юрюмэччи-Белую-Бабочку-Красотку-Юкэйдээн, женщину мою, не даю. Пока жив, не дам.

На это, говорят, Эр-Соготох так ответил:

— Ну, вот! Откуда ты, убогий? Осьминогий чудище-абаасы! Хорошо пугну я тебя. Высокое имя твое снижу. Тебя, Могучего, убью. Не тебе назначили эту женщину восемь божеств. Мне ее рок Господин указал. Для меня на молочном озере живущий, с подножием из белого, как молоко, камня, белым дождем утоляющий жажду, Созидающий-Белый-Тойон, дед мой, ее создал. Миром тебе не отдам. Ну, подходи-ка! — сказал.

С поднятыми пальмами друг другу навстречу побежали богатыри. Стали рубиться. Стук — что раскаты грома в грозу.

Бросают пальмы; кулаками по ребрам молотят друг друга.

От этого боя лев заревел, говорят; выпал град и снег, говорят; крепкое дерево ломилось, говорят.

Так тяжело ступали, что накренили море, и железная морская Рыба-Ерш, с колючками назад, с чешуею навыворот, так забегала, что себе плавники изрезала.

Непоколебимую преисподнюю они в такую грязь истоптали, что паук, и тот бы увяз.

С гулкого широкого неба от боя их с вихрем град стал падать, такой, будто мерзлые молодые коровы комом валились.

Среди чистого поля вымотали они друг у друга боевые жилы, что у хребта вздымаются, и на землю грянулись.

Оба лежат. Вьюга прошла по ним. Покрылись плесенью на три пальца, а глаза их мхом поросли. Оба, в борьбе поверженные, ждут неминуемой смерти.

С четырех углов неба пришли четыре волокнистые облака. Небо разверзлось. На трех, как молоко, белых конях, с тремя, как молоко, белыми пальмами парни Тойона, слуги-стремянные, наклонясь, стали смотреть и слова выговаривать, и речь молвить:

— Ну, вот! Молочное озеро — седалище его, собою белый, как молоко; белый дождь — питье его, — Белый-Созидающий-Тойон послал! Доверенными вестниками прибыли мы, нарочными явились послами. Эр-Соготоха создала эта женщина. А тебе велено на смертного коня сесть, смертную одежду надеть, смертные твои яства вкусить.

Небесными восьмигранными медными пиками пронзили Нюргуну Могучему в сумку заключенное владыку-сердце и у хребта его вздымающуюся боевую жилу вскрыли. Сын абаасы задыхаться начал; издох.

Чистого мира человеку, Эр-Соготоху, в рот каплями, с яйцо гоголя, золотистую влагу влили. Вскочил Эр-Соготох. Схватил свою пальму, в мелкие крошки искрошил демонова сына, на пир солнцу и месяцу развеял.

Затем Эр-Соготох обратился в сокола, с ожерельем на шее, с бубенчиками на хвосте, полетел вверх, превратился в огненную звезду, лег на видимом якутами низшем, лежачем небе.

Видит: с северного края моря идет горбатая, с тремя горбами, старуха.

Взглянул на нее Эр-Соготох: с облезлой мордой белую собаку ведет она. Дальше смотрит: у нее подмышкою железная колыбель, с железным желобком и железной дугой.

— Беда! Беда! — запела она: — густой туман — напевы мои, снег и дождь — вопли мои, черный дым — песнопенья мои! И-и! плакала она: — дитя мое, могучий Нюргун! сюда! — звала она собаку: — из косточек сына моего ужель ни осколочка не найти? Найди!

Та побежала и принесла кость. Сейчас ту кость схватила старуха, в железную колыбель брякнула, собаку свою повела, колыбель подмышку взяла и пошла на север.

Эр-Соготох спустился вниз; качался, валялся и превратился в самого захудалого парня, в дрянной, обтерханной куртке, поджарого, с иссохшими — кожа и кости — руками, с большим, как в водянке, брюхом.

Побежал прямо на север. Вдоль по такой глубоко проторенной дороге побежал, что человек по шею в ней скрывался; бежал по стране с чахлой железной травою и чахлыми железными деревьями.

Глядит — стоит железная юрта. В полы своей дрянной, обтерханной куртки насобирал он железного хвороста и вошел в железную юрту.

Видит: сидит старуха на железной кровати из ног девяноста человек, из хребтов семидесяти человек, из шей восьмидесяти человек: [17] она сидит и железную колыбель колышет. Взглянула на него и страшным голосом раскричалась:

— Уходи прочь, если гибели своей не хочешь! Ты напустил холода на ребенка!

Парень брякнул свои дрова, подошел к камельку, громко плюнул на ладони и оба глаза себе вытер. Подошел к старухе и слово сказал:

— Ой! ой! Бабушка! матушка! тетушка! Сжалься, смилостивься, пожалей! Верхних трех поколений-родов владения обошел я; к владельцам окон стучался я, к владельцам дымовых труб заглядывал, просился к владельцам стен; войти — дома не встретил, разговаривать — слова не слышал, сидеть — сиденья не видел, поесть — еды не нашел.

«Нижний восьми поколений-родов владения обошел я; к владельцам окон просился, к владельцам дымо-

вых труб заглянул, к владельцам стен стучался, пороги обивал: войти — дома не встретил, сесть — сиденья не видел, говорить — слова не слышал, есть — еды не нашел.

«Бабушка! Был у тебя сын, Нюргун Могучий. Бывало, я ночи у него ночевал, дни дневал, вкусные его кушанья ел, сладким сном спал, — старшим мне братом был.

«Вот он умер. Сталось так, как проклинавший напроклинал; сталось так, как злоречивый наговорил: на брошенном жилье его поросла вонючая полынь. Видел я это и плакал.

«Во имя этого на одну ночь дай мне приют.

— Бедняга! — сказала старуха: — пойди в чулан, поешь там.

Пошел в чулан, показал вид, будто ел, и, выпятив брюхо, пришел назад.

— Парнюга! — сказала старуха: — пойди-ка сюда, покачай ребенка.

Парень взялся за дужку железной колыбели; качает, поет:

Стук-бряк! Стук-бряк! Баю-бай —
поплачь, покричи!
Едва рожденного плачем заплачь,
Криком грудного ребенка вскричи!
Трижды умри и вновь оживи!
На роду тебе написано так.
Мать твоя не могла родить,
Семь веков не рожала детей,
Семь столетий бесплодна была.
Семеро суток шаманил твой дед,
Твой дед шаман, Гибель-Бой-шаман,
Разрезал веревку семь дней и ночей,
Шаманил, снимал бесплодье с нее, —
Вот тогда-то родился ты.
Эр-Соготох тебя убил.
Если тебе суждена судьба —
Запутанный след его проследить,

Занесенный след его разыскать,
Разорвать его красивые швы,
Слоистую юрту его расслоить,[18]
Снизить высокое имя его;
Если тебе написано народу —
Срезать высокое имя его,
Белое лицо его загрязнить,
Могучего Эр-Соготоха убить, —
Снова явись, немедля родись.

На это старуха сказала:

— Эх, бедняжка! Паренька моего, бедняжки, причитанья лучше моих-то! Ах! парень мой, бедненький. За смертью сына моего, за стряпнею, за слезами моими, я и не спала еще, — засну-ка. Покачай ребенка.

На свою железную кровать из ног девяноста человек, из хребтов семидесяти человек, из шей восьмидесяти человек навзничь повалилась она и, заснув, захрапела.

Как только она заснула, этот парень вынес на двор ее ребенка, положил там. Вбежал в дом, вошел в железный чулан, взял железную веревку и накрепко привязал старуху к кровати. В крепком, в трех местах заплатанном горшке поставил топить олово. Оно растаяло, потом закипело. Взял в руки горшок и вылил старухе в глаза.

— Ой, больно! — вскричала старуха и с кроватью на спине вскочила и побежала на парня. Парень побежал, распахнул толчком дверь, потом вернулся и пальмою отрубил голову старухе.

Старуха на порог верхом упала и загребистыми своими ладонями, с десять больших лопат, била землю. А голова сказала:

Густые туманы — напевы мои,
Снега и дожди — вопли мои,
Черная мгла — песни мои!
О досада, горе мое!
Обманщику я обмануть далась!

Плуту дала сплутовать над собой!
Хитро обернувшись, обманом придя,
Сплутовал искусно Эр-Соготох;
Победить — победил, одолеть — одолел,
Снизил высокое имя мое,
Белое мне лицо изгрязнил,
Меня, Богатыршу, убил-сгубил
С ребенком сразил, с родней разорил,
Со мною совсем извел!

Старуха умерла. Эр-Соготох ее в росу тумана обратил на пир месяцу и солнцу. Изрубил семьдесят лиственниц, вырыл большую яму в три печатные сажени и сделал костер. Того ребенка в железной, с железною дужкой, колыбели он принес и вытряс; ступив ногою, накренил море, а потом воду отколыхнул обратно.

Тогда сказал:

— Я урезал твое высокое имя, я изгрязнил твое белое лицо. Их славу я урезал, всех их я уничтожил.

Свои серые лыжи надел и поехал прямо на юг, в родную землю тестя своего.

Когда вот он ехал, летит с тремя детенышами Гибель-Черный ворон и так выговаривает:

— Кар-кар! чул-чал! Эр-Соготох! Раскрой твои чуткие уши! Ясными глазами пристально смотри! Проницательной головы, глубоким, словно озеро, теменем вникай.

Как раз отсюда прямо на восток направясь, доедешь до такого места: до червивого моря доедешь.[19] К владельцу его, что одет в рябые лягушечьи шкуры, что на спине носит кузовок с червями и на ледянистый багор, как на посох, опирается, к Юедюену-старику прибудешь.

«Когда переправишься по ту сторону червивого моря, ты доедешь до Богатого-Харахаана-Тойона, — у него чернеющая открытая отчина, а под глазами такие черные родинки, что величиною, как сумочка, каждая.

«Девяноста сыновей его последыш, из восьми-

десяти дочерей его младшая, зрачок его глаза, белизна зубов, комочек его заключенного в сумку владыки-сердца — с ложку крови румянец — Нежная Хычылаан-Куо дочь у него. На развевающейся чолке вышнего неба родившийся, на гриве преисподней живущий, с тремя тенями.[20] Длинноногий демонов сын к этой женщине прибыл.

Иди туда, спаси ее нежное дыхание, глубокие вздохи ее защити, в тесноту твою зажми, в ширь твоей укрой! Спаси от лихого!

Птица та улетела.

Эр-Соготох прямо на восток пустился. Долго ли ехал, не знал; скоро ль доехал, не понял. Прибыл к червивому морю, — поверх его птица не перелетит, а низом остроносая мышь не прорoется; и на север, и на юг пределы его неведомы. Прибыл он к владельцу червивого моря, Юедюену-старику, — юрта у него, как обрубок наковальни; одет в рябые лягушечьи шкуры; на спине — кузовок с червями; посохом у него ледянистый багор.

Эр-Соготох:

— Ну, вот! Червивого моря владелец! Юедюен-старик! Здорово! Чуткими ушами, отверстыми, слушай! Ласковое солнце — глазами зоркими гляди! Проницательной головы теменем, словно б озеро, глубоким, внимай! Имя мое — Эр-Соготох, я вскормлен в смуты белых годов, в битвы прежних времен сотворен, в деянии прошлых лет родился. Как перейти мне на ту сторону червивого моря? Путь укажи мне, найди проход, растолкуй дорогу. Плату тебе вдоволь дам: увидишь благодарность доброго человека, приличного человека дары узнаешь и всю щедрость его руки.

На это Юедюен-старик:

— Одежду мою из рябых лягушечьих шкур надень на себя. Взвали себе на спину мою ношу — кузовок с червями. Мой ледянистый багор за посохи возьми. Оборотись в такого, как я.

Эр-Соготох, выслушав, стал кататься-валяться и оборотился стариком, как Юедюен-старик. В одежду из рябых лягушечьих шкур оделся, кузовок с червями взвалил на спину, ледянистый багор за посох взял: сделался таким, как владелец червивого моря.

Перешел через червивое море.

Оборотнем в путь отправился и пришел к Богатому-Харахаану-Тойону, тому, что владеет чернеющей открытой отчиной; под глазами у него черные родинки, такие большие, как сумочки.

— О-о! Чего это бедный Юедюен-старик приплелся? — послышались голоса.

Из красного своего угла, колотыми узорами в пять рядов разубранного,[21] с прилавка своего, в десять рядов выемками украшенного, с кровати своей, золотой, восьминогой, с постелью из меха летних соболей, с одеялом из меха зимних соболей; та, что ест один только жир без мяса, а пьет только сливки без молока, та, у которой нитки шелковые, а иглы серебряные — с ложку крови румянец — нежная Хычылаан-Куо, — сквозь одежду тело просвечивало, сквозь кости мозг костей виднелся, — мягко, неслышно пропорхнула, перед отцом и матерью стала. Глаза что у черного жеребенка, в морозы родившегося, — такими глазами глянула; губы что у серенького жеребенка, весною родившегося, такими губами повела. Задвигалось горло, как струна. Гортань дрогнула. И пропела слово:

Пожелтев, разметались волосы твои,
Что грива и хвост белого коня, —
Почтенный мой, ясноокий мой,
С прекрасным переносьем, батюшка!
Ясными солнце-глазами глянь!
На самую младшую дочь посмотри!
Припомни, как баюкал меня,
Качал-прижимал к золотой груди,
Благословлял, приговаривал:
«Пойдешь, моя дочь, в чужие края,

Построишь нарядный скотный двор,[22]
Зажжешь внушительно-важный огонь!..»
Неправдой стали обеты твои!
Абаасы в пасть назначена я!
Гладки седые волосы твои,
Что грива и хвост серого коня.
Почтенная, ясноокая,
Прекрасная госпожа матушка!
Бывало, упругими сосцами кормя,
На убранные колени меня положив,
Пророчишь мне, приговариваешь...
Ох, да зачем же пророчила ты?
Зачем же ты мне предсказывала:
«Пойдешь, моя дочь, в чужие края,
Построишь нарядный скотный двор,
Зажжешь внушительно-важный огонь...»?
Ложью стали желанья твои!
Самая младшая из сестер,
Одна из всех несчастна я, знать,
Лихому в пасть уготована я!
Сегодня ночью я видела сон
И так себе толковала его:
На берег червивого моря, знать,
Прибыл из той земли человек,
Вскормленный в смуты былых годов,
Выросший в битвах древних времен,
Рожденный в подвиги прошлых лет.
Эр-Соготох, человек, якут.
Так толковала, проснулась с тем.
Кто-нибудь, думаю, едет к нам!
Мать, отец! Пошлите взглянуть!

Тогда вскочил старик:
— Ну-ка, парни, выйдите! посмотрите! — сказал: — не водилось за дочкою, чтобы лгала!

Тотчас вперегонки повыскочили, туда-сюда глянули, — как есть ничего.
— Э! ну, кто к нам придет? — говорят: — только вот и есть, что сосед наш Юедюен-старик, — говорят.

Услыхав, девушка с плачем на свой прилавок ушла.

Юедюен-старик пошел к двери хлева и заснул. Проснувшись, вскочил, подошел к правому боку камелька и смотрит.

У красного угла, в пять рядов проколотыми узорами разубранного, пришел-сидит, оказывается, с тремя тенями Железный-Добырган; тот, что на вздымающейся чолке вышнего неба родился и на гриве преисподней поселился.

Как лужайка, громадный светлый стол выдвигают, блестящие тарелки ставят. Великолепного быка, Коротконогого-Тойболуна по имени, целиком сварили, принесли, целиком выложили на стол.

— Ну, вот! Зятюшка! Любимое дитя наше взявший!

Тогда Юедюен-старик:

— Где только стены, приглядывался я. Где окна, глядел. Где трубы, заглядывал. Войти — дома не нашел, поговорить — слова не слышал, посидеть — сиденья не видел. Я живу промыслом с лесного озера, существую охотой с большого болота. Еда моя — рябые лягушки, убогий стол мой — черные жабы. Зятюшка! Едой поделись.

На это абаасы:

— Ой! Юедюен-старик! Что и говорить! Правда!

Отрубил голову быка, Юедюену бросил. Юедюен поймал голову, стал обгладывать.

— Старый уж я! — сказал: — зубы совсем повыпали. Сам ешь эту голову! — сказал и бросил назад голову быка. Попал в грудь сыну абаасы.

— Досадно! — сказал сын абаасы и вскочил.

Юедюен-старик бросился за печку. Сын абаасы за ним.

Юедюен-старик выбежал на двор. Сын абаасы следом.

И выскочили они на твердый, как камень, двор, такой гладкий, что граду обильного вихрями белого неба негде там удержаться.

Загремели оба, как гром в грозу. Рубили друг другу бока.

От ярого боя лев зарыкал, град вихрем посыпался, крепкие деревья свалились.

В выси живущие в высь улетели, подземные пали под землю.

Из домашних самые храбрые в хлев бросились, самые доблестные на полати вскочили, трусы под лавки забились, этого боя боясь.

Между собою:

— Удалой, гляди-ка, старик!

— Силен, вишь, Юедюен-старик! — говорили.

— Юедюен-старик в молодости богатырь был! — сказали.

Вышние три колена-рода, наклонившись, глядели:

— Э! Вот это бойцы!

Подземные восемь колен-родов, выдвинувшись, говорили:

— Вот это народ!

Пока говорили, Эр-Соготох, поддев, бросил нечистых сына: тот, упав, пробил землю на семь саженей.

Эр-Соготох сел ему на грудь и вынул свой малый да острый нож, из стали семи брусьев железа выкованный; вырезал ему хрящи горла, вытащил главную боевую жилу, что идет вдоль хребта. Заплакал сын нечистых. Пошел смрад из его рта.

— Ой! ой! — воскликнувши, сказал он. Подобно языку проклинающей женщины, отборными загремел словами. И слова его были такие: — Эр-Соготох-богатырь! Хитро обернувшись, искусно сплутовавши, пришел ты и посадил меня на смертного моего коня, в смертные одежды одел, смертные яства дал вкусить! В последний путь пошел я, видно. На смертное седалище, знать, я сел. Твои боги верх взяли, твое небо осилило. Рока моего исполнение, дней моих завершение, знать, от тебя настало: я погиб, умираю.

Старик и старуха сказали:

— Нужно наградить червивого моря владельца, Юедюена-старика. Дадим треть нашего скота: для бедняка богатейшая награда! — говорили.

На дворе Эр-Соготох, свой образ приняв, сказал: — Ну, вот! С чернеющей громадной вотчиной, с большими, как сумочки, черными родинками под глазами Богатый-Харахаан-старик! Чуткие твои уши раскрой!

В смуты былых годов вскормленный, в бои прежних лет на жилье осевший, в деянии древних времен родившийся, на двух серых лошадях-лыжах, Эр-Соготох — называемый я человек. Из дальних стран, выспрашивая, пришел. Из славных стран, славное имя называя, прибыл. Ласковыми, ясными глазами взгляни!

«Зрачок глаза твоего, белизну зуба твоего, комочком от владыки-сердца твоего отпавшую, из восьми дочерей твоих, как белые лебеди, позже всех родившуюся, из девяти сыновей твоих, как вольные журавли, самую младшую; у ней нитки шелковые, иглы серебряные, с ложку крови — румянец: Нежную-Хычылаан-Куо, дочь твою, — ее всю увешай уборами, одень в одежды длинные. Самых видных белых коней, что табунами до белого леса дотянулись; самых круторогих черных коров твоих из стад, что до черного леса добрели, — дай ей в приданое. Дочь твою сейчас же мне вышли! Не задерживай путника! Не держи дорожного человека!

Сговорились старик со старухою. Дитя свое богато нарядили, в одежды длинные одели, — белых бегунов, что до белого леса доходят, самых видных в приданое дали, самых круторогих черных коров, что табунами до черного леса пасутся, в приданое дали. Выдали дочь свою, с румянцем в ложку крови, Нежную-Хычылаан-Куо.

Множество слуг с нею: восемьдесят дали стремянных, чтоб гнали стада белых коней и черных коров.

Эр-Соготох-богатырь оделся в свои рябые лягушечьи шкуры, кузовок с червями, ношу свою, положил на плечи, взял за посох ледянистый багор свой; принял образ старика, такого, как Юедюен-старик. Подмышку левой руки зажал женщину, перешел через

червивое море. Оно стало песчаной косой; переправили через него белые и черные стада. Эр-Соготох прибыл к Юедюену-старику.

Сняв свою одежду из рябых лягушечьих шкур, скинул кузовок с червями, ношу свою, и бросил посох свой, ледянистый багор. Юедюена-старика за волосы с затылка сгреб и пальмою кожу с него начал сдирать. Юедюен-старик всякие слова говорил, муки и муки изведал и лежал, и плакал вот так:

Жил я, владел я червивым морем,
Не был я, правда, такой уже знатный, —
Лишь на коне до меня достигнешь;
Не был я, правда, такой уже славный, —
Долгий путь до меня изъездишь.
Я промышлял на лесных озерах,
Брал со святых озер добычу,
Рыбы безмолвной, яйца тупее,
Если б в огонь я попал — сгорел бы,
Не был я страшный, не был могучий...

Эр-Соготох поставил его на ноги. Тело его совсем было ободрано, и торчали кости, а изнутри во множестве выползли мелкие земляные черви. Эр-Соготох-богатырь налил ему в рот золотистой волшебной влаги, и стал старик бледнолицый.

Эр-Соготох сказал:

— Ну, вот! Пусть же тебя теперь никто не называет: владелец червивого моря, Юедюен-старик. Отныне твое имя — в даль идущая слава: Акымал-Богатый-Тойон, — сказал.

«Богатого Харахаана, господина громадной чернеющей вотчины, под глазами его родинки величиною с сумочки, — его дочь, зрачок его глаза, белизна зуба его, заключенного в сумку владыки-сердца комочек, ту, что ест только жир без мяса, пьет сливки без молока, нитки у ней шелковые, а иглы серебряные, именем Хычылаан-Куо, — даю тебе в жены, — сказал.

«Породи девять вольных журавлей-сыновей, восемь статных белых лебедей-дочерей, до старости детей роди, до старости скот выводи, на лето четыре счастливые основные жерди поставь, на зиму восемь толстых важных столбов укрепи. Священный, важный огонь зажги! Нарядный дом построй! Пешему ночлегом будь, конному приютом, возвышай униженного, обедневшего поддержи, — сказал.

«Вот плата за переправу через червивое море! Прости!

И, оставив ту женщину, со скотом и припасами, он надел свои серые лыжи и пустился прямо на юг.

От стремительности бега заволновалось, забушевало море, вьюга настала, поднялся ветер и непогода, зарыкал лев, пурга забушевала, крепкие деревья ломались. Достигая, достиг страны Медного-Доброго-Тойона.

— Приехал к тестю! — сказал.

— С удалыми я состязался, со славными сшибался, с силачами боролся, быстрых перегонял, демонов силу громил, незримых силу губил; пред огненноглазым не отступал, пред угрожающим не робел. Господин мой тесть!

— Выставь же, с озеро шириною, заповедный кумысный чан. Лес светлых березок насади. Нарядные жбаны рядами поставь. Груды кубков резных приготовь. Внимай!

Поглядел, — что орел собою, с большим, обросшим бородою, лицом старик перед ним. По левую его руку — как снег, седая дородная родовитая старуха. На ней накинута отборных соболей доха, пятнистых рысей шапка набекрень надета. Лучшие волчьи шкуры облегают колени. Серебристого соболя задних лапок сапожки обуты. В руке держит о трех отверстиях пеструю гадальную ложку.

Светлый, как озеро, вынесли заповедный кумысный чан; рощу серебристых березок рассадили; рядами

нарядные жбаны расставили; резные заздравные кубки горою насыпали. Приказали девяти мальчикам подносить кумысные кубки, где масло плавало комками с утиное яйцо. Поднесли мясо девяти юных кобылиц. Положили на сиденья цельные шкуры белых коней.

Словно поле, чистый стол поставили. Словно озера, блестящих серебряных тарелок наставили. Восьми отгулявшихся кобылиц отборного жиру и сала толстого наложили.

Эр-Соготох на белой конской шкуре сел. Вверх ножом резал, съедал, вниз ножом резал, проглатывал. Наелся. Захватил сразу девять громадных кубков, все девять налиты сливками от молока юных кобылиц. В рот опрокинул, бурливой речки потоком.

Когда напился, старик слово сказал:

— Ну, вот! С полной сотней годов, одряхлел, захирел я, старик. Едва восьмидесяти лет, уже в бессилии исхудал. Три людских века прожил, удрученный, ослабевший старик я. Эр-Соготох! Обоими твоими чуткими ушами слушай! Что ясное солнце, зоркими глазами гляди! Проницательной головы, как озеро, глубоким теменем внемли. Ты ее спас от нечистой пасти. От глотки незримого избавил. Смотри — моего глаза зрачок, вырви — белизна моих зубов, комочком заключенного в сумку владыки-сердца моего отпадает она. С трех долин выбирая лучшее, растил ее; лосихи сосцов молоком питал, костным мозгом лосиным умащая, воспитывал, мясом лосиным кормил; три травки стельки у ней, трех сажен коса — Юрюмэччи-Белую-Бабочку-Красотку, дитя мое, отдаю.

Белая снег-голова, дородная родовитая старуха слово сказала:

— Глубоко в недрах златых моих приютив, у заключенного в сумку владыки-сердца моего уединив, десять месяцев носила я, пока она, что вода, слабая, костями не окрепла. Через недра мои пробилась она. С хребта серебристого соболя мехом хранимую воспитывала, пятнистой рыси мехом окутанную, растила, на пушных коленях моих ее пестовала, сосцами груди моей

кормила. Без мяса жиром одним кормила, без молока сливками поила, что нравилось, ела она, по выбору своему одевалась. Белых бегунов моих, что до белого леса теснятся, виднейших в приданое даю, из черных моих, что до черного леса толпятся, лучшую часть крупорогих в приданое даю. В сумах добро у меня — отборное дам. В амбарах рядами медная посуда — самую звонкую назначаю. Пусть козни могучего вас не тронут, беда не коснется, лихой не обидит.

Эр-Соготоху двери открыли. Вошел.

По золотому полу их медленно, как по мягкому, ступая, вошел он. На правой половине, на плотном и длинном прилавке сел. Круглыми большими глазами кругом оглянулся. И видит он, что в красном углу, в пять рядов проколотыми узорами разубранном, на прилавке, в десять рядов резьбою украшенном, на подстилке из меха летнего соболя, на одеяле из меха зимней рыси, Юрюмэччи-Белая-Бабочка-Красотка-Юкэйдээн женщина сидит. Сквозь платье тело виднеется, сквозь тело — кости, сквозь кости — мозг костей. Мрачный дом светлым становится, светлый дом сиять начинает — такая красивая сидит.

Увидев ее, Эр-Соготох-богатырь железную свою броню-одежду, с полями семирядными, шнурового серебра, с восьмиклинной кольчугой черного железа, с девятиполосным станом закаленного железа, черным чугуном отороченную, с драгоценного черного камня пуговицами — железную свою броню-одежду снял.

Припал к женщине. Легли. Полюбился с ней, говорят. На утро поднялись. Железную броню-одежду надел. Голубых пучин водою обмылся, черных пучин водою отмылся.

Словно поле, громадный стол выставлен. Расставлены огромные, как озеро блестящие, серебряные блюда. Восьми отгулявшихся кобылиц жиру доброго, толстого сала наложено.

Эр-Соготох вынул свой ловкий и острый ножик, из семи кусков железа выкованный. Вверх резал — жевал, вниз резал — проглатывал. Кончил.

Несут крепкого кумысу чашу, — еще с тех пор, как старик домом обзавелся, хранилась. Желтое масло кладут комками с утиное яйцо.

Бурливой речки потоком опрокинул в рот. Женщину за ворот сгреб. Выбежал. Старик со старухой за ним.

Эр-Соготох бежит, надев свои серые лыжи. Прямо на запад держит. От стремительного бега лев зарыкал, с вихрем снег стал падать, деревья ломались, морские волны вздымались, бурлили, вьюга взвилась, кругом выло и бушевало. В путь пустился!

Отец с матерью глядели на дочку свою: в путь пустилась! Тогда сказали:

Ну, вот! Дитя наше, дочь, дитятко-дочь увез!
Не дав наглядеться на лик полного солнца — увез!
Не дав запомнить облик отчего дома — увез!
Не дав проститься, не дав поплакать с родней — увез!
Почтенный отец-господин не вышел благословить.
Почтенная мать-госпожа не успела сказать: прощай!
Увез, повидаться с братьями, с девятью журавлями, не дав.
Увез, побеседовать с сестрами, с восемью лебедями, не дав.
До белого леса теснятся быстрейшие бегуны, —
Не выбрала белых себе, не выбрала лучших коней.
До черного леса пасется с крутыми рогами скот, —
Не выбрала видных себе, не выбрала черных быков.
В сумах хранится добро, — не тронула лучших одежд.
В амбарах лежит серебро, — не коснулась звенящих убранств.
Не нарядив, не убрав, ничем не украсив — увез!
Дитятко-дочь, услышь! Даруй! Ниспошли! Прости!
Коварные козни, заклятье на вас, — не касайтесь ее!
Несчастья — не нападайте! Лютое лихо — не тронь!
Дома, в дальнем краю — пышноверхие жерди вбей,
Восемь опорных столбов крепко в землю утверди.
Важный священный огонь разожги, разведи, держи.
Будет нарядно жилье! Конский просторен двор!

Дымные юрты поставь! Пропахшие хлевы строй.
Так до старости будь! Рожай! умножай стада!
Конному дай ночлег, пешего приюти!
Краткое удлиняй! Узкое расширяй!
Дитятко-дочь-дитя! Прости! Даруй! Ниспошли!

Отправились. С выбоинами по печень, с кочками по колена, с ямами в рост человека, землю проехали. Наоборот кружащегося, темной ночи неба землю проехали. С ржавым солнцем, заячьему желудку подобным, землю проехали.

Говорят, та женщина, со стельками из трех зеленых трав, с трехсаженными косами Юрюмэччи-Белая-Бабочка-Красотка-Юкэйдээн-женщина, на пути сказала, сон свой рассказывая:

— Ну, вот! Почтительное мое слово прими, заветного моего слова не брось, последнее слово не оставь! Эту ночь мне виделся сон: очень зловещий был! Ну, друг, Эр-Соготох-богатырь! Верхние три рода,[23] очень что-то, наклонясь, глядеть стали, а нечистое нижнее племя поговаривать стало! Ты приедешь завтра к узлу девяти дорог, к разделу восьми путей прибудешь, к перехвату семи следов когда приедешь, — женщина почетно встретит тебя и скажет: «Я — Акымал-Той-она-Богатого дочь, имя мое — Нежная. Дядя мой — Эр-Соготох! Не ты ли приехал? В пути был, проголодался, должно! В дороге был, пить, наверное, хочешь! Ехал — устал, поди! Вот сливки молока молодой кобылицы, вот превосходный кумыс. Насыться перед отъездом!» О, не ешь, когда она потчевать тебя будет! И краем глаза не гляди! Много муки изведаешь: что ветлу гибкую скрутит тебя, в дугу согнет.

Что сказала жена, слово это — слышал ли, или не слыхал.

Приехал к славному узлу девяти дорог, к разделу восьми путей, к сближению семи следов. Глядь, — стоит, серебристых соболей доху накинув, пятнистой рыси шапку набекрень надев, колени свои штанами лучших волчьих шкур охватив, серебристых соболей

задних лапок меха сапожки обув, о трех отверстиях пеструю гадальную ложку в руках держа; что озеро, чан кумысный налив; что лес, серебристых березок насадив, нарядные кожаные жбаны в ряд наполнив, заздравных кубков много приготовив; по правую руку девять молодых парней — девять резных кубков подносить им велено; по левую руку восемь девиц — восемь кубков держать им велено; что озера, блестящих серебряных тарелок наставлено, что поле светлый стол выставлен; восьми отгулявшихся кобылиц вдоволь и сала и жиру наложено, цельная шкура белого коня на сиденье брошена. Такая женщина! И так сказала:

— Ну, вот! Дядя мой, Эр-Соготох, приехал! В пути человек проголодался, знать! — говорит. — В дороге человек — жажда его донимает, конечно! Едет — устал, наверное! Бежавшего настигал ты, врага преследовал, недругов губил, демонскую силу громил. Я — дочь Акымала-Богатого-Тойона. Я — женщина, Нежной называемая. Остановись. Отведай! — позвала.

Наперекор жене пошел Эр-Соготох; согласился отведать, на цельную белую конскую шкуру сел.

Загудело шумом в ушах у него, провалился на дно бездны, на семь саженей лед пробил. Падая, разбил вдребезги восемь ребер своих, ногу сломал, руку искалечил, и глаз один вытек у него.

Лежит он, говорят, — сверху плесенью на три пальца покрылся, внизу на шесть пальцев подгнил. Куда девалась жена — не знает.

Где холмы с царящей вьюгой, где зияют огневым туманом реющие долины, где тиною покрыты черные парни и глыбами застыли черные девицы, где широкая, неколебимая преисподняя, — туда женщину эту, Юрюмэччи-Белую-Бабочку-Красотку-Юкэйдээн называемую женщину, осьминогих чудищ-демонов сын унес, владелец Ледовитого Моря Железный-Джессин-богатырь. На середину Ледовитого Моря принес. Ввел в свой

дом из ледяных глыб, с дверью на крышу. Посадил эту женщину на железную подстилку, на железное одеяло, на тяжелую каменную подушку.

Абаасы пошел в чулан, взял в трех местах заплатанный серый тяжелый горшок, натолкал медвежьего мяса, поставил на очаг каменный, с двумя устьями — наперед и назад. Взял выщербленную миску и поломанную ложку. Листового железа куртку свою подобрал. На лбу у него пот стал проступать. Сидит, ест медвежатину. Кровавыми своими глазами исподлобья на жену посмотрев, сказал:

— Ой-ой-ой! Голубка, голубка, голубушка моя полюбила! В эту ненастную, непроглядную ночь полюбимся мы с тобою! Встряхни перину, выбей железное одеяло, положи подушки, постель скорее изготовь.

Медвежатину съел, жене ничего не дав.

Женщина приказа не выполнила.

Абаасы вскочил, женщину смял, насильно хотел положить. Женщина пышными своими серебряными пальцами, словно десяток горностаев в руках держала, оттолкнула его. Уронила слезы из глаз, как русский жемчуг, крупные. И слово сказала:

— Владелец Ледовитого Моря, Железный-Джессйн-богатырь! О дружочек милый! О господин дорогой и друг! Эр-Соготох именем человек раньше тебя мужем моим был. От него я три месяца как беременна. Не может в утробе женщины родиться ребенок от демона и от человека чистого мира. Надо отсрочить ночи, надо дни переждать.

Абаасы глухим голосом рассмеялся:

— Э-э! Милашка моя! Что я могу знать? По крайности господина свояка моего, Эр-Соготоха, ребенка ты мне на руки принесешь. Съем по крайности.

С женой своей не поспал, говорят.

Эр-Соготох на семисаженном, льдом покрытом, дне бездны лежит. От горемыки горе не отходит, не отходит от страдальца скорбь. Вот, лежа, глубоко

вздохнул из самой глубины недр своих. Затем, все лежа, сказал:

— Ну, вот! Вышние! На молочном озере живущий, с белым каменным подножьем. Белый-Творец-Тойон, дед мой! Солнце — глаз, серебро — переносье, кожаный мех — грудь, Ясная Почтенная Госпожа, бабка моя! Властитель рока, дед мой! Ясными, что солнце, очами зоркими вглядитесь! Вслушайтесь вашими чуткими ушами, полному месяцу подобными! Вникните, словно озеро, глубоким теменем проницательных ваших голов! Обманулся, поддался я! Лиху дал себя погубить! Чудище-Незримый притиснул меня! Принизилось высокое имя мое. Изгрязнилось белое лицо. Умираю я, богатырь. Сверстников поношеньем стал. Глаза заволокло слезами. Спасите мое дыхание чистое.

Тогда с четырех углов неба вышли, вздымаясь, облака волокнистые, и небо разверзлось.

Большие шаманки, три шаманки, с пышными шелковыми кистями, обвешанные золотыми пластинками, серебряными кружочками, с громадными, словно озера, белыми бубнами, с белыми мохнатыми колотушками, Владыки-Солнца дочь Кюегельджин-шаманка, Владыки-Месяца дочь Ытык-Нуолур-шаманка, Белая-Айталын-шаманка — три шаманки низошли, говорят.

Золотистого цвета восьмисаженною священною веревкою вытащили, говорят, сверху на три пальца заплесневшего, снизу на шесть пальцев прогнившего; омыли в молочном озере, что никогда пеной не заволакивалось. Потом положили Эр-Соготоха и с трех сторон около него стали, взяли свои, словно озера, громадные белые бубны, мохнатые колотушки взяли. Зазвенели золотые таблички, забились шелковые кисти. И запели:

— Ну, вот! Восьми божеств шаманки мы! Три года назад умершего исцеляли мы! Дитя наше! Эр-Соготох! К ясному солнцу твое дыхание чистое крепким арканом привязали мы! От грозящей тебе смерти спасли! До злобного навождения удалили! Убежавшего от тебя настигли, ушедшего от тебя преследуй, иди

за врагом своим и сокруши его, недруга губи. Ниспошли! Даруй! Ниспошли! Даруй!

Владыки-Солнца дочь Кюегельджин-шаманка поплевала, поворожила, Белая-Айталын-шаманка святою влагою насытила его, говорят. Эр-Соготох вскочил, говоря:

— Да никак это я уснул, друг?

Три большие шаманки воскликнули:

— Ах, ах! — и улетели на небо.

Эр-Соготох, надев свои серые лыжи, жену разыскивать едет. Вот женщина, что живет у чудища в доме, — исполнилось десять ее месяцев. Тогда, лишь абаасы ушел на промысел, женщина эта почувствовала роды и слово сказала:

— Ну, вот! У господина-отца праведного, у матери-госпожи Солнце-Глаз, кожаный мех-грудь, — в усадьбе их когда вырастала я, когда с девятью моими, вольным журавлям подобными, старшими, братьями на милой земле жила, когда с восемью моими, лебедям подобными, старшими сестрами на светлой моей земле была, когда еще пасти чудища в удел не была я дана, не приходила еще в страну сына незримых, когда еще в нечистый дом не входила, когда еще в черную книгу не была вписана, когда наглой смерти еще не подпала, когда лютой гибели еще не касалась... О! мутится мой разум глубокий. Втупик я стала, находчивая! Силы падают у меня, крепкой! Задушевные подруги былых моих дней, прошедших лет! Владыки-Солнца дочь Кюегельджин-шаманка, Белая шаманка Айталын-шаманка, Владыки-Месяца дочь Ытык-Нуолур-шаманка! Отверстыми ушами вслушивайтесь! Вглядитесь, что ясное солнце, глазами зоркими! Вникните, словно озеро, глубоким теменем проницательных голов ваших!

Лишь сказала это, как с четырех углов неба прилетели четыре волокнистые облака. Небо словно разверзлось.

С золотыми табличками, с серебряными кружками, с кистями шелковыми, пышными, с белыми, подобно

озеру, громадными бубнами, с белыми мохнатыми колотушками, три шаманки на кровлю дома демонова сына спустились. Сказали:

— Ну, вот! Молоком лосихи вспоенная, жиром лося умащенная, лосинным мясом вскормленная, Юрюмэччи-Бабочка-Белая-Красотка-Юкэйдээн! Дитя наше! Не плачь, не горюй! Сейчас, — говорили они, — с золотыми кудрями до плеч родится мальчик. Назови: не для земли, поросшей деревьями и травами, родившийся Басымджи-богатырь — так назови. Твое дыхание чистое этот ребенок спасет. Избавит тебя от злого, из нечистой страны увезет. Прости!

Улетели.

Сейчас же эта женщина оперлась на кровать и с криками разрешилась мальчиком с золотистыми кудрями до плеч. Ребенок заплакал.

А тем временем вернулся муж и бросился на ребенка. Ребенок меж пальцев проскользнул, убежал от абаасы. Промчались они вокруг очага. Ребенок вскочил на подстилку матери. Абаасы бросился схватить. Мать оттолкнула, упираясь руками в грудь, сына нечистых, мужа своего, и сказала:

— Ну, вот! По твоим словам, ты так именит, что конем до тебя доезжать надо, так славен, что дороги до тебя изъездить надо. По твоим словам, ты владелец Ледовитого Моря, западные силачи — родня твоя. По твоим словам, на востоке — твои тетки, а на севере — дяди. По твоим словам, имя твое Железный-Джессин-богатырь. Будешь ты поговоркой верхних трех колен-родов и басней станешь восьми нижних колен-родов: «Ест, скажут, от слизи мокрых, от вод влажных ребят!» Пусть хоть пополнеет в руках, округлятся ноги, спина: все равно твой будет.

— Ладно, друг! — говорит. — И правда! Что я знаю, друг? Я только увидел, и хочется съесть. Разве я когда видел, как родится ребенок? Ну, пускай пополнеют его руки, округлятся ноги. Пусть будет по-твоему!

Эта женщина перерезала пуп у ребенка. Потом положила сына с собой, дала ему грудь. Стал он де-

сятилетний. Стали белые руки, цвета лиственницы, если снять кору, стали ноги толстые, как срубленная лиственница. В плечах широкий стал — шести слишком саженей. С красивым перехватом стал о пять саженей. Выпуклые бока выдавались на три сажени. С громадным переносьем, нос — словно передняя нога коня. Круглые, большие глаза, как кольца узды. Несказанно красив лицом, мощного вида собою. Словом, лучший был из якутов-уранхайцев. Это десятилетний такой был!

Абаасы вскочил. Смотрит: у шеи матери лежит это дитя. На него набросился. Ребенок проскочил подмышками абаасы. Из ледяных глыб дома половину снесли и выскочили. Абаасы вскачь побежал за ребенком. Проступил пот у ребенка. Утомил его абаасы. Вот, вот нагонит. Стал кататься-валяться ребенок. «Мать!» — воскликнул. Когда позвал мать, абаасы взглянул на него. А ребенок, обернувшись лисенком, бежит к матери, слово говорит:

— Ну, вот! В самой глубине золотых твоих недр, близ заключенного в сумку владыки-сердца, дала ты гнездо, жилье и уют, десять месяцев проносила. Я пробился, расширил недра твои, родился. В нечистом доме родила ты. Уже с рождения демона пасти я обречен, уже с начала жизни для чудища глотки родился! О ясная, чтимая госпожа-матушка! Зачем меня назвали восемь божеств моих, зачем назвали не для земли, поросшей деревьями и травами, родившимся Басымджи-богатырем? Выдь мне навстречу, правую грудь свою белоснежную вынь!

Мать навстречу ему на колени пала, правую грудь вынула. Сын начал быстро сосать. Когда сосал, много раз абаасы хватал его невпопад.

Убежал. Абаасы погнался. Опять утомил, настигать стал. Ребенок стал кататься-валяться; двуголовою Ексекю-Птицею, с широкими крылами, оборотившись, полетел в широкое гулкое небо.

Когда улетел, абаасы от злости досыта земли и сору напихал себе в рот. А сын к нему слово сказал:

— Ну, вот! Абаасы! Отец мой! Малого ты меня возрастил. Худого утучнил. Лучшими, спасибо скажу, угощениями угощал. У груди златой на руках лелеял. Смотри, не гневи почтенную госпожу, мою мать, никогда не будь вспыльчив с нею. А я приведу тебе белого, богоданного коня из белых бегунов, что до леса белого добрели, — награжу тебя. Демонов сын! Отец мой! Прости!

Сказав, улетел.

Абаасы с корнем вырвал лиственницу, взял как посох. Пошел к жене.

— Пойду, съем белую белянку! Заночует в моем широком каменном чреве! Услажу мою знаменитую каменную глотку. Смочу мой жадный длинный язык! — говорит.

Услыхала женщина эта, издали слово сказала:

— Ну, вот! О старик мой, бедняжка! Железный-Джессин-богатырь, друг мой! О, как иззяб, замерз! Как отощал, изголодался! Варначий сын и сам варнак, сын плута и сам плут, собачий сын, собака! Молоко его пил, пил. После того, как ты кормил, поил его, чем только желал, он же и издевался, как рябая собака, и смеялся, как серая собака.

— Правда, так! Подружка моя! что ж она может сделать, милая? Варначий сын и есть варнак. Так разве она подстрекала? Сын плута — и сам плут, конечно. Так разве она учила? До чего я, бедняга, дошел! Раз у меня открылся рот, так уж и есть моего птенчика! Раз у меня выросло брюхо, так сейчас и жрать дружочка!

Тогда из ледяных глыб дома вышла ему навстречу жена:

— Эх, старик! Где это побывал, друг? Очень я тосковала, друг, по тебе!

— Ох, подружка моя, бедная! — сказал он и стал ее целовать и нюхать и размазал ей по лицу и сопли свои, и слюни.

Об руку пошли к дому. Войдя, пошел к поставцу, достал в трех местах заплатанный серый горшок, на-

толкал медвежьего мяса, налил рассолу и стал кипятить на очаге своем, с устьем наперед и назад. Сел у очага, захватил щербатую миску с ломаной ложкой. Едва закипать стала та сторона, что к огню, он уже ест.

— Ах! Друг, дорогая моя! Не жди от меня, что спать с тобою буду эту ночь! Очень устал я, друг! Засну я, — сказал.

Повалился навзничь на свою железную кровать, заснул. На обе ноздри захрапел.

Чуть за полночь послышался страшный шум.

— Что это? — воскликнул абаасы и вскочил. Голоногим, с выпученными глазами, с вытянутыми плоско рогами, с вывороченными шишками на лодыжках, околдованным зверем Тугут[24]-Теленком-Оленем оборотился и провалился сквозь землю.

У самых подошв того, что стоял на дворе, вынырнуть головою было собрался. Но на дворе стоящий с криком: «Что это?» — почти на версту вверх подпрыгнул.

Абаасы в своем собственном виде выскочил.

Смотрит: в чем мать родила, голый стоит.

Пристальней смотрит: это — не для поросшей деревами и травами земли родившийся Басымджи-богатырь, сын его, прибыл, стоит.

Басымджи-богатырь нечистого за загривок сгреб, вытянул по спине треххвостной железною плетью: до того хлестал, что выступили лоснящиеся сухожилья спины.

В то время прибыл на серых лыжах Эр-Соготох-богатырь.

Навстречу прибывшему вышла жена его. Из глаз ее падали, как русский жемчуг, светлые слезы, и плакала она, говорят. Выплакавшись, сказала:

— Ну, вот! О милый, друг мой! Не послушал ты заветного моего слова, доброму слову не внял, святого слова не принял, жадной пасти чудовища обрек. Потомок незримых угнал меня в свою землю, злобных сын привел в дом свой! Как ветлу сырую свернуло

меня, как дугу согнуло от близости злого духа, заключенное в сумку, владыка-сердце мое, никогда не волновавшееся, взволновалось; никогда не трепетавшие, крепкие кости мои стучали от трепета; от губителя дрожало тело мое, от чудовища волосы дыбом становились.

Увидел отца своего Басымджи-богатырь:

— Отец! — сказал: — здравствуй! Чего же стоишь? Увози жену. Я остаюсь с абаасы.

И еще сказал:

— Где вскормлен ты, в страну родимую поезжай! Где создан, в усадьбу свою отправляйся! Где появился, в добрую ту землю иди! Построй там чистый дом! Священный огонь зажги!

Эр-Соготох взял жену свою, пустился прямо на юг. Басымджи-богатырь остался. Он хлестал нечистого, пока сердце и печень не проступили, выпучась через ребра. Силы стали падать у абаасы, пришел день его смерти, упал он. Слово сказал:

— Смертный день мой настал, прикоснулся ко мне последний день мой. Ой-ой-ой! Дитя мое Басымджи-богатырь! Много я своего молока тебе выпоил, малого тебя возрастил! Станешь ты поговоркой у трех верхних колен-родов. У нижних восьми колен-родов посмешищем будешь. Ровесников своих поношением станешь. Скажут: «Басымджи-богатырь отца своего убил!» Тяжелы слезы мои! Тяжелы слова! Много грехов у меня! Черные вины на мне! Убьешь меня, — все мои грехи взвалишь на себя. Твой отец, Эр-Соготох, толковал про свое богатство. Так возьми меня в работники смотреть за конями, за коровами. Гну шею, кланяюсь! Колени сгибая, падаю в ноги!

Басымджи-богатырь поднял абаасы:

— И, вправду, очень пригоден сено косить или рубить дрова. Надо мне взять его в работники.

Абаасы давай кататься-валяться, оборотился ржавобурым быком, с отметиной на лбу, с одним-единственным рогом. На него Басымджи-богатырь вскочил верхом. Треххвостною железною плетью по

спине вытягивая, погнал, прямо на юг пустился. От стремительности его забурлило, заволновалось море; непоколебимая преисподняя, как плывучий островок мха, заколыхалась; гулкое широкое небо задернулось густым дымом. В путь пустился.

Приехал в усадьбу Эр-Соготоха, отца своего.

Ровно озеро, заповедный чан выставили. Вырастили рощу серебристых березок. Вынесли ряды нарядных кожаных бадей. Груды резных заздравных кубков навалили. Пировали пышный кумысный пир, пили кумыс из молока первожеребных кобыл. В правой стороне юрты солового убили, против камелька белого повалили, в левой стороне — черного, у порога — светлосивого, в сенях — рыжеватого. Саврасых на скотном дворе уложили. Подрагивающий парень свежевал, пухлый рубил на части, шустрый в котлах варил. Отец с матерью вышли пир открывать. Сын на ржаво-буром оборотне-быке приехал. На чистом, светлехоньком, таком гладком, что обильного вихрями светлого неба граду не задержаться, на крепком царьдворе, у главного столба коновязи, девятью резными узорами разубранного, быка этого — самого абаасы хотел привязать.

Тут мать взглянула. Пролила крупные, словно богатый жемчуг, слезы. Выплакавшись, слово сказала:

— Ну, вот! Своими двумя, что полный месяц, круглыми ушами вслушайся! Что ясное солнце, глазами зоркими гляди! Ровно озеро, глубоким проницательной головы теменем вникай! В самой глубине златых недр моих, близ заключенного в сумку владыки-сердца моего, дала тебе гнездо, жилье и уют. Десять месяцев, пока, что вода, слабый, не окреп костями, носила я. И, пробившись чрез недра, родился. Молоком груди моей белоснежной вскормлен. Равняла тебя со зрачком глаза своего, с белизною моих зубов. Почитала тебя за отпавший комочек моего заключенного в сумку владыки-сердца. Зачем привел ты его демонов-губителей сына? Или хотел показать: не видела, мол? О чудовище! Как пугалось его мое сердце!

О явный негодяй! Как трепетало перед ним мое тело! Убери, возьми его прочь!

Сын ее вскочил на ржаво-бурого, с отметиной на лбу, быка, отправился прямо на юг. Выехал в черный сушняк, еще никому неведомый, где черный ворон крячет. Соскочил с оборотня. Один глаз выбил оборотню, восемь ребер растоптал, оттоптал ногу, руку выломал, — бросил. Пир месяцу и солнцу! Сказал и развеял. Погиб абаасы.

Назад возвращался, — так бежал, что пыль из-под ног шла по верхушкам лиственниц. Прибыл к отцу и матери.

Девять суток, день и ночь, пировали пир, игры играли без устали. Тут-то женщины плясали! Тут-то силачи боролись! Тут-то скороходы состязались в беге. Тут-то искусники скакали на одной ноге, обгоняли друг друга! Девять суток, день и ночь, словом, пировали, играли. Голодный тут-то наедался! Отощавший тут-то отгуливался. Тут-то, вместо морщин, лоском покрывались лица.

А сын, Басымджи-богатырь, на дворе навзничь лежит, подпершись руками в бока, нога на ногу положивши, в небо смотрит.

Вот отец с матерью выходят, выносят самые лучшие одежды, из отборных мехов серебристых соболей, пятнистой рыси, из прекрасного волчьего меха, из лучших оленьих, из самых крепких лосьих шкур. Но не могут добиться одеть: не одевается сын — и только.

Переглянулись.

— Э! Смотри-ка, друг! В доме абаасы родившись, в уме тронулось наше дитя!—говорили друг другу.— Своенравный какой! — сказали. — Через край гневный человек! — заявили. — Словно сухожилья ему тянет! — заметили. — Словно жилы ему кто трогает! — молвили.

Пошли в дом.

Когда отец с матерью входили в дом, а сын лежал и смотрел, с четырех краев неба надвинулись,

вздымаясь, волокнистые белые облака, а небо распахнулось. На трех молочно-белых конях, с тремя серебряными жезлами, слуги Тойона, три белых парня, сказали:

— Ну, вот! Не для страны, поросшей деревами и травами, родившийся Басымджи-богатырь! Своими чуткими ушами вслушивайся! Что ясное солнце, глазами зоркими гляди! Проницательной головы теменем, ровно озеро глубоким, вникай! Доверенными вестниками прибыли мы. Нарочные послы мы.

«На молочном озере жилье его, что молоко, белое каменное подножье у него, светлым дождем жажду утоляющий Белый-Творец-Тойон, дед твой, говорит.

«Солнце-глаз, каждый мех-грудь золотое переносье, Ясная-Почтенная госпожа, бабка твоя, говорит.

«Властитель рока, Великий-Тойон, дед твой, указывает.

«Небесный жеребец, Хаан-Джергэстэй-жеребец, был отцом его. Хранительницы, тетки твоей, главная кобылица на ее скотном дворе, плотная и приземистая серая кобылица была его матерью. С бурной гривой, с мятущейся челкой, с хвостом, что вихрь, с тремя поперечными метками, неопытного ретивого Джабын-Тугуй молодого коня послали они. Это конь восемью божествами назначенно-посланный.

«Севши верхом на него, поезжай на восток. Материк-страну проедешь, сменится поросшею ветлами долиной. Материк-землю проедешь, тундра пойдет. Взятые припасы кончатся, надетая одежда износится, пока доедешь до той страны.

«У того места, где широкое гулкое небо, как волнистые перья журавля, свисает вниз, а преисподняя, как лыжи тунгуса, поднимается вверх, живет он, Джагалыма-Богатый-Господин именем. У него три красивые вотчины, красивые кони, коровы красивые. Девяти вольным журавлям подобным, сыновей его младшая, родившаяся после восьми, с лебедями схожих, дочерей его; та, что считают зрачком глаз его, белизной зубов его, отвалившимся комочком его заклю-

ченного в сумку владыки-сердца; та, что жиром без мяса вскормлена, без молока сливками вспоена, что питается сердцем и печенью опойка-жеребенка, а пьет топленый жир, та, у которой нитки шелковые, а иглы серебряные, Ясная-Сияющая-Туналынгса по имени — женщина.

«Восемь божеств твоих здесь назначили. Властитель рока твой здесь указал.

«Тебе велено водрузить для лета четыре счастливые жерди с пучками ветвей наверху; установить для зимы восемь крепких опорных столбов, нарядный дом построить, священный огонь зажечь, до старости детей родить, до дряхлости скот водить, быть ночлегом пешему, конному приютом, голодному трапезой. Ниспошли! Даруй! Прости! — говорят.

И ниспустился конь. Басымджи-богатырь вскочил на ноги. С буйной чолкой, с разметавшейся гривой, с хвостом, что вихрь, с тремя поперечными метками, молодой конь его, Джабын-Тугуй, ниспустился.

Схватился за недоуздок — из солнечных был лучей. Поводья были сплетены из лучей месяца, с неба взята узда, потник из мха преисподней, седло — бугор небесный, из уст веяло бурей, и дым из ноздрей курился. Куски горячего железа извергал он, струей для закалки железа мочился. Такой конь! И у крюка седельной луки привешена ловкая, в тридцать пудов, плеть.

Басымджи-богатырь отрубил голову отцову быку Тойон-Тойболуну. Как с зайца, целиком снял с него шкуру. Раньше нагой, нарядился он в бычью шкуру: глаза к глазам пригнал, рот ко рту, уши к ушам. Из задних ног обувь сделал, из передних — рукавицы, из шкуры головы — шапку, из спины — кафтан. Прибежав домой, схватил с крюка висевшие лук и налучье отца, Эр-Соготоха, и пальму его.

— Ему, старому, уже не надо! — сказал и подвязал к боку коня.

Сел на небесный бугор-седло коня своего. С отцом и матерью остановился проститься и слово сказал:

— Ну, вот! О давший жизнь, почтенный господин-батюшка мой! О родимая ясная, почтенная госпожа-матушка моя! Что солнце, ясными глазами зоркими всматривайтесь! Что полный месяц, ушами вашими слушайте! проницательной головы теменем, ровно озеро, глубоким, вникайте! Настал мне час сдружиться с царь-дорогою девяти высот. Отправляюсь я в путь, где близко сойтись придется с царь-путем восьми горных проходов. Еду изведать глубину бродов грозной пучины. Еду восходить на подъемы крутых гор. Еду, чтоб довелось мне установить для лета четыре жерди, с пучками веток на концах, а для зимы — вколотить восемь опорных столбов. Еду построить уютный дом. Еду, чтобы пало на долю мне зажечь священный огонь. Еду, чтобы дала мне судьба родить до старости детей. Водить скот до дряхлости еду. Отец и мать, простите!

Схватил тридцатипудовую плеть, пробивал круп коня, на восток направляя.

Изо рта коня сильной бурей веяло, из ноздрей курился дым. От стремительности его волновалось, бурлило море, крепкие деревья ломались, с вихрем снег стал падать, и лев зарыкал. В путь пустился.

Кончилась материк-страна, сменилась поросшей ветлами долиной. И кончилась материк-земля, тундра пошла.

Ехал он по такой стране, где ямы по глаз человека, выбоины по печень, а кочки по колена. Солнце там наоборот вращалось и вспять восходило. Стояла непроглядная ночь.

Проехал эту страну, выехал по ту ее сторону. Он доехал до того места, где гулкое широкое небо свисает вниз, как перья журавля, а преисподняя загибается вверх, как концы лыж тунгуса; он прибыл во владенья Красивого-Богатого-Тойона, с красивыми конями, с красивыми коровами.

И вот видит он, что солнце здесь никогда не заходит, месяц всегда без ущерба, кукушки никогда не перестают куковать, трава никогда не желтеет, деревья

не валятся, вода не убывает, не улетают гуси, не бросают гнезд журавли.

Бесчисленная птичья тварь, найдя тучное, мягкое гнездовье, блеском кроет ряды нанесенных красивых яиц, а суетливые, хлопотливые звери в крепкой, светлой стоянке выводят потомство.

Тут воздвигнуты громадные конские дворы, извилистые веревки для привязи жеребят протянуты, тесно настроены дымные конские загоны, жмутся друг к другу пропитанные потом коровьи хлевы, раздается ржанье плодовитых кобыл и мычанье молодых коров. Такая страна!

Увидел он, наконец, белый пышный уют Красивого-Богатого-Тойона. Заблистала золотая юрта.

Восьмиразвилистое священное дуб-дерево в пышной красе растет среди угодий. Корни его дотянулись до Ситхи, сучья до моря дошли, ветви до реки Таатты. Кора на нем черненого серебра, белого серебра береста, золотая заболонь на нем, крупного серебра шишки, листового серебра листья. Такое, красуясь, дерево растет.

К подножью его подъехал рысью Басымджи-богатырь, с коня соскочил.

Он зажег такой огонь, как жертвенный костер могучего шамана. И огонь стал пожирать священное дерево-дуб.

Стадного их жеребца, важного Хаан-Джарылык-жеребца блистающего на вертел насадил он. Главную кобылицу скотного двора, приземистую, коренастую, серую их кобылицу на вертел насадил. Племенного быка, Тойон-Тойболун-быка, на вертел насадил. Лучшую из коров, в хлеву непрестанно содержимую, на вертел насадил. И лег он спиною к разведенному им огню.

— Такой человек прибыл! — домашние говорили отцу: — гибельный человек! Восьмиразвилистое священное дерево-дуб наш сжег!

— Э, парни! — сказал отец: — пусть поведает он про свою родную страну. Назовет пусть имя давшего жизнь отца. Вскормившей матери имя скажет. На

прыткой лошади можете доскакать, — имя его поезжайте узнать. Дорогами можно доехать, — славу его разведайте. С голоду помирая, что ли, алчный, он это на еду накинулся? Поезжайте, спросите.

На девять, что молоко, белых коней вскочили девять красавцев-парней. Прибыли к этому человеку. А он, насадив на четыре вертела мяса, два из них поворачивал.

Все девятеро на конях своих, посинев, остолбенели, увидев этого человека. Кругом шагом объехали. И ни одного не нашлось с ним заговорить.

Повернули назад. Приехавши, отпустили на дворе своих коней. Все девятеро рядком сели на правом прилавке. Отец их слово сказал:

— Парни! Что? Расспросили имя отца его? Что, парни? Имя матери его разузнали? Самого его разведали, как зовут? Зачем человек этот прибыл?

— Ах, почтенный государь-батюшка! И черный глаз не видал такого, и плоское ухо не слышало! — говорят: — И не знали мы, абаасы ли это, или человек чистого мира. Не то, что спросить, — не подходили мы близко.

Отец на это сказал:

— Черные собаки! И здесь, и вдали всюду бродите, состязаний да подвигов ищете! Не потомки мои вы, а выродки! Немного дней впереди меня, а далеко ушло, что прожито! Старуха, вели внести ту одежду, что я в молодости надевал.

Старуха велела принести из амбара его одежду.

Накинули на него серебристых соболей доху, пятнистой рыси шапку набекрень надели, лучших волчьих шкур штаны натянули, серебристых соболей задних лапок меха сапожки обули. С двух сторон поддерживали. И нетвердо старик пошел. Но не мог выйти на двор: очень уж тучный был! Жир около сердца душил старика.

— Ну, голубчики! Если одолеет тот человек, пусть одолеет! Если обгонит, пусть себе! Введите меня в дом! — говорит.

На резную новую деревянную лавку, что высилась, как крутой склон каменистой долины, посадили старика. Нет человека, чтоб пошел поговорить с Басымджи-богатырем.

И вот бубенчик коровьего хлева, звонок на палке над яслями, знакомка конюшни, с красной меди глазами, как зимний на ущербе месяц, служанка-старуха, — в кафтане, в девяноста местах прогнившем, из шкуры шелудивого теленка, в корявых штанах, в дыбом стоящих натазниках, в сапогах лыжами, с почерневшей железной лопатой, — такая из хлева вышла. Хватилась руками о левый выступ печи.

— Ну, мать! отец! — сказала. Сто лет исполнилось мне, до помраченья состарилась я. Восьмидесяти лет до изнуренья стара я стала. Три людских века проживши, захирела совсем я. А видела из трех верхних колен-родов и лучших и дрянных. И из нижних восьми колен-родов именитых видела я. Пойду-ка, разведаю. Выспрошу, как зовут давшего ему жизнь отца. Услышу имя матери его, узнаю имя его самого. Ходила я к именитым чужестранцам, — не пойду разве на что бы там ни было?

Побежала вприпрыжку к своему прилавку, отвернула одеяло из восьмидесяти полинялых жеребячьих шкур, половинку ржавых ножниц взяла, заткнула слева за голенище. Из широких сеней выскочила на крепко убитый двор.

Стала кататься-валяться: оборотилась в бурую бесхвостую, безрогую жертвенную корову. Во всю мочь бежала; прибыла к этому человеку.

Не смутилась, не оробела — не то, что те парни. От восьмиразвилистого священного дуб-дерева обуглившийся пень только стоял. На него она положила левую щеку, потерлась. И слово сказала:

— Ну, вот! Наверху есть Грозный-Дородный-Тойон. У него люди спотыкаются, скот пятится назад; чванливый, слышно; холодный дом у него и драчливые парни. Не из тех ли ты? А то еще в непоколебимой преисподней, о семи подпорах, о девяти трубах,

о трех дымоходах, Арсаан-Дуолан-старик хозяйничает и стал там отцом вялых, сонливых восьми колен-родов. Не из того ли ты племени? Или ты из той страны, где валятся отборные деревья, где солнце восходит и заходит, где вода убывает и прибывает, где красуется и блекнет трава, — здесь, в среднем мире, в заповедной земле-государыне произошел ты, родился? Назови давшего тебе жизнь отца! Вскормившей тебя матери имя скажи! Откуда кровь твоя? Чьей утробы ты человек? Поведай про твою родную землю. Я пришла сюда доверенным гонцом, нарочным послом пришла я! Красивый-Богатый-Тойон, о трех красивых урочищах, владеющий красивыми конями и красивыми коровами, господин-отец мой, говорит: разве безвыходно обеднев — на скот позарился, удрученный нуждою — на добро надеясь, пришел он? Или до крайности обнищав — на одежду загляделся, или до смерти отощав — на еду алчный, пришел?

Басымджи-богатырь поднялся и сел. Что уздечные кольца поводьев, круглыми большими глазами повел в ее сторону. И сказал слова:

— Ну, вот! Дева! Старуха! О трех красивых урочищах, с красивыми конями, с красивыми коровами Красивому-Богатому-Тойону доверенным вестником будь, нарочным послом! Отец у меня — Эр-Соготох по имени; он домом жить стал в схватки былых времен, родился в деяния древних лет, вскормлен в смуты старых годов. Мать моя Юрюмэччи-Бабочка-Белая-Красотка-Юкэйдээн называемая женщина; она Медного-Праведного-Тойона дочь, она вскормлена лосиным молоком, костным лося мозгом умащена; у ней стельки — три зеленые травки, коса у нее в три сажени; с трех долин лучшее приносили, холя ее. Оттуда кровь моя! Я же не для края, поросшего деревами и травами, родившийся Басымджи-богатырь. Я из славных стран, путь выспрашивая, прибыл. Из далеких знаменитых земель, имя называя, весть выпытывая, появился. Меня послали восемь божеств и имя назвали. Госпожа-Хранительница, тетка моя, послала

и говорила. Властелин рода, Владыка, дед мой, послал и указал. Ту, что моложе девяти сыновей, вольным журавлям подобных, ту, что родилась позже восьми дочерей, статных, как лебеди; зрачок глаза его, белизну зубов, отпавший комочек владыки-сердца, без мяса жиром одним вскормленную, без молока сливками вспоенную, опойка-жеребенка печенью и сердцем питаемую, с шелковыми нитками, с серебряными иголками, с десятисаженною косою тонкого гладкого серебра, женщину, Ясное-Солнце по имени, дитя его, пришел я взять. Не отдаст, — погашу его священный, важный огонь, разломаю нарядный дом, помрачу светлое небо, развею усадьбу, туманом подниму ее, росой разбрызгаю. Самого его распластаю, усажу на смертного коня, в смертные одежды одену. Даст — возьму, и не даст — тоже возьму. А миром так не уеду.

Корова домой отправилась. На том дворе, где светлого неба, обильного вихрями, граду задержаться негде, каталась она и валялась: опять стала сама собою старуха-служанка. Распахнула гулкую крепкую дверь, что семи человекам не открыть, и стала, опершись о левый выступ камелька, и слово сказала:

— Ну, вот! Почтенный господин, отец мой. Солнце-почтенная госпожа, мать моя! Девять, вольным журавлям подобных, парней — сыновья мои. Восьми статным лебедям подобные девушки — дочери мои! Слушайте! Глаз мой черный еще не видывал такого человека! Плоское ухо не слыхивало! И про родину его я допыталась. И имя его земли выведала. И сказал он мне, кто вскормившая его мать. И свое имя назвал. В смуты старых лет вскормленный, в битвы прежних времен на жилье осевший, говорит: в деяния былых годов рожденный, говорит. Эр-Соготох называемый, говорит человек, — вот его отец. Медного-Праведного-Тойона дочь; Юрюмэччи-Белая-Бабочка-Красотка-Юкэйдээн женщина — вот, говорит, его мать. Я, говорит, Басымджи-богатырь, что родился не для земли, поросшей деревами и травами. Я, говорит, пришел из дальних стран, выспрашивая. Я, говорит, из

знаменитых земель прибыл, имя называл. Восемь божеств моих назначили, говорит; Властитель Рока мой указал; Хранительница моя послала. Я прибыл, говорит, взять дитя ваше, именем Ясное-Солнце. Миром не отъеду я, говорит: даст ли, не даст — возьму, говорит.

Старик сказал:

— Если Властителем Рока указано, — как не отдам?

Набросив доху серебристых соболей, набекрень надевши пятнистой рыси шапку, лучших волчьих шкур штаны натянувши, задних лапок соболей серебристых сапожки обувши, громкоголосый, бородатый, сокол собою, почтенный старик вышел.

От него налево, как снег беловолосая, дородная, почтенная женщина встала: на ней накинута серебристых соболей доха, набекрень пятнистой рыси шапка надвинута, лучших волчьих шкур штаны натянуты, серебристых соболей задних лапок сапожки обуты; с тремя отверстиями узорную гадальную ложку держала; вокруг нее восемьдесят слуг стояло.

Девяти парням наказано было подносить девять резных больших кубков: налили молока первожеребой кобылицы, сдобрили желтым маслом — кусками с утиное яйцо.

Восьми девицам велено подносить восемь увитых гривою кубков: кумыса молодой кобылицы налили, сгустками белых сливок, крупными, как яйцо чайки, сдобрили.

Ясное-Солнце-девушке выйти велели: через платье тело виднеется, через кости — мозг костей. Как войдет она, мрачный дом светлеет, светлый — сияет. Такая девушка!

Басымджи-богатырь увидел ее. Схватил свою тридцатипудовую, цепкую плеть, до крови исхлестал коня, вихрем понесся. Проезжая, схватил Ясное-Солнце-девушку, на коня бросил, помчался прямо на запад.

А старик со старухою говорили промеж себя:

— Да что ж это за беда такая, друг? Да ведь это, друг, прямо на глазах упустили дитя свое?

— Гляди, и слова не скажет человек! — говорили. — Гляди, ни скота, ни кушаньев ему и не надо, — говорили.

Вслед дочери благословляли с такими словами: — Дитя наше! Как доедешь, на лето четыре с пучками веток наверху жерди воздвигни, а на зиму восемь толстых, крепких столбов установи, построй нарядный дом, зажги домашний огонь, просторный, крепкий, конский загон огороди, развесь извилистую веревку, хороших жеребят привязывай, тесно строй едко пахнущие конские дворы и ряды пропитанных потом хлевов для коров воздвигай. Пусть в уюте живут порожденные тобою дети, а водимый тобою скот в оградах стоит. Ниспошли! Даруй! Прости!

Басымджи-богатырь в путь пустился. От стремительности его морская вода вздымалась и бушевала, ледяная метель настала. В путь пустился!

Когда приехал в свою восьмиободную, восьмикрайную зеленую, цветущую землю родную, то там Эр-Соготох, отец его, и почтенная госпожа-мать его вынесли, что озеро, громадный, ясный, белый чан, словно рощу березовую, золотистых березок насадили, нарядные кожаные бадьи в ряд поставили и рядами же поставили увитые гривою кубки, множество резных заздравных кубков грудою наложили. Сиденье покрыли цельною белою конскою шкурою.

Что поле громадный, стол-лабаз выставили, что озера громадных, блестящих серебряных блюд наставили, а на них положили и жиру отборного и толстого сала. В доме на правой стороне серых свалили, в красном углу белых множество положили, на левой стороне черных распластали, у входа буланых разложили; саврасых на скотном дворе уложили.

Пухлый парень рубил на части. Подрагивающий свежевал. Шустрый в котлах варил. Посыльный косноязычный парень гостей созывать отправился.

Поводья приняли, с коня сойти помогли.

Девять дней и ночей великое пиршество пировали. Исхудавший тут жиру нагуливал, отощавший тут

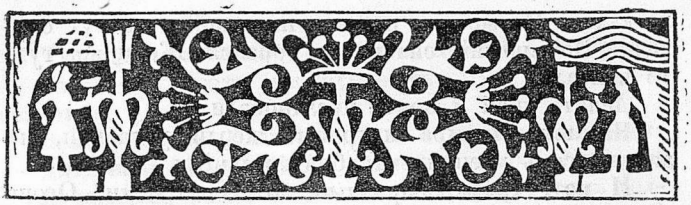
наедался. По меткам скакать на одной ноге тут скакали. Неуклюжий силач тут боролся. Женщина тутто плясала!

Девять дней и ночей праздновали.

На лето четыре махровые жерди уставили, на зиму восемь крепких столбов воздвигли.

И вот, гляди, нарядный дом построили. Огонь домашний, гляди, зажгли. Гляди, конский двор крепкий огородили. Гляди, веревку извилистую повесили. И добрых жеребят водили. Едко пахнущих конских дворов тесно наставили. Пропитанных потом коровьих хлевов рядами настроили. Рожденный ребенок нашел уют. Накормленный скот в ограду стал. Ночлег нашелся для пешего. Конному дали приют. Богато, широко зажили.

Сказкою стала, поздних потомков песнею стала эта страна.



ДВЕ ШАМАНКИ

Были, говорят, две шаманки. Старшую звали с-девятисаженными-косами-Уолумар-шаманка, младшую — с-восьмисаженными-косами-Айгыр-шаманка. Что до земли, где они жили, — ликовали там крылатые, шумели четвероногие, зимы не знали, стояло всегдашнее лето; в такой стране, говорят, они жили. Что до дома, где они жили, — был он с тройным потолком, в девять рядов был у него крепкого дерева пол, в семь слоев лиственничные стены; в стенах — по сорока окон; жаркая-важная печь, что стоячей горой стоймя встала. Печь — крупного камня, с девятью обшивками; как большое озеро, светлый шесток у нее, лежмя-легли закроймы, — пыль к ним не пристанет. В переднем углу сплелись-раскрылись чуланчики, встали резные, задающие загадки скамьи; скрутилась-выросла пятерная узорчатая красная лавка. Навесилась семью большими медвежьими шкурами обитая плотная дверь, порог — крепкого камня, в три обшивки. По воле своей возникшие, встали шумные сени, а в них, по своей мысли выросшие, двери со звонцами, с толстого дерева засовом.

Чем только пожелают, изобильно богатея, жили вдвоем: больше никого у них не было. Как раздуются ноздри, говорят: «Верно, светает»; как глубоко вздох-

нется: «Видно, солнце показалось», скажут. Прямо с подушки нахмурившись, прямо с постели припечалившись, прямо с кровати разгневавшись, — только вскочат, бывало, и бегут умываться черных глубин водою, обмываться лазурных глубин водою; прибегут домой, по своей воле забродившим крепким кумысом глотку освежают, по своей мысли готовым свежим кумысом печаль разгоняют, восьминожный стол поставят, толстым шейным жиром, толстым брюшным наедятся, выбегут, побегут.

Побегут в свое для игр поле; ту березу, что ловить-играть, ловили; ту лиственницу, что пинать-играть, пинали, [1] на то, что подскакивать-играть, высокое дерево подскакивали; на поляне, что прыгать-играть, прыгали; на той лужайке, что на одной ноге скакать-играть, на одной ноге скакали, на сухом лужке, что в зайцы играть, в зайцы играли; на тех каменных горах, что в олени играть, играли в олени. [2] А потом, бывало, домой бежали, вскакивали, кафтаны свои и дохи надевали, пальмы да налучья опоясывали, выбегали. Двух коней своих — именем Щебечущие-Подорожники — звали-приманивали, — и, как тетерев сверху падает на березу, так без промаха на коней верхом прянув, ехали на восток. Ту свою сторону, где впервые в неге свет увидели, где отгулялись-окрепли, тот родимый край, словно дно кожаного меха, объезжали широкою, длинною тропою; ближний лес вершинами долу склонялся, в дальнем листва гулко шумела, трещал дремучий лес, сухостойный ломался, — так неслись они; доскакав до рослого среди земель их священного дуб-дерева — обители духов, трижды его объезжали. Тогда отправлялись домой, соскакивали с коней у коновязи своей о девяти перехватах. Там, где вешают налучья, там вешали луки и налучья; по двору такому, что граду негде удержаться, инею не за что уцепиться, по такому гладкому двору своему, заложив руки за спину, взад и вперед прохаживались; потом, подбоченившись, глядели одна на другую. Да, подбоченившись, говорили, бывало:

Разве нас силач искалечит?
Или имеющий ребра уронит?
Сквозь ресницы глядящий поборет?
Сверху низвергнется — вверх отправим,
Снизу появится — вниз загоним!
Там, где великий шаман родился,
У подножья трех темных деревьев, —
Там колыбель и родина наша.
Те, что машут огромным бубном
И колотушкой, кряхтя, колотят;
Те, у кого голова трясется,
Три души рассыпаются прахом,
Тело отбрасывает три тени, —
Люди земли, урянхайцы, якуты,
Их шаманы и их шаманки, —
Не победят, не сравнятся с нами!
Нас в этот мир спустили, согнали
От владыки вышнего мира,
Спереди косы по грудь висели,
Сзади до пояса ниспадали.
Мы оберпулись в белых кобылок
И спустились в мир этот чистый,
К лесному озеру-колыбели;
Задние ноги разили, как копья;
Крепко били копыта передних.

Так говоря, входили в дом.

Старшая сестра, Уолумар-шаманка, в переднем углу спала, а младшая, Айгыр-шаманка, спала в красном углу.[3] Так легли спать. Кошмар стал давить младшую сестру, и заговорила она:

— Ах, что это? что это? что это?

Сразу вскочила с лавки и села, голая, лишь в натазниках. А старшая сестра, — и раньше не спала, прислушивалась, — лежит да смотрит, подперши щеку рукою. Потом спросила младшую:

— Что это такое с тобою?

На то младшая сестра:

— Ах, тетенька, сказать, что ли? — молвила. — Гляди,

за доброе предзнаменованье сочти! — сказала. И открыла, что ей привиделось.

Грезилось мне, что вдвоем с тобою,
Снилось, что вдаль верхом мы мчимся;
Конь — Щебечущий-Подорожник —
Вскачь под каждой из нас несется.
Снилось, что встали мы у подножья
Восьмиветвистого дерева-дуба
И под священной стоим защитой.
Стоя, слышу страшные звуки:
Завыла с запада грозная буря;
Полосатое облако, вижу,
С запада мчится с мычаньем к дубу;
Вижу — бродячей дырявой тучей
Плач и горе ползут с востока;
С севера облачная громада
С тяжким грохотом подступает,
И пылает облако с юга —
Огне-желтое, словно охра,
Злобно каркая по-вороньи;
Низкое облако над головами
Молоком упруго сочится,
Как тугодойной коровы вымя
И длиннее лесной елани,
Черное облако распростерлось.
Все облака над нами сгрудились.
Вдруг расселось черное с громом,
И к подножью священного дуба
Осьминогой железной кобылой
Пала душа его громовая.
По земле покаталась кобыла
И разродилась яйцом зеленым,
Так — с полстога величиною;
Тут же на восемь частей распалась,
А из этих частей явилась
Верблюжат железных восьмерка
И на восемь небес разлетелась.
А яйцо, рожденное ею,

Чуть подрагивая, лежало.
Тут, мне снилось, ты приступила
И разбила его пальмою.
Из яйца возник абаасы,
Отвратительный и ужасный.
Левый глаз он таращил в небо,
Правым — вниз потупился злобно;
Как селезенка, язык зеленый,
Так — в полторы маховых сажени;
Слизывал тоже зеленые сопли,
Что висели из страшного носа,
Словно худые заячьи шкуры.
Двинул бровями — словно медведи
В драке сцепились друг с другом ногами.
Глазом мигнул — застучали ресницы,
Словно кованые долота.
Капли гноя, так — с куропатку,
Он размазывал тенью — лапой.
Песню запевши, сидел в раздумьи.
«Буяйданым!» — бубнил потихоньку,
«Даяйданым!» — долбил, повторял он.
И, наконец, провещал словами:
«С раннего утра, еще с потемок,
Ехал я, ехал, блуждал, блуждал я.
И, наконец-то, достиг приюта.
Вот уж осяду на ваших землях,
Вот теперь-то войду я в дом ваш,
Вашим огнем-то погрею спину!»

На этом кончила девушка, рассказала сон. Старшая сестра вскочила, села на лавку, достала из чуланчика боевые замшевые натазники, надела, сильно ногами топая, побежала в левую половину дома, отперла замкнутую кладовку, взяла свой бубен, облачилась. Видевшая сон девушка сидела и глядела на старшую сестру в шаманской одежде.

Как чугуны, бились друг о друга, бряцали бубенцы; как кости большой птицы, звенели «сосульки»; словно озеро, сверкал круг на спине кафтана; «стерхи» [4] по-

стерхиному звенели, наплечники ревели, шелковые кисти по коленям бились, канфовые [5] кисти кругом рук оплелись; с звонцами громадный бубен, ровно бык, замычал; колотушка поперек бубна по-волчьи завыла, и зазвенели медные звонцы на нем, ростом с большую лопату. Закружилась, расходилась шаманка, отмахнула передние волосы вверх, уронила на лоб задние волосы и сказала:

— Еще не видал мой всепроницающий глаз, а ты уж увидала, — сказала. — Еще и не слыхало мое чуткое ухо, а ты уж услышала? — сказала.

Пнувши ногою, дверь отворила, вышла, у главного столба коновязи умело стала камлать.

Младшая сестра оделась в свое платье, вышла следом за нею, стала, прислонившись, у двери сеней и думала:

«Как-то поступит старшая моя сестра? Сверху спавших, верно, вверх прогонит, снизу вышедших, видно, вниз спровадит» — так думала.

А Уолумар-шаманка трижды обернулась вихрем. Как нивесть что носилась она, кружилась и заклинала. День стал тьмою: такое черное облако все покрыло; это облако, словно шкуру черного жеребенка, на куски она разорвала; и куски, с черную собаку ростом, разбросала-разметала по свету. Буря настала сильная: глиняные горы ломались, каменные горы валились; с запада пал большой снег; глубиною по горло быстрому коню, задравшему голову, по грудь молодому коню выпал снег; и очень скоро с запада разъяснило, словно распростерлись крылья лебедя; а тогда большая вьюга настала и гололедица; ветер был очень холодный; бегающие звери, скот, — все занесены были снегом; а пернатые не могли летать. Тогда младшая ее сестра, Айгыр-шаманка, глядя на это, заплакала и сказала своей старшей сестре:

— Горе, ах, горе мое! сестра моя! ты же сама знаешь: грезила девчонка, что бессловесней рыбы, яйца тупее! А теперь что ты делаешь? — говорила. — Созданных Белым Творцом пернатых и четвероногих,

землю нашу, желтые наши березы у кумысного меха, глубокий наш кумысный жбан, белые и черные наши стада — почему не пожалеешь? Ах, делай, что знаешь! — так сказала и с плачем вошла в дом.

Тогда та, что камлала, трижды против солнца обернулась; и снег растаял, на их землях заликовали пернатые, зарезвились четвероногие, стало — как раньше. Кончила камлание, в дом вошла. Ни младшая сестра, ни старшая не поминали больше об этом; жили — как раньше.

Вот однажды, по обычаю, обе выехали верхом, осмотрели скот свой и приехали к священному дубу-дереву. Вот приехали, остановились, — и, как видела во сне младшая сестра, Айгыр-шаманка, так как раз и сталось. Так сталось, как видела раньше во сне: пала железная кобыла, породила большое яйцо и улетела, как улетала раньше; порожденное ею осталось. Тогда старшая, Уолумар-шаманка, подошла:

— Это что? — говоря, своей громадной пальмóю яйцо разрезала, и стоят они обе, смотрят.

Вот стоят, смотрят, и, как раз такой, абаасы-демон выскочил и сказал:

— Ой-ой! Недаром вы так славитесь! Должно быть, вы вышли принять поводья моего коня! — сказал он. А потом захлопал в ладоши, расхохотался и сказал: — Девка! Айгыр-шаманка! Ты оставайся на своих землях, в твоем нарядном дому, и никому в обиду не давайся. А мы, я и старшая твоя сестра, вдвоем отправимся в путь, — сказал.

Взял тогда коня Уолумар-шаманки за повод, намотал повод трижды на левую руку, повел коня, а сам пеший пошел на запад. На ходу сказал женщине:

— Про ту страну, откуда я поднялся, про ту страну, откуда нарочно отправился, про высокое мое имя, про славных моих предков расскажу после, на просторе: теперь недосуг. Ну, пойдем: что тут толковать? Далекий путь! — сказал и пошел дальше.

Видя это, Айгыр-шаманка подумала:

«На этом белом свете никогда не думала я, что раз-

лучусь со старшею сестрою. Горе мне! что это сталось со старшей моей сестрою, Уолумар-шаманкою? Ведь просто улететь могла бы, и то бы ушла!»

С этими словами она отпустила коня, тряхнула головой, сбросила шапку, закружилась вихрем. Потом надела шаманскую одежду, в вихре принесла рыжего беломордого жеребца, на желтом с белой вершиной мысу, с тремя перехватами, священный жертвенный столб [6] вколотила, девятисаженную ленту [7] высоко протянула, стала камлать вслед ушедшим и так молила:

Дедушка, светлый Тойон-Владыка!
Самый зоркий из тех, что видят!
Самый чуткий из тех, что слышат!
Не говори про мои заклятья:
«Вот по-птичьи трещит чечетка,
Празднословий пустых певунья,
Чешет красный язык девчонка!
Ну, и смела же — перечить чарам!»
Не говори так, светлый Владыка!
Я — великих велений шаманка!
Вникни в заветные заклинанья!
Вслушайся в силу стенаний скорби!
Глянь на высоко простертую ленту!
Жертвенный столб осени дыханьем!
Разожми схватившую руку!
Дедушка, ты — Владыка наш светлый,
Пали мне в руки твои напасти,
Путь я меняю твоим затеям!

А демон, услышавши эти слова, взглянул на жертвенный столб, потом пугнул жеребца; жеребец убежал, абаасы пошел своею дорогой.

Айгыр-шаманка подумала:

«Обозналась я, невпопад заклинала конем; думала — сверху ниспал: видно, снизу тот абаасы вышел» — подумала так.

Отправилась в путь. Елани кончились — пошла мелкая поросль, сенокосные места кончились — тундра

пошла, вместо земли — овраги, болотца, кочки; в страну, где лягушки с грудного ребенка, — в такую страну прибыла. Туда прибыв, криком вызвала черного беломордого быка, вколотила жертвенный столб, протянула высоко ленту, к столбу привязала быка и опять заклинала абаасы. Зажгла большой костер, девятиободный крепкий котел вскипятила, четырехножный массивный жертвенный столб поставила и стала навстречу ему заклинать:

— Я пригнала тебе ломающего громадное, в горный проход не проходящее, роговое ярмо Бухар-Джолуо, — сказала.

Явился абаасы, быка ее избил и прогнал, и пошел своею дорогой. А Айгыр-шаманка покаталась и, обернувшись быком с одним полуторасаженным крутым рогом на лбу, с восемью в кулак величиною ногами на брюхе, с девятисаженным извилистым хвостом, гибельной гибели быком обернувшись, пошла навстречу абаасы; только лишь тот пришел, — в самую середину печени хватила его своим рогом.

Тогда тот оборотился в такого же точно быка и подставил ей рог; сцепясь рогами, три дня и три ночи бодались они; все деревья совсем истоптали. В это время Айгыр-шаманка увидала старшую сестру: конь ее взобрался на травяную гору и ходит, траву ест, а сама старшая сестра дремлет на коне, покачивается. Увидев это, быком обернувшаяся женщина тут же, где стояла, на том самом месте, оборотилась в длинный железный шест и ушла в землю; потом оборотилась в недобрую железную рыбу и пошла кругом земли: с ртом на шее, с глазами на затылке, нечистые рыбы нижнего мира вверх вынырнули; и вот кругом земли пробежала шаманка. Абаасы на западную сторону побежал — запад накренился, на восточную сторону побежал — восток накренился, на южную сторону побежал — юг накренился, на северную сторону побежал — север накренился; и вот абаасы в нижний мир совсем провалился. Она взяла коня своей старшей сестры за белый его повод и, взяв, привела домой. Привязала коня

к своей коновязи, вошли они в свой дом. Войдя, разговаривали:

— Тетенька, что это сталось с тобою? — сказала Айгыр.

Уолумар-шаманка сказала:

— Совсем ничего не помню, девушка! — сказала.

Поели, как обыкновенно. Когда уж спать собирались, из печки их тот абаасы вышел. Выйдя, сказал:

— Я говорил, что путь далекий, чего же сидишь? — сказал.

С такими словами схватил ее за руку и вывел; выйдя, посадил на коня верхом; за трехсаженный повод, намотав его на руку, повел, пошел. Айгыр-шаманка ничего уж не может поделать: чары ее кончились. Обернулась соколом золотоязыким — граненый клюв, ободки на глазах, откинута шея, цветные лапы, желтые голени, златогранные когти, узорчатые ляжки, хвост дугой, черненого серебра края крыльев; спереди посмотреть — прямым-прямехонек, сбоку посмотреть — статным-статен, сзади посмотреть — спина крутым-круто согнута, — таким-то соколом оборотилась теперь Айгыр-шаманка. Полетела следом за старшей сестрой, под самым небом, над блестяще-белыми облаками вослед сестре полетела. Летит, плачет; заветные слова выговаривая, рыдает.

— На белом свете одинокой остаться не думала я! — говорит. — На божьем свете с старшей сестрой расстаться не думала я! — говорит.

А путь в подземный мир раскрытый стоял; вблизи прохода туда — все деревья в инее, замерзнув, белели; сильная вонь стояла. Сокол назад повернул, домой. А тот абаасы привел женщину верхом на коне и спустился в нижний мир. Поглядела эта женщина на ту сторонку. Видит — такая сторона: пороша там падала ящерицами, грязь — лягушками, град — водолюбами; трава была железная, железные росли деревья. Без всякой пристани на этой стороне, и незаметно взвоза на той, — к берегу вот такого моря прибыли. Глядит женщина: сухие люди в нем за стерлядей, мерзлые —

за щук, дети — за мелкую рыбешку, — такое чудовищное море бурлит; а на том берегу, что темное облако, чернеются черные каменные горы. Как тень худой собаки, вышел железный пес; лает, мотая головой, морду вытягивая. На задней стороне задних гор дух по-кукушечьи закуковал; южной горы дух, как ворон, закаркал; северной горы дух по-лебединому, пронзительно, закричал, передних гор дух заклектал по-орлиному. Будто хозяйка по виду выскочила, огромные тени-руки пальцы за пальцы сцепила, из-под рук смотрит.

— Старичок ты мой! из славной страны, из божьей земли! Палка ломится — длинные стада где? — печалуется: — Веревка рвется — широкие твои гурты где? — пожаловалась. — А старичок не с пустыми руками, — говорит: — из подмышки есть что вынуть, в мешке есть что развязать: с-девятьюсаженными-косами-Уолумар-шаманки Белый-Подорожник-конь, гривы его и хвоста его волос повью я! — говорит. — Золотое ее гнездышко растрясу я! — говорит. — Ее погребальными заповедными одеждами тряхну я! — говорит.

С лошадиную голову бубенчики серьги ее звенели; за пеший дневной переход слышно, — нагрудник ее шумел, расстилаясь; что колечки, кольчуги, сверкающие глаза ее молнией сверкали; что края колокольчика, краснелся рот; длинный язык ее, высунувшись, хлопал из стороны в сторону по щекам; что мягкое огниво, щербатое лицо у ней было; лоб, словно колено; на обоих висках — посмотреть — торчат короткие волосы; накинут на голову колпак с землянку величиною.

Абаасы-старик на это сказал:

— Старуха, в огонь сотвори возлияние!

Страшная вонь пошла. Старик из уха своего вытащил железную трость бросил на море, сделался железный мост; по этому мосту дошли до дома.

Дом его: с лестницею подполье.

Коня за повод подвел он, тянет в подполье; конь ни за что не хотел, уперся, не поддавался. Жена его, ведьма, пугнула сзади коня, но конь ни за что не

слушался, упирался. Женщина, Уолумар-шаманка, наконец, испугавшись, вынула из своего уха пальму, перерубила повод, и улетела на Белом-конь-Подорожнике Уолумар-шаманка. А половина повода осталась в руках у старика, старик полетел в подполье вниз головой. Увидев, что старик упал, ведьма закликала кликушей, заскакала; поскакав-поколдовав, опустилась вслед за стариком: старик на дне подполья лежит, что мертвый.

— Что, старик! что с тобой? — спросила.

Старик ответил:

— Лежу вот, как видишь, — сказал.

Ощупала ведьма старика: полголовы и глаз размозжил себе, руку одну разбил, восемь ребер сломал. Ведьма тогда поплевала на старика, поворожила; стал он без одного глаза, без одной руки — получеловеком стал. Вскочил на свою одну ногу. Ведьма уложила его на его лавку, а сама выбежала из дома и стала кликать детей — девять сыновей и девять дочерей, кликала она по именам:

— Куллуруут-Куличок, Быллырыыт-Бекасик, Эриэчия-Эккячян-Пучеглазенький, Тунгалаим-Белянка моя, Тангалаим-Нёбо мое, Джестэйбэ-Красноглазый мой, Быллтараангкы-Куо-Поперек-себя-шире-девка! — звала.

Ни один не отозвался. Стала она искать детей своих и нашла, — лежат они искрошены. Собрала детей своих, вскочила в дом, показывает старику.

— Вот горе какое над нами! — сказала. — Говорила: не езди в святые улусы! вот не послушал, поехал! — корила она старика.

На то старик сказал:

— Убери! Сама ты ведала, сама и ведай! — сказал.

Ведьма присела и съела...

А Уолумар-шаманка летит на коне; на лету вниз глянула. И видит: на лабазе, оказывается, лежит человек, а под ним развели огонь, и, словно тени, люди стоят, смотрят, громадными тенями неясно маячат. Уолумар-шаманка, как летела, так и дальше летит на свет; и вот прилетает в прекрасную страну. Птицы

там ликовали, четвероногие шумели, белые быстрые кони, что олени, без счета белели; к большому богачу прилетела. Прилетев, спустилась во двор к этому жителю; спустившись, поглядела. Видит — три коновязи, девять столбов у каждой, а у коновязей коню негде протискаться, много коней привязали. Налево стоял красной меди столб: к нему подвела коня и там привязала; привязав, и по шерсти и против шерсти погладила рукою: обернула клячей, вьючным седлом оседланной, с корьем за подседельную подстилку, с тальникового лыка оброть, с веревочными удилами, с задранными кверху концами копыт, с ногами врозь, с узким вдавленным крупом — такою-то лошадью оборотила коня шаманка. И себя оборотила: с жесткими, злыми глазами, красно-меднолицей, с красной меди серьгами, на голове шапка из телячьих камусов, телячьи наголенники, шуба телячья: наперед запахивать — груди не закроет, назад оттянуть — спины не закроет, — такою оборотилась.

Вошла левой дверью сеней и в сенях стала. Стоя, слушает, — и в доме кто-то так говорит:

Буй-буя! Обессилел я.
Песнь, что пою, за порог не идет.
Мольба, что молюсь, не выходит за дверь.
Прибыл сильный, сильнейший шаман.
Звери притихли, птицы шумят;
Над нашим домом стоит беда.
Снимите с меня шаманский наряд!
Вот уж чернеется тень его
На покрытом инеем белом коне —
Вижу! Взоры шаманки — на нас!
Взоры нечистых — в тени ее!
Если только возможно спасти, —
Она умирающего спасет.

Послышался голос хозяина:

— Друг Кыыкыллаан-звонко-тонкоголосый потрудись, попробуй!

И голос хозяйки:

— Кыыкыллаан-надежа, ради сына моего потрудись, пожалуйста! Хоть одну эту ночь покамлай, попробуй!

А шамана голос:

— И людей, и скот, — все погубите.

Тем временем вошла в дом и глянула в красный угол: чудный собою, красавец мечется, бьется. Сбоку печи прижалась, стала: с отвислыми подбородками, звонкоголосые почетнейшие родные кругом сидели; а на левой стороне, раскинув руки, широко расставив ноги, назад откинувшись от дородности, почетнейшие женщины кругом сидели; с тяжелыми пальмами, с гремящими налучьями молодцы-парни стояли и ходили. Глянула на хозяина, — ровно бугор, старик сидит, слегка согнувшись. Ровно широкий холм, хозяйка сидит, голову высоко держит. Одну волчью доху на полу разостлали, одну волчью доху в изголовье положили, одною волчьей дохой укрыли: больной лежит, оказывается; восьмеро парней прекрасных, из здешних домашних, за больным ухаживают.

— Положите же, положите; подымите же, подымите! — просит больной: — ведь я в огне горю, — говорит, — в огне горю!

Услыхав, подумала шаманка:

«Вот человек, что дорогою видела».

С шамана наряд сняли, старик и старуха плакали; такие слова выговаривая, плачут:

— Защищенный-солнцем-и-месяцем-сильный-Кюн-Эрилик! белый свет покинуть задумал ты разве? — говорят.

А шаман сказал:

— Тут же, в вашем доме, есть шаманка; эта шаманка спасет, — сказал.

— А где тут шаманка? — говорили, искали и не нашли.

Хозяйка сказала:

— Девка-кликуша [8] ведь ты, Сырбанг-Татай! Может быть, найдет на тебя наитие: подойди к больному, походи за ним! — сказала.

Девушка не захотела:

— Боюсь я! — сказала.

А тут люди нашли незнакомую, подвели к огню страшно безобразную. Хозяйка попросила:
— Голубушка! поворожи, попробуй, не робей! Подарков вдоволь дам тебе: женскую думушку женщина, небось, понимает; и сухожилий, и веревок и одежды, и ниток, сколько душа пожелает, получишь от меня.

Шаманка сказала:
— Потружусь, попробую, только вы возьмите меня за Защищенного-солнцем-и-месяцем-сильного-Кюн-Эрилика. Буду камлать.

Тогда в левой половине дома сильный стук раздался; послышался рев звонкоголосой женщины: две подруги держали ее, чтоб не помешала, и стала она сильно топать и биться.
— Что это такое? ремнем не охватишь — змея подколодная, подпругой не охватишь — подлая, не вышла замуж да на мужчин зарится, распутница! — так кричала.

А свекровь сердилась.
— Уймись, уймись, уймись! — говорила.

Свекор спросил:
— Кто это? кто это? — сказал.

Свекровь ответила:
— Невестка наша, из ревности ругается! — молвила.
— Ну, девушка, подарков тебе вдоволь, плату твою тотчас отдам: Баай-Харахаан-Тойона имя ужель ты не знаешь, не слыхала разве про богатство мое обильное? Пой, твори заклинания! — сказал хозяин.

Вот под руки привели шаманку, посадили, где сидел шаман, надели на нее шаманский наряд, подали ей бубен. Будто одеяло накинуто — был ей велик шаманский кафтан, а бубен держала — выше ее самой был бубен. Глядели родные, что съехались, потихоньку смеялись:
— И такая-то думает излечить своими заклинаниями, хочет превзойти Кыыкыллаана и, зарясь на подарки, на замужество с Кюн-Эриликом, сидит, камлает! Ну, уж и вид-то!

Вот шаманка — «донг, донг, донг» — ударяет в бубен и начинает зевать: «Ой, ой, ой!» — зычно, пронзительно.

Вот запевает:

Мне единой друзья, из южных улусов, приблизьтесь!
Спутники только мне, абаасы вниз низойдите!
Этот нарядный дом, где я теперь пребываю,
В день, когда я отбуду, украсьте свежей травою.
Горной, восьмиветвистой, обвейте зеленой осокой,
Этот домашний огонь, у которого с пеньем сижу я,
Пусть горит, не колеблясь, подножья его не троньте.
Мне возложите на темя гадальную вещую ложку.
Если позволено мне пробудить умершего к жизни,
Если дано мне вернуть человеку душу живую,—
Переступив через три смеющиеся порога,
На руки душу — прах получить от могучего духа, —
Если будет дано, — откликнитесь, знак подайте!
Вы, с восемью громадными, словно вилы, ногами,
Что растут из груди, — услышьте меня, внемлите!

И как она говорила, прилетели крылатые, стали сновать в доме. Из родных лучшие по лавкам к стенам забились; почетнейшие прижались, где дрова лежали; храбрейшие в хлев бросились. Все, что съехались, подумали:

«Подобной силы шамана никто никогда не видал; никто не слыхал даже. Ужасно! Ох, ужасно!»

С своего места поднялась шаманка и умело камлать стала; завертелась,закружилась, как нивесть что расходилась. Шелковые ее кисти по голеням бились, канфовые ее кисти вокруг рук обвивались, соколы на кафтане въявь кричать стали, гагара въявь загоготала; три раза кругами против солнца вихрем промчалась, стала судьбу вопрошать колотушкою бубна. Колотушка бубна вокруг печи трижды облетела и, как молния, пала на ее темя, на счастливую сторону пала; обитую семью медвежьими шкурами дверь ногою пнула, настежь раскрыла, из сеней дверь с погремушками

пнула ногою, открыла и вышла на двор, где граду негде задержаться, — на такой гладкий чистый двор вышла и смело шаманить стала. Вышли все и смотрели; только хозяин и хозяйка с домашними остались в доме. И вот смотрит народ; она от широко раскинувшегося по двору рогатого скота отогнала темно-бурого теленка-выростка и на облако, величиною с небольшое озеро, прогнала теленка, и сама взошла на облако, стала там и повыше лиственницы, пониже облаков полетела. Сильно дивились люди, страшно изумлялись. И улетела шаманка.

После того все вошли в дом. Хозяин спросил:

— Ну, как ребята? Шаманка что делает?

— Выростка-теленка взогнав на облако, улетела, — ответили.

На это старик:

— А как иначе? Ведь на счастье к нам приходила! — молвил.

Тут зашуршало в трубе камелька; через трубу влетела шаманка, и в руках у нее было что-то величиной с рукавицу.

— Высокоименитый Баай-Харахаан-Тойон, к тебе ниспускавшегося духа болезни изгнала я; три смеющиеся порога перешедши, душу живую сына твоего назад возвратила, прах-душу его на руках принесла. Согласие или отказ скажи мне: ты — знаменитый родовитый человек, я же — великая шаманка, и ты мне дал за порукою слово. Берешь ли меня своей нарядною невесткой? Если возьмешь, вдуну душу живую его; а не сделаешь невесткой, я рассыплю прах-душу его, и тотчас отойдет сын твой. Вели же — душу живую вдуну, с быстрым в беге будет он состязаться, с могучим — бороться, с проворным — играть, и крепко будет сидет на предстоящем ему пиру жизни.

И старик и старуха взмолились:

— Помоги, о, помоги! — говорили.

Тогда лежащему человеку душу его вдунула: Сильный-Кюн-Эрилик вскочил — хлопнула дверь. Кюн-Эрилик назад со двора не пришел.

И дивились этому. Кыыкыллаан-шаман сказал хозяину:

— Друг! я сегодня еду, пораньше мне дайте поесть!

Харахаан-Тойон позвал своих слуг:

— Пойдите, привяжите для этого старика жирного коня, — сказал, — а для сына его, Лучшего-Бэрэт-Бэргэна, привяжите молодого хорошего коня: сам-то он молод.

Хозяйка велела внести в дом целую переднюю конскую ногу с восемью ребрами; наварили громадный котел мяса с жиром в три пальца на брюхе и на бедрах; принесли берестяную лохань масла и растопили, примерно, десять безменов, а в горшке вскипятили сливок. В теле коня для старика привязали, а для Лучшего-Бэрэт-Бэргэна молодого коня привязали. Старику подали яства на стол; мягким да жирным насладился старик, вплотную поел и масла и сливок.

Хозяин сказал, Эльбэс-Тэльбэсу по имени, парню:

— Этого старика в их края проводи.

Кыыкыллаан-шаман выходить собрался. Эльбэс-Тэльбэс отворил ему дверь. Кыыкыллаан-старик еле-еле вышел из сеней; доху свою распахнул старик и присел.

— Эльбэс-Тэльбэс, подойди-ка, подчисти мне сзади!— сказал он.

Эльбэс-Тэльбэс поглядел там и сям: щепки близко не было, а висел конский череп.

— Дедушка, кость ведь это! — сказал.

— Ну, дружочек, подчисти, подчисти! — сказал тот.

Эльбэс-Тэльбэс с костью в руках подошел к нему; стыдно было ему, испугался. В сторону глядя, отвернувшись, стал подбрасывать тою костью. А череп этот до половины ушел в зад старику. Старик упал и лежал, охая. Эльбэс-Тэльбэс вбежал в дом.

— Невиданное увидал я, беда случилась! — сказал.

Лучший-Бэрэт-Бэргэн, сын Кыыкыллаана, услыхав, что отец близок к смерти, выбежал с палкою в руках посмотреть; а сзади отца белеет — будто собака.

«Грызет отца! — подумал и в то же мгновение палкою бросил в то белое: — должно быть, собака вцепилась в зад отцу моему!» — подумал.

Череп разбился в мелкие кусочки. Отец его вскричал:

— Ой, убил, парень! — сказал.

Сын захотел внести его и вбежал в дом.

— Хозяйка, старуха! Нет ли какой старой подстилки? На подстилке надо вносить! — сказал.

Старуха сказала:

— Ох, ты, горе, досада! Отъезжающих, должно быть, за голову прикрутило, а приезжающих за затылок привязало! Девонька, Сырбанг-Татай, вон там на изгороди висит старая подстилка, внеси ее, дай! Да и не старая, пожалуй: недавно лишь волос полез! — сказала.

Девушка вышла, внесла, подала подстилку. Бэрэт-Бэргэн взял подстилку и выбежал. Отца его, укутанного в подстилку, целой толпою на руках внесли в дом и у огня положили. Кыыкыллаан-шаман сказал:

— Здесь эта девчонка-шаманка?

Шаманка сказала:

— Я здесь.

— Спаси, спаси, спаси, голубушка! — сказал старик.

Шаманка спросила:

— Сына твоего, Лучшего-Бэрэт-Бэргэна дашь в мужья?

Кыыкыллаан-шаман сказал:

— Дам, дам, дам! Спаси, спаси, спаси!

Шаманка подошла к нему, села на скамью, взяла три перевязанных гривою тальниковых прута и поколдовала над Кыыкыллаан-шаманом:

— Три года назад умершего к жизни возвращать даровано мне!

На мелкие куски рассыпался череп и выпал на землю. Лучший-Бэрэт-Бэргэн выбежал.

Кыыкыллаан-шаман оправился, сел:

— Хозяйка! дай мне заячью шкурку: зуд страшный!

Старуха сильно рассердилась:

— Ох, детушки! Ну, уж и накладный денек! Сырбанг-Татай, подай-ка мне ту суму! — сказала.

Сырбанг-Татай подала суму, что была в ногах у постели старухи.

— Развяжи, девонька, ремни и завязки! — сказала.

Девушка развязала. А старуха вынула из сумы натазники и в сердцах бросила; они полетели на пол. Была тут, что двухтравый жеребенок, рябая собака, бросилась она на натазники; старуха сейчас же кинулась, отняла у собаки и уложила в суму. Уже осторожно вытащила заячьи шкуры, бросила одну старику. Старик вложил в штаны, встал и оделся. Хозяин, Харахаан, сказал:

— Не обижайся, друг! Не обижайся, друг! Вам с сыном двух коней подарил: уважил, как следует! — сказал. — Эльбэс-Тэльбэс, проводи старика! — сказал.

Жирную конскую шею внесла и подала старуха, берестяную лохань масла принесла старику:

— Вьюк твой, гостинец тебе! — сказала.

Эльбэс-Тэльбэс поехал за проводника. Уехали. Домашние разговаривали, очень рады были:

— Ну, хорошо. Уехали, наконец! — так говорили.

А Лучшего-Бэрэт-Бэргэна, сына шамана, и Сильного-Кюн-Эрилика, хозяйского сына, обоих нет.

— Куда-нибудь заехали, — так решили.

Шаманка сказала хозяйке:

— Тетенька, я сегодня уеду! — молвила.

Хозяйка сказала:

— Зачем ты едешь, дружок? Не езжай, поищи у меня в голове, швы на голове разгладь мне! — говорила.

Послышался голос невестки:

— Пусть едет, проваливает, пусть убирается! — так говорила.

Шаманка сказала:

— Ах, тороплюсь: свари мне поесть. Поевши, небось, поеду.

Старуха немножечко мяса сварила, в горшочке молока вскипятила. Шаманка закусила; когда поела, та внесла и подала ей безмен масла:

— Домой повези, там огню принеси жертву! — сказала. А тогда внесла для нее худую, худую, черную-

пречерную переднюю ногу: — Вот и вьюк тебе! — говорит.

Шаманка отказалась.

— Гадость какая! Дрянь какая-то черная! — так сказала.

— Значит, ты брезгуешь, девонька! — говорит старуха: — а ведь еще с той поры, как зачала я жить своим домом, с той поры коровушки нога это! — сказала: — вся-то сплошь один мозг! — говорит.

Шаманка не взяла; надела худенькую одежду, подошла к левому боку коня, села и со скрипом поехала. А домашние проводили глазами: корьевая подседельная подстилка ее потрескивает, вьючное седло поскрипывает. Смехом проводили:

— Бес какой-то! — говорили между собою.

И ничего им за это не было.

Под сень темной чащи въехав, спрыгнула шаманка с коня, ходила кругом, гладила, и Белый-Подорожник-конь принял свой собственный вид; покаталась сама по земле — приняла свой собственный вид. Надев на себя кафтан и доху, на поясе налучье подвесивши, едет она: скоком скользила, рысью раскачивалась, пускала коня широкою поступью, глубокие следы оставляла.

«Так вот взять, мол, дом мой будет!» — догадываясь, едет.

Темный лес ломала, сухостойный лес мяла; по мысам опознавала, по еланям считала, по падям припоминала; песни пела струйками облаков, песенки напевала дымчатым облаком.

Вот в родной ее стороне звонко закричал орел, заклектал беркут, заворковала горленка, кукушка закуковала; вот домашний дух [9] ее, Диэрдэ-Бахсынат, оборотившись жеребцом, с обротью с погремушками, громко заржал. Тогда младшая ее сестра, Айгыр-шаманка, узнала:

— Ах, это с-девятисаженными-косами-Уолумар-шаманка! Радостная, веселая едет, — вскричала.

В доме, в службах прибрала; воткнула желтые березки у кумысного меха, глубокий кумысный жбан вы-

катила, наложила яства на шестиножных березовых лабазах, рано родившегося опойка-жеребенка мяса наварила, выставила гривой перевязанный большой кумысный кубок, выстроила рядами круговые чары, расположила рядами гривой перевязанные пестрые ложки, желтого масла налила с краями полным-полно. А всюду по лесу, расцветшему молодою густою порослью, мелким березняком украшенному, в берестяных лоханях с обручами полно налила кропильного кислого молока; прокипятив, сквасила и желтым маслом сдобрила за три дня до приезда сестры.

С-девятисаженными-косами-Уолумар-шаманка сама на Белом-коне-Подорожнике примчалась. Айгыр-шаманка поводья приняла, коня привязала; пальцы рук сцепив, стали они друг друга обнимать; в губы до того, что масло проступало, целовались. Шумно одна другую в лицо нюхали; руки одна другой пожимая, одна другую провожая, пошли туда, где выставлен был кумыс. Айгыр-шаманка, младшая сестра, с верхом сдобренный маслом, перевязанный конским волосом кубок, согнув колени, старшей сестре подала. Старшая сестра приняла и, приняв, тоже колени сгибая, сестре подавала. И кубки кумысу вкруговую они пили; и взяли гривою перевязанные пестрые ложки и, черпая из берестяных изукрашенных лоханей, ысыах кропили. [10]
— Даруй, святой род, Белый Создатель! — взывали они: — О дух земли! — воззвав, ысыах кропили.

А все заповеданное свершив, гадальные ложки бросали:
— Нашу судьбу испытаем! — с такими словами бросали.

Брошенные ложки обе на счастливую сторону пали; обе шаманки тогда преисполненный радости клик возгласили:
— Уруй, уруй, уруй! — восклицали.

Наконец, по обычаю, в дом бегом побежали.

В доме у дверей чуланчика, перед задающею загадки лавкою поставили восьминожный стол; как привыкли, мяса отгулявшегося выростка-жеребенка, от

первожеребой кобылы жеребенка мяса наложили грудами на обоих краях лабаза; на стол поставили свежего кумысу в разукрашенных тяжелых кубках; в кумыс налили масла с верхом, с краями полно. С-восьми-саженными-косами-Айгыр-шаманка старшую сестру умоляла:

— Ну же, тетушка моя, тетенька! расскажи мне заветные слова, подробные, откровенные речи молви! — говорила. — Тот абаасы, что нарочно приходил с запада, — как это выпустил тебя, дал ускользнуть? — говорит.

В ответ на это старшая сестра, Уолумар-шаманка, рассказывать стала; что с ней было, подробно все рассказала. А потом сказала младшей сестре:

— Чтоб жить по-людски, не щадила я трудов, девонька! Баай-Хара-Хаанова сына, Сильного-Кюн-Эрилика возьмешь ты, иль увешанного подвесками железными Кыыкыллаан-шамана сына, Лучшего-Бэрэт-Бэргэна, берешь? Я привезла их обоих.

— Тетенька, ты знаешь, — сказала та

Тогда Уолумар-шаманка:

— Умирающего я спасла ведь, Сильного-Кюн-Эрилика, Хара-Хаанова сына. Пусть мой зато будет! Кыыкыллаана-шамана сына, Лучшего-Бэрэт-Бэргэна, я тебе назначаю: без труда, чарами добыла его, тебе назначала. Ты возьми! — сказала.

Уолумар-шаманка, сидя, вытянула руки и засвистала; стала бить себя пальцами по ушам так, что забренчали серьги: выпали, стали на ноги два красавца собою — кряжистые плечи, толстые бедра и руки, длинные голени, сами рослые, крупные, — невозможно сказать, какие молодцы. Выбежали оба из дому, побежали на восток и потом воротились.

— Друг! Сверху ль мы пали, снизу ли вынырнули? Откуда пришли мы, с какой стороны? не знаешь ли, друг? — говорили один другому. — Очаг! Берестяная юрта! Ах, да, и юрта! А женщины — вот это так женщины! — И глаза потупили. — Пойдем-ка! — говорят один другому. — Они вдвоем только? — говорили друг

другу. — Направо от них нет слуг-парней, налево нет служанок, — только вдвоем они, гляди! Чего нам бояться?

Прибежали, вскочили в дом. Старшая сестра, Уолумар-шаманка, встала навстречу, подошла и, взяв за руки Сильного-Кюн-Эрилика, повела, посадила в переднем углу. Айгыр-шаманка — Лучшего-Бэрэт-Бэргэна, за руки взяв, повела, посадила в красном углу.

— Еще непочатый кубок, лучшее, что предложить можем! — с такими словами подали с верхом сдобренного с маслом кумыса в перевязанных волосом больших кубках.

Те выпили со словами:

— Уруй, уруй, уруй!

Приняли кубки шаманки, отнесли и поставили в особенном месте, в левой половине дома. Прямо подойдя, сплели они руки, пальцы в пальцы, с руками мужей; подняли их, поставили на ноги и три раза поцеловались.

— Живите в нашем доме! — сказав, посадили.

Сами рядом сели. Усевшись, разумно на мужей поглядели.

— Вот собственное ваше серебряное гнездо, самая сердцевина ваших земель, вот негу сулящий нарядный дом ваш, вот вам очаг! Создателем-Тойоном благословенная, с-девятьюсаженными-косами, Владыкой-Тойоном созданная, Уолумар-шаманка я. Восемью божествами обетованная, Айгыр-шаманка я. Отведайте трапезы вашей.

И вот задвигались их крепкие кости, заволновалось владыка-сердце, отлетела гордая воля, ослабела сильная мысль. «Рассмотрим, как следует!» — говорили они себе, да в землю смотрели. Вглядеться желая, в огонь глядели. Так оробели.

Наконец, сидя вместе, отужинали. Женщины проворно постели постлали. Оба мужа молодецкой походкой выскочили да, выскочивши на двор, так разговаривали:

— Какие женщины! А дом! А очаг! А богатство!

Наши-то жены-бедняги, с этими если сравнить, и не женщины даже!

Вскочили в дом. Женщины, уже давно постели постлавши, разделись и улеглись. Эти два человека вошли, возле спального отделения разделись, легли с женами, полюбились, поиграли, тесно прижавшись, уснули.

Раздулись их ноздри — «верно, брезжится», мол; глубоко вздохнулось — «видно, солнце взошло», мол; встать захотели. Сильный пот по хребту пошел, крупный пот на спине и в плечах выступил, до того обнимались они. Встать захотели, да пристали друг к дружке и, отставая, как береста, шуршали. Оба мужчины, вскочивши, оделись, выскочили бегом на двор, едва дом заперли. Обе женщины, еще быстрее одевшись, побежали с мужьями к воде, лазурных глубин водою омылись, и все вчетвером побежали оттуда, прибежали домой.

Две женщины в серебряных кубках крепкий кумыс мужьям подали, рядом с ними сели. Вкруговую пили, горло свое поправляли, спины выпрямляли. Толстый шейный жир грудами клали; толстое брюшное сало против себя нагромождали. Муж жене, жена мужу пододвигая, друг друга угощая, наслаждались. Густые сливки пили из одной посуды, одною ложкой. Поев, побежали вместе к выходу. Пальмы их и налучья висеть остались.

А они все вчетвером побежали на восток. Березою играли, ловя руками; лиственницею в пинки ногами играли. У высокого дерева, где в прыжки игра была, — в прыжки играли. На той чистой лужайке, где в скачки игра была, — скакали. На той поляне, что для прыганья на одной ноге, — на одной ноге прыгали. На том поле, что для игры в зайца, — в зайца играли. На той каменной горе, что для игры в оленей, — в оленей играли. Сбежав оттуда, домой примчались. Подбоченясь, статные стояли; отставив ногу, прямые, высокие стояли.

С восьмиразвилистой для луков и налучий вешалки женщины пальмы и налучья сняли, мужьям своим

подали. Мужья пальмы и налучья за пояс взяли. А тогда две женщины позвали коней своих так:
— Хорук, хорук, хорук! — манили.

Называемые Щебечущие-Белые-Подорожники, кони их, оба пришли. Эти две женщины двум коням своим так заповедали:
— Нарочный твой господин, верный твой хозяин, назначенный твой спутник от богов Благословенный-Сильный-Кюн-Эрилик! — сказала Уолумар-шаманка.

И Лучшего-Бэрэт-Бэргэна жена, Айгыр-шаманка, подобно тому сказала:
— Мы, словно дно берестяной бадьи, объезжаем кругом землю, осматриваем, сгоняя в стадо каждый день коней и рогатый скот, кругом нашего божественного дуб-дерева окружаем и, приняв благословение от духа нашей отчины, возвращаемся, — сказали.

Мужчины, вскочив на коней, уехали. Женщины, теперь уж по дому хозяйки, вошли в дом.

Мужчины, как женщины им указали, словно дно берестяной бадьи, землю объехали, коней и скот осмотрели, вокруг божественного дуб-дерева окружили: «вот мы благословение приняли!»

Примчались в заповеданный нарядный свой дом, коней пустили, пальмы и налучья на вешалку повесили, в дом вскочили. Узнав теперь свою собственность, радовались: «наше собственное!» — думали. Кафтаны и дохи повесили.

Женщины по обычаю еду и стол приготовили. Сели мужья рядом с женами.
— Рассказывай, друг! Кони твои, рогатый твой скот как? Благополучно ли? Земли твои каковы? — спрашивали жены мужей.

На это муж жене отвечал:
— Прекрасная страна! Здесь птица возликовала, гам подняли звери, богиня родов низошла,[11] Джесегей[12] явилась, Ийехсит обернулась сюда. Это дверь божественного, царственного пути — такова эта страна. Без зим ясное лето, благоуханная, прекрасноликая — такова эта прекрасная страна. Здесь однокопытные не спо-

тыкаются, не расходятся раздельнокопытные. Они трутся вплотную голыми боками, задевают друг друга мохнатыми коленями. Стадами ходят никогда не знавшие оброти, вместе собрались резвые. По северным склонам жеребята пасутся, по лугам полно телят. С серебряными планками на мордах вольно плодятся, в медных намордниках полновыменные размножаются — чем только пожелаешь, богатая и несметно изобильная, — вот какова эта страна!

Они ставили ее в десять раз лучше своей. Поговоривши так, радовались все вместе. Закусили, поели, как обыкновенно, и, сидя рядом, пили вкруговую свежий кумыс в большой круговой чаше.

По обычаю, встали, пошли на двор, а женщины опять, постели постлавши, раздевшись, легли. И мужчины разделись на загадывающих загадки скамьях.

Рано утром, как раздулись ноздри: «Брезжится, должно быть!», как глубоко вздохнулось: «Встает солнце, видно!» — так говоря себе, лежали они, обнявшись. Сильный пот лился по хребту, по спине между плеч выступал крупный пот. Оба вскочили, сели, поели, как всегда. И три дня так мужчины уезжали и приезжали.

Через три дня женщины за собою примечают: живот, как миска, что-то в нем появилось; соски почернели.

Мужья в жен вглядываются: меняться в цвете стали скулы; ясные лица потемнели; к носу, ко лбу кровь то прильет, то отхлынет; тонок стал подбородок; понежнели пальцы, кулаки стали маленькие, руки тонкие. Печальны стали, вяли и худели, и вставали и садились потихоньку.

Мужья и то подумали: «Беременны, должно быть!»

И сами мужчины опечалились и жалели жен: «Что это с ними сталось?» И обед готовить, и постели убирать мужчины помогать стали.

Через семь дней после того заметно стали мучиться женщины, на девятый день совсем ослабели, на десятый уж и не вставали. На одиннадцатый пришло время родов.

— Дружочек! — говорит жена мужу: — ну, чего же ты смотришь? На западе, в той березовой роще, что похожа, будто идут толпою знатные женщины, — там сруби развилистую березу, сломи-принеси кривую березу. Вколотивши колья, перекладину ту на них положи. Постели зеленой осоки.

Муж приготовил это. Женщина села на ту траву.

— Ой-ой! ай-ай! — громко кричала: — и в ногтях отдается, и руки ломит! Ой, виски мои, виски! Спина моя, поясница! Как больно! Восемь костей моих разошлись, должно! К печени подступает! Разве что держит? Девонька! Айгыр-шаманка, попытайся, скажи что-нибудь!

Младшая ее сестра говорит:

— Ты хоть сказала, а мне невмочь.

Уолумар-шаманка:

— Ох, как напирает! Как напирает! Ой, какая боль внизу, какая боль внизу! Дружочек! Сильный-Кюн-Эрилик! Отвори поскорее дверь!

Муж ее быстро открыл дверь. Уолумар-шаманка сказала:

Услышь! Даруй! Создательница!
Двуслойного неба жительница!
Ровная-речка-раскрытая,
Сизая-дымка-защитница,
Мужу — дар плодородия,
Жене — облегченье мук родовых,
С верхнего неба несущая!
Ийехсит, владычица!
Богиня родов, государыня!
Удали напасти, чары рассей,
На счастье дитяти невинного!
Склонись с узорного облака,
Рысью доху раскрой свою,
Бобровую шапку подвинь свою,
Четыре пуговицы расстегни!
Колени белые обнажи!
Сойди ко мне государыня!

На ложе моем в ногах присядь!
Покатайся на белом моем — приди!
Поваляйся на пышном моем — войди!
Богиня родов, государыня!

И вот царственного вида женщина явно пришла, на прилавке стала кататься, склонила руки и в ладони дитя приняла. У младшей сестры, Айгыр-шаманки, также дитя приняла.

Два сына родилось одновременно. Два ребенка в одно время упали так грузно, что земля загудела. Поглядев на потолок, заплакали так гулко, что глина осыпаться стала. Потом оба на ноги вскочили. Тогда отцы их за кудрявые волосы схватили и ничком положили, а матери умыли их. Отцы, с трудом повалив, завернули в шкуры лося-самца, длинною веревкою увязали.

Оба мужчины выбежали, двух белых жеребят убили, потом на прилавках две жеребячьи шкуры постлали для богини родов. Богиня родов по-очереди — у той и другой — на прилавках каталась. Сильно вспотела богиня родов, умащенная маслом. И, все смеясь, все смеясь,[13] три ночи тут провела. Через три ночи богиня родов благословенье сказала и детям имя дала:

— Сильного-Кюн-Эрилика ребенок пусть будет Кюлюктэй-Бэргэн, Лучшего-Бэрэт-Бэргэна ребенок пусть будет Бэрбээкэй-Бэргэн. Имеющий суставы пусть не калечит! Имеющий ребра не валит наземь! Камень будь вам посохом, лиственница опорой! Длиннорукий пусть не тянет руки, со дна вовек не достанет!

После благословения вышла. На глазах хозяев вскочила на узорчатое облако и на восток улетела.

Тогда женщины, омывшись, причесавшись, одежду детям своим приготовивши, одели их. Ох, невозможно красивые, молодцы собою стали ребята!

Отцы выводили их играть на поле, а сами следом ходили, стерегли, караулили. Если же не стеречь, они и нивесть куда ушли бы — такова была их прыть. Вечером, введя их в дом, к угловому столбу привязывали.

Четыре дня спустя, с-восьмисаженными-косами-Айгыр-шаманка прежде виденный сон увидала и рассказала. Как рассказала, на всех страх напал. Уолумар-шаманка взяла бубен и одежду. На двор вышедши, смело зашаманила. Держа в руках всклокоченный хвост жеребца, как шаманское опахало, машет она им и молит:

Девять светлых моих улусов,
Восемь чистых колен, явитесь!
Огненноглазые пусть не смотрят,
Грязноязыкие пусть не скажут,
Те, от которых черные тени, —
Нашу тень не заметят при солнце,
Через нее шагнуть не посмеют!
Мы окружимся белой оградой,
Крепкой серебряною стеною!

Сказавши так, вошла в дом и мужьям сказала: — Сильный-Кюн-Эрилик, Лучший-Бэрэт-Бэргэн! Ой, берегитесь, ждите, караульте! Я детей из дому не выпущу.

Схвативши пальмы и налучья, выбежали мужчины, прибежали к своему священному дуб-дереву. И, как снилось Айгыр-шаманке, так и сталось. С запада словно елань-поле, черное облако прилетело, долетело до божественного дуб-дерева и разбилось надвое. Восьминогая, двухголовая, двухххвостая, с восемью сосками, железная кобыла к подножью священного дуб-дерева пала, с полстога зеленое яйцо породила, на восемь частей распалась и, в восемь железных верблюжат оборотившись, в восемь концов неба разлетелась.

Смотрят оба: ни ветра, ни облаков, ничего нет. Яйцо, раздувшись, лопнуло. Внутри оказался человек страшного вида, с короткими взъерошенными волосами, с раскрытым ртом, редкозубый. Глаза его, что большая прорубь на озере, лоб вперед упал, с опрокинутыми бровями, как глыба земли — лицо. На нем

львиной шкуры воротник, рубаха из обреченной шкуры, голодного года шкуры штаны, жертвенной шкуры торбаса, натазники из листового железа, закаленного железа кафтан. Он сидел, подбоченившись, ноги по-господски положивши. Не говорит, не шевелится, сидит. Тогда оба подошли ближе к нему:

Вот! вот! вот! Скажи по-якутски,
По-урянхайски веди беседу,
Молви нам слово по-человечьи!
Мы — именитые, славные люди!
Ты к нам пришел переведаться силой
С высей верхнего чистого неба,
Иль из нижнего мира вышел,
Или прибыл из среднего света?
Дай услышать заветное слово,
Все сердечно, подробно поведай!
Не серди необузданных, гневных,
Вспыльчивых не выводи из терпенья!
Успокой нас твоим рассказом!
Ну, рассказывай! Ну же, ну же!

С пальмами наперевес ближе подошли. Нет! не обращает внимания, не двигается, не говорит.

— Сделаем тебя сытью пальмы, острого копья краской! Недобром теперь уж пошло! Разрубим на части! Ну же, ну же, ну же! — громким голосом кричат они: — говори, говори, говори!

Нет, не говорит. Стали рубить пальмами. Все по-прежнему подбоченившись, вскочил на ноги, ни разу не дал попасть, увертывался. Искрошили темный лес, изломали сухостойный, в кашу иссекли сырой лес, а тот все не дает попасть, все уходит.

Из сил выбились оба, задыхаются-стоят. А тот схоронился за лиственницею, с обеих сторон лиственницы глаза его виднеются, и все норовит увернуться, туда-сюда отпрядывает. Пропала прыть их, ослабли силы, — после тщетных усилий сказали:

— Как имя отца твоего? Как твоей матери имя,

скажи! Про ту защиту-страну, откуда ты прибыл, поведай! Разве ты немой, негодяй?

Тот, с обоих боков лиственницы выглядывая, все настороже, зубы оскалив, заплакал очень громко — так, что гул пошел по вершинам дерев. Струею текли его слезы.

— Испугался я! Испугался! Испугался! — говорит: — оробел, оробел, оробел! Горюшко, горюшко! Чистая, небесная моя страна! Светлого Владыки моего, батюшки, Светлой Государыни моей, матушки, послушался, послушался, послушался! «Государыням старшим сестрам твоим сено коси, дрова руби, коней смотри, за скотом ходи, детей их няньчи!» — велено мне. Испугался я, испугался, испугался! Пальмóю погнали, копьем оттолкнули, саблею гнали... Я ухожу, вы остаетесь... Сообщу Светлому Господину, отцу моему, Светлой Госпоже, матери моей, расскажу, по святым улусам, по народу моему, распространю! — сказал.

Эти люди:

— Вот те на! Чего же ты не рассказал тебе заповеданного, чего не сказал о данном тебе поручении? Иди, пойдем!

— Не пойду! Испугался я!

— Э, иди! пойдем! — сказали.

— Не пойду! — говорит.

Эти двое домой поспешили, побежали. А тот уж дверь давно распахнул. В дом вошедши, сняв одежду, хотели пальмы́ повесить, а тот уж обеими руками схватил и повесил. С-девятисаженными-косами-Уолумар-шаманка сказала:

— Тьфу, ты, нечистый! Какого это губителя вы добыли? Кто ты, друг?

Пришедший сказал:

— Я — Суодалба.

Шаманка снова спросила:

— Кто я, — говорит он, — ребята?

На то Суодалба сказал:

— Я — Суодалба, я — Суодалба!

Хозяйские дети верхом на скамьях кругом печи

в лошадки играли. Увидевши это, стал Суодалба на четвереньки.

— Ая, ая, ая! — по-лошадиному заржал и на четвереньках кругом печи побежал, сильно топая.

Глядя на это, оба ребенка сильно смеялись, подскочили к нему и сели верхом на Суодалбу. Вот кругом печи неуклюже, грузно бегает. Дети сильнее радуются. Из волос его поводья сделали, а Суодалба кругом печи бегает. В доме пыль столбом, а он не устает, не унимается, бегает. Они со стола, где грудами лежало сало, мясо, по пути хватают, своей лошади в рот кладут, тот ртом подхватывает, ест и дальше бежит, стуча руками и ногами. Открыл дверь Сильный-Кюн-Эрилик, выбежал Суодалба и в поле стал бегать. Тогда мужья рассказали женам, что им открыл Суодалба. Жены не спорили, были довольны, поверили. И каждый день дети их вольно гуляли на поле. А хозяева, как и раньше, хорошо поживали.

Дети стали большими: окрепли спины и руки, и ноги. Как бы с крепким побороться, с быстрым в беге посостязаться, с врагом в смертный бой вступить бы — могучая мысль возникла. А дядя их, Суодалба, хоть так они выросли, носит их, как детей, на руках. И дни и ночи вольно ходят они, и домашние не боятся и спят на всей своей воле.

Только однажды, еще не светало, ранним утром дети, слышно, вскочили с грохотом в дом. И вот оба сына отцам и матерям своим слово сказали. Раньше те и не слыхали такого голоса. Так они зычно пели: потолок дома вспучило.

Мы отправляемся, вы остаетесь.
На восходе летнего солнца
Остров есть, отдельное поле.
Там Джагалын-Баай-Тойон хозяин,
Крапчатомордных коней владыка.
А на добрый угон оттуда,
На острову, на отдельном поле,
Есть Томороон-Баай-Тойон хозяин,

Жеребцов чубарых владелец.
У него недобрые гости:
Буура-Дохсун, сын Грозного-Грома,
Свататься к дочке хозяина прибыл
И поселился у Томороона.
Там и сваты, взятые с неба.
Сокол-Хаарджыт, Кытыгырас-Баранча,
Те, что прибыли с Буура-Дохсуном.
Также привел он с собою девицу,
Кыбый-Эрэмэх, нисшедшую с неба.
А с востока пришел на помощь
Славный Эр-Соготох-Одинокий.

Хозяин и хозяйка лежат и слушают:
— Суодалба, не ты ль рассказал это?
— Я не рассказывал, — отозвался тот.
Тогда сыновья сказали:
— Дайте нам большие ваши пальмы, гремящие налучья, и коней-Щебечущих-Подорожников дайте, благословением проводите.
Отцы их и матери сказали:
— Где у вас запасы на трудные девять излучин дороги, на тяжелые восемь изгибов пути? Вам придется творить возлияние духу перевала,[14] нужно будет вешать подарки. Подождите, оглядитесь! В счастливый день, в нарожденье месяца, приготовивши запасы на дорогу, убивши крупных и грудастых, проводим вас: запасем и бескровного жира, и без примеси воды шитья — желтого масла. Подождите, осмотритесь!
— Вы останетесь, мы уходим! — сказавши, выбежали. — Если съездим благополучно, если будет удача и счастье, — через три месяца мы вернемся! — послышались в доме их голоса.

Криком приманили лошадей, и пришли оба Подорожника-кони. Сели. Сильный-Кюн-Эрилик и Лучший-Бэрэт-Бэргэн, оба выбежав, смотрели на их отъезд. Суодалба следом за ними бежит.
— Суодалба! пеший идешь ты? Как тебе угнаться за этими конями?

Нет, не слушает.

Семихвостой, кроеного серебра, плетью так размахивали, что верховьев семи речек достигала. Выступами, пускались размашисто, красу и стать показывая, ближнего леса вершины до земли склоняя. Гудели вершины дальнего леса; вихрь от хвостов подымался, от грив непогода, от крупов ветер волшебный стоял. Такой шум подымали путем-дорогою. Выступил вечер весеннего дня, пришла прохладная ночь. На холме сделали привал.

Подошел Суодалба, коней привязал, развел яркий костер. Седла их в изголовье положил, подстилки им разостлал. Принес им красного лося-самца, что убил дорогою.

— Большого да грудастого свалил я детям моим! — сказал. Голову отрубил. Отдельно огонь развел и сказал: — Прежде всего — голову Баянаю. — Сказавши так, в огонь бросил.

Разрубил на части, светлые кости вытащил, восемь частей расчлененной туши господам своим дал. Те, обглодав позвонки, светлый мозг высосали. На рожнах он мясо изжарил. Господам своим рожны подал, стоймя перед ними воткнул их. Они вверх резали, во рты себе клали.

— Спите! — сказал. И они заснули.

Настала ночь. Как темная ночь настала, в дохе черного оленя, густого темного леса дух, Богатый-Барылаах-Баянай пришел на то место, где сожжена была голова; сел, тяжело дыша.

— Богата удача, обильное счастье! Ха, ха, ха! — смеялся он так, что катилось по вершинам дерев: — Пожалеет вас страна, где едете вы; благословит вас страна, куда прибудете вы!

Так сказавши, скрылся.

Утром юноши проснулись, взглянули на Суодалбу: он сырое ест, а варево, на огне помешивая, уплетает. Оба вскочили, побежали, в речке умылись, назад прибежали на свою стоянку. Он коней оседлал уж. Отвязал повода, господ подсадил на коней. Трогаясь в

путь, взглянули назад. Видят: четыре лапы медвежьи и голову на развилистое дерево повесил.

Едут. От хвостов коней их вихрь веял, от гривы непогода вздымалась, от крупов волшебный ветер вставал.

Так путешествуя, прибыли к хозяину восьмидесяти с крапинами на мордах жеребцов — к Джагалын-Баай-Тойону.

Джагалын-Баай-Тойона слуги поводья приняли, дверь открыли, почетное сиденье положили. Суодалба, вошедши, столбом стал у двери.

Джагалын-Баай-Тойон, на костыль грудью опираясь, сидел, глядел на них разумно большими, что у коня, глазами:

— Буя, буя, буя! — громко начал он: — откуда по крови вы, чьей утробы, каких родов урянхайцы? Расскажите по порядку! Род ваш поведайте! Откуда выехали, про ту защиту-страну вашу подробно мне расскажите!

Эти двое, как спрашивал старик, так ему рассказали про отцов своих, про матерей, про богоданное рождение свое. А, кончив, сказали:

— Хозяин восьмидесяти с крапинами на морде жеребцов, Джагалын-Баай-Тойон! К тебе, высокоименитому, славному, нарочно, трудный путь пройдя, прибыли мы! На лоне лежать достойной жены не имея, на постели лежать равной жены не зная, прибыли мы свататься к дочке твоей, Нарын-Нюргустай-Отменно-Нежная называемой! Даешь или не даешь?

Жена Джагалын-Баай-Тойона, Джагалыма-Баай-Хотун, родовитая старуха, с широко расставленными ногами, с раскинутыми руками, — жир на брюхе назад ее откидывает, жир на спине пригибает, — ясными очами на них глянула:

— Айталын-Куо, дочь наша, шитья не знает, работать не выучена, кушанье даже готовить не приучена; она привыкла к неге, в холе выросла. Невинное дитя, бедненькая! Если полюбится, — вам не дать, кому же и дать? Вы — отрасль почтенных родов, сыны великих

улусов, вижу я. Девушки! Приведите дитя наше. Слугами сопровождаемую, служанками окруженную, приведите ее ко мне.

Привели, подняв с узорчатого прилавка. Подойдя, прильнула к матери. Мать тоже встала, прижимая к себе дочь. Кругом стали слуги. Мать, приподняв рысью [15] шапку дочери, дала поглядеть на нее.

Когда взглянул Бэрбээкэй-Бэргэн, заходили его крепкие кости, сердце в грудь толкнуло. Увидевши эту женщину, пожелал он ее. Потом сказал:

— Если с благословением вашим дадите ее, — возьму!

Ясными, как у рыси, глазами, на того человека глянула; повела своими бровями, что черные соболи, друг против дружки положенные; сжала губы свои и зубы, к лицу ее кровь прилила, зарумянились скулы, залоснились щеки, струею полился по носу пот, крепкие кости ее заходили, вся дрожала она.

Старуха губами дочери уха коснулась:

— Голубушка! за этого человека пойдешь ли? Ты должна сказать!

Девушка сильно смутилась.

— Пойду! — ответила матери.

— Дочь моя «пойду!» сказала, — возвестила старуха.

Старик вознес моление:

— Уруй, туску, туску! — вскричав громогласно.

Старуха, ликуя, твердила негромко, горловым голосом:

— Даруй! Даруй! Даруй!

Тогда старик:

— Ребята! что ж вы глазеете? Пойдите, убейте скотину!

Волосом увитые, полно сдобренные маслом, кумысом налитые три кубка, — трое слуг к огню воздымали, а потом повернулись и, трижды низко, колени сгибая, поклонясь, предложили. Господин отец их, Джагалын-Баай-Тойон, быстро успел благословить:

— Сливки кубка, непочатое, благословеннейшее! — А потом сказал: — За вами велю вести волнистогривых и прямороги погнать!

Затем негромко ликующую песнь запел и радостно взывал. И трое гостей выпили три кубка кумыса. Те трое слуг, что подавали кубки, подошли и взяли кубки, а навстречу опять, низко, колени сгибая, кланяясь, новые трое подали. В третий раз опять поднесли трое других. Выпив, гости, все трое, вскричали:
— Уруй, уруй, уруй!

Потом эти два знатных юноши стали одеваться. Главный из них, Сильного-Кюн-Эрилика сын, Кюлюктэй-Бэргэн, подошел к хозяину, стал, ногу отставивши, и самым громким голосом воспел:

Буя, буя! Смотри на восток!
На отдаленном острове
Есть такой Тойон-Томороон.
У него девяносто чубарых жеребцов,
У него есть дочь Туярыма-Куо-
С-девятисаженными-косами,
К нему, именитому, знатному,
С широкого неба спустился гость,
Низшел Буура-Дохсун-богатырь;
С ним низошли сваты его:
Сокол-Хаарджыт, Кытыгырас-Баранча,
Да еще Сюдюё-богатырь.
А с востока славный Эр-Соготох.
И говорят, что Буура-Дохсун
Небесную девку с собой привел,
Ее зовут Кыбый-Эрэмэх,
Парни, которые с ним пришли,
Девяносто раз превращаются;
Девки, которых с собой низвел,
Знают восемьдесят волшебств;
Все они к Томороону пришли,
За дочкой его, Туярыма-Куо-
С-девятисаженными-косами.
Буура-Дохсун ее в жены берет.
А у тебя, Джагалын-Баай-Тойон,
Отменно-Нежную дочку твою
Кытыгырас-Баранча мимоходом берет,

Хочет попутно жениться на ней,
Опустошив владенья твои,
Скот отогнав, народ разогнав.
Вот я, услышав это, пришел.
Силой померяться с ними хочу,
Грудью сшибиться не терпится мне!
Будет наградою мне жена,
Девушка Туярыма-Куо-
С-девятисаженными-косами.
Брат мой младший, Бэрбээкэй-Бэргэн,
Если счастье будет за нас
И одолеет наша судьба, —
Нежную дочь твою он возьмет.

— Счастье!—сказал Джагалын-Баай-Тойон.—Удача!— и проводил их благословениями.

Вот они сели на Подорожников-Белых-Коней своих и устремились на восток. От хвостов Коней-Подорожников вихрь взвеял, от грив непогода настала, от крупов волшебный ветер. С великим шумом отправились. На дворе стоявшие слуги, глядя, дивились:

— Э! страшные люди едут, ребятушки! Наверное, одолеют! — говорили.

— Други! А тот товарищ-то их пешком идет, пешком пошел, пешком пошел! — говорили они все вместе: — Он когда же дойдет, поможет? По всему видно, поесть норовит, затем и идет!

Так уехали.

Слуги, войдя в дом, рассказывали:

— Ну, видели мы, с шумом-то каким отъехали! Хвосты коней их — вихрь, гривы — непогода, крупы — волшебный ветер. Ближнего леса вершины к земле клоня, по вершинам дальнего леса гулко гремя, отъезжали. А товарищ прямо пеший за ними бежит! Просто, должно, попировать с ними пошел!

На то хозяин:

— Э! да что знаете вы-то? Богатырь он, должно быть! — сказал.

Прискакали, примчались к Томороон-Баай-Тойону.

Слуги поводья приняли, дверь отворили, стол поставили, почетное положили сиденье. Томороон Баай-Тойон грудью на трость оперся.

— Чьей вы крови, чьей утробы, каких вы родов урянхайцы? Поведайте по порядку! Род ваш не скрывайте! Расскажите про вашу родину, откуда явились!

Отвечал Кюлюктэй-Бэргэн:

— Властелин девяноста чубарых жеребцов, Томороон-Баай-Тойон! К тебе, высокоименитому, за дочь твою, с-девятисаженными-косами, за Туярыма-Куо, свататься я приехал. Даешь или не даешь? Согласие или отказ?— скажи!

Старик взглянул на него сердитыми глазами. Посмотревши, сказал:

— Ту же лучшую воду среднего света мы пили, ту же красу трав ели! Дал бы я, — и слезно заплакал: — да с южного неба Грозного Грома сын, Буура-Дохсун, Кытыгырас-Баранча и Хаарджыт-Сокол девять дней уж как сватов послали! Завтра сами прибудут. А из восточной стороны Эрэйдээх-Буруйдаах-Эр-Соготох прибыл, живет. Опоздал ты! — говорит.

Они остались ночевать как ночлежники. В трех кубках, по обычаю, три служителя, трижды низко кланяясь, колени подгибая, кумысу подали. Старик сказал:

— Сливки кубка, непочатое!

Второй раз уж не подали.

Убили трех яловых кобылиц, восьминожный стол поставили, положили на него все целиком мясо трех яловых кобылиц. В трех больших кубках налитого, с верхом полно сдобренного маслом, кумыса сразу подали. Два юноши в разрезы кафтанов вытащили длинные свои ножи; вверх отрезывали куски с рукавицу, в рот клали; обглодавши кости, мозг высосали, пустые кости на стол бросали. Товарищ их Суодалба без ножа все стегно [16] в рот целиком затолкал да на стол кости выбрызнул. Сдобренным маслом кумысом с верхом полно налитые три ковша троим подали. Словно куда в посудину лили, пили они. На столе осталось только три конских головы; слуги убрали.

Хозяин сказал:

— Ах! Когда придет завтра Буура-Дохсун, на борьбу сильного, на бег вперегонки быстрого вызывать он будет!

Оба знатных юноши молчали. Суодалба сказал:

— Если есть у них силачи, — поборюсь. Если есть у них скороходы, — побегу вперегонки.

На это хозяин сказал:

— Кто это прекрасноголосый друг, кто?

— Суодалба — я, Суодалба — я! — говорит.

Хозяин сказал:

— Храбрый ты. Эту ночь, господа, есть отдельный дом, там ночуйте. Рано утром, на восходе солнца, приедут.

Велел в отдельном доме постели приготовить. Там заночевали эти три человека. Подорожников-Белых-коней их в конском хлеву накормили. Переночевали.

Утром, на восходе солнца, поднялся шум, крик, суматоха. Что черные тучи, на северном склоне, в темном лесу стали спускаться небесные улусы.

Для встречи их желтоватые березки воткнули, глубокую кадь выставили, что елань-поле, жирными яствами уставленные столы поставили, разостлали травы, кругом почетные сиденья намостили. Увидев, Буура-Дохсун радовался:

«С такою встречею, с почетом таким, уважением, рады-радешеньки отдать девушку свою!» — думал.

Прибывшие на дворе в кружок уселись. Девяносто слуг, в гривой увитые кубки кумысу наливши, подали пить, колени подгибая, кланяясь; девяносто человек принесли ковши, подали пить. Все племя, все до одного, выпили кумысу. Дважды девять коней убили на поле, на дворе огонь зажгли, сварили.

Тем временем Буура-Дохсун снарядил к хозяину с поручением человека:

— Есть ли скороход? Пустим вперегонки! — говорил.— Силач найдется ли? Бороться заставим! — говорил. — У меня, — говорил, — есть скороход.

На это хозяин сказал:

— Среднего света с убывающей водой, с валящимися деревами, этого света люди не одолеют! Нет, скорохода нету. Если у твоего господина есть у самого для игры подходящий народ, пусть играют; кланяясь земно, прошу, скажи ему, парень.

Как уходил посланец, чей-то голос раздался:

— Если есть у него скороход, я побегу вперегонки.

Пошел, рассказал Буура-Дохсуну, господину:

— Хозяин, земно кланяясь, просит: с убывающей водой, с валящимися деревами среднего света люди не одолеют; если способны, пусть сами играют! — молвил.— А когда я выходил, чей-то голос сказал: «Если есть у него скороход, я побегу вперегонки!» — так молвил.

Буура-Дохсун прислушался:

— Ну, что ж! пусть выходит! — молвил. — Кто брался бежать вперегонки, выйди! — молвил.

— Джэргэльгэн-реющий-по-воздуху-Бегун! Начни бега за дневной перегон! — приказал.

Джэргэльгэн-Бегун по нивесть какой длины длинной поляне побежал, пробежал дневной перегон и стал. Суодалбу два его господина унять никак не могли — выбежал. За Джэргельгэн-Бегуном бежит, ковыляет. С неба ниспавшие люди смеялись:

— Обомлеет, пока добежит до места, где ждет его Джэргэльгэн-Бегун! А как бега начнутся, что-то с ним будет? Эй, ты! Полные полы несчастий у тебя! Хоть голову-то свою принеси! — говорили. Смеялись сильно.

Наконец-то доковылял Суодалба к Джэргэльгэн-Бегуну. А тот ждет, стоит, оказывается.

— Ну, друг, становись в ряд! — сказал.

Суодалба за руку схватил Джэргэльгэн-Бегуна и в ряд стал.

— Ну! — сказав, побежали они, наконец.

Джэргэльгэнову голову оторвал Суодалба. Один побежал. Глядят, — прыгая до середины высокой лиственницы, бежит человек, в одной руке за волосы

словно кочку держит. Поглядели небесных улусов люди: один-одинешенек бежит, с головой в руках. Увидевши это, сильно смеялись: «Наш бежит!» — подумали.

Суодалба голову бросил туда, где кумысный пир был. Потом столбом вскочил в дом. Радовались два его господина и хозяин дома.

— Живой пришел! — говорили.

Хозяин тихо сказал:

— Счастье, счастье, счастье!

— Ну, — Буура-Дохсун сказал: — вышлите борца. У меня борец есть. — Опять послал гонца к Томороон-Тойону.

Томороон-Тойон отказался:

— Нет у меня! — сказал.

А когда уходил гонец, Суодалба молвил:

— Я буду бороться, я буду бороться, я буду бороться!

Гонцом приходивший, придя к господину своему, рассказал:

— Томороон-Тойон отказался, молит, земно кланяется. А когда уходил, чей-то голос сказал: «Я буду бороться, я буду бороться!»

— Пойди, парень, скажи: пусть выходит! — сказал Буура-Дохсун. А потом сказал своему человеку: — Сюдюё-Боотур-смелый-задорный, ну, готовься!

Сюдюё-Боотур, человек, рослый собою, разделся и пошел, колыхаясь, на место кумысного пира.

Выйти к нему захотел Суодалба. Два его господина не могли удержать. Двух человек на подмогу позвали. Двое домашних мигом пришли на помощь. За оба колена арканом тащили, а два его господина, за углы рта его пальцы засунув, тянули. Вырвался, убежал. Тот силач посмотрел на него да, посмотрев, топнул ногами и в землю по бедра ушел. Суодалба, подбежав, ребром ладони перебил его пополам у перехвата стана и вверх бросил. Ну, человек этот, брошенный вверх, упал наземь. Как падал он, Суодалба вскричал:

— С заживо сгнившими людьми бегать заставляют,

с такими заставляют бороться! — сказал, насмехаясь, и в дом вскочил.

Тогда Буура-Дохсун разгневался:

— Я сам пойду к нему!

Родные умоляли его:

— Э! не ходи ты сам к этой сволочи! — говорили.

Не пошел, унялся.

Дважды девять столов поставили в доме, дважды девяти коней мяса на столы навалили, в девять мисок налили похлебки. Домашние парни вышли, позвали:

— Идите есть!

Буура-Дохсун-господин впереди и все племя его — вошли в дом и сели. В дважды девяти кубках кумысу подали им; потом стали есть.

До ночи ели. Буура-Дохсун сказал:

— Лучшие люди чужеземцев славятся достатками, велите дать две хороших ноги мяса.

Ему послали две ноги мяса.

А на левой стороне, в отдельном доме, где жили они, Суодалба страшно раскричался:

— Эти с неба нисшедшие гордецы какой же глупый, какой дерзкий же народ! Не терплю их, не выношу! Что они сделают, если я унесу дочку Томороон-Тойона, с-девятисаженными-косами-Туярыма-Куо?

Услыхав это, Буура-Дохсун очень разгневался:

— Что это, что это молвил шустрый? Пойду-ка к нему! — и захрапел.

А Суодолба между тем, прибежавши, вылил в огонь девять мисок похлебки. От масляного чада страшный дым, страшная темь стала. Людям людей не видно — такая беда!

Иные слугам кричали:

— Кушанье подай мне!

Слышны были голоса других:

— Где моя пальма, налучье мое где? Где одежда моя?

Шум, крик поднялся. Иные хозяйские слуги, расхищали мясо, что грудами на столах лежало, да под-

мышки совали. Иные в штаны себе набивали. Иные, набив себе рот мясом, ссорились:

— Ой, ой! человека ушиб ты, человека ушиб!

А Суодалба разнес девятерной чуланчик и семерные стены; схватил, похитил с-девятисаженными-косами девушку, Туярыма-Куо, и с нею ее постели, одеяла, подушки, все швейные ящики, берестяные кузовы, сумы для платья, — сгреб себе сразу подмышки.

— Ухожу, господа мои! — очень громко на запад крикнул.

Это слово все слышали. Два его господина сели верхом на своих коней и за парнем своим вслед погнались. Буура-Дохсун приказал девке Кыбый-Эрэмэх:

— Иди, девонька! Никуда-то он не уйдет, — пусть эту женщину оставит!

Кыбый-Эрэмэх нагнала Суодалбу.

— Господин мой сильно разгневался! Я ему не дам уйти, говорит! Пусть оставит женщину, говорит!

Выслушавши это, Суодалба сложил наземь свою добычу. А эту гонцом прибывшую девку, Кыбый-Эрэмэх, схватил, придавил; взлез, как бык, как жеребец, наскочил. Потом взял подмышку девицу свою и отбыл. Два господина его, за ним следом едучи, увидели — Кыбый-Эрэмэх, девка, сидит и плачет:

— К святых улусов народу моему, на чистое небо мое с каким лицом взойду? На небесных чистых дев какими глазами гляну? Одного-то, единого слова Буура-Дохсуна послушалась, да что со мной сталось!

Так она, плача, причитала, и слышали они, проезжая мимо. А Суодалбу, когда ночь светлеть стала, нагнали Хаарджыт-Сокол и Кытыгырас-Баранча. Увидевши их, девушку свою наземь положил Суодалба и схватил в обе руки по дубине. Хаарджыт-Сокол и Кытыгырас-Баранча, двуголовыми Ексекю-Птицами оборотившись, с небес с шумом прямо на него пали.

Когда спускались, дубинами, что в обеих руках держал, Суодалба бросил им в печень. Оба они кувырком полетели; Суодалба схватил было их — едва вырвались, улетели на небо. Девицу свою опять взявши подмышку, дальше пошел Суодалба.

Едва тронулся, как по хребту светлого неба гром загрохотал, пала молния. Глянул Суодалба, а это Буура-Дохсун, обернувшись черно-пегим орлом, на него спускается. Суодалба взял дубину.

— Пятью пальцами моими подарок дал! — сказал и бросил, как привычно, в печень.

Черно-пегий орел пронзительно закричал, по широкому небу полымем хлестал, шумным вихрем оборотился. Уходил, слышно, вихрь, к небу шумно летел. А когда улетал, слышалось: «В средний свет, где убывают воды, где деревья валятся, в грязный, поганый прах этого света нисшел я — и вот что случилось! Пусть же на будущие века жители чистых небес воочию, в плоти и крови, в средний мир не нисходят!»

Все исчезло: стало поле полем, луга лугами.

К Джагалын-Баай-Тойону прибыл Суодалба со своею добычей, со своими двумя господами. Домашние вышли навстречу с кликами: уруй! айхал! Девяносто слуг поводья приняли, дверь открыли, подстилку на сиденье положили. Восемьдесят баб и девок-служанок побежали навстречу девушке с-девятисаженными-косами, приняли Туярыма-Куо на ладони свои, дали ей с коня сойти, с одеждою и богатством в дом ее почетно ввели. У чуланчика Айталын-Куо посадили.

Большой пир настал, неослабное наступило веселье. С девятью выпуклыми ободками, гривою увитые, с верхом полно налитые, маслом сдобренные кубки девять человек трижды, низко, колени сгибая, кланяясь, подали. В трех увитых гривою, с девятью выпуклыми ободками, полных маслом кубках три служанки, трижды низко, колени подгибая, кланяясь, девушке с-девятисаженными-косами-Туярыма-Куо пить подали. Пошел обрядный свадебный пир, подобающая

гулянка, ниспосланная свыше утеха. И девять суток шел непрерывный пир.

Был у Джагалын-Баай-Тойона конюх, парень проворно-ходкий, быстроногий, Этири-Май называемый. Посмотреть на него — жира нисколько, ни мяса, одни кости — такой он. Ездит на объезженной кобыле, в дом не входит. Чрез девять дней Джагалын-Баай-Тойон позвал этого парня.

— Этири-Май, поди-ка сюда! — сказал.

С объезженной своей кобылой в поводу предстал пред своим господином.

— Ну, парень, доверенным гонцом будь, нарочным сватом. Поезжай ты к тому, что владеет девяноста чубарыми жеребцами, иди к Томороон-Тойону, скажи ему: радость высокая, великое счастье! Пусть выдает с-девятисаженными-косами-Туярыма-Куо, дочку свою, замуж за славнейшего из улусян, за почетного урянхайца, за Белого-Тойона внука, за Кюлюктэй-Бэргэна! Пусть приведет с собою девяносто парней-поезжан да восемьдесят баб; пусть в приданое пригонит скота так много, чтоб палка ломалась, погоняя, и так обильно, чтоб веревка рвалась, удерживая. Пусть приведет в поводу в середину земель моих, в мое серебряное гнездо. Так же и я дочь мою, Айталын-Куо, благословением благословил. Так мы вдвоем, благословив, отдадим благословенным людям. Ну, парень, Этири-Май, поезжай скорее!

Этири-Май на свою объезженную кобылу ловко вскочил и вмиг скрылся. Этири-Май доехал, к радующимся великою радостью людям прибыл. Слуги-парни бросились к его поводьям. Не сошел он с коня.

— Батюшке вашему сообщите, матушке вашей расскажите: хозяина восьмидесяти жеребцов Джагалын-Баай-Тойона конюх я, что на объезженной кобыле ездит, Этири-Май называемый. К другу его, Томороон-господину, Хабараан-госпоже нарочным сватом я прибыл.

Парни побежали в дом; сообщили батюшке своему, рассказали матушке своей. Старик и старуха вышли:

их поддерживали с обоих боков, с каждого бока девять человек стояло. Этири-Май рассказал заповедные слова, задушевные речи поведал. Старик и старуха стали восклицать: «Уруй! айхал»! А Этири-Май направил свою объезженную кобылу в родную сторону и мгновенно умчался. Прибыв на пир, поведал Джагалын-Баай-Тойону, и тот восторженное вознес моление.

Заложив руки за спину, стоял Суодалба надувшись. Отставив ногу, стоял, как столб.

— Господа мои! — сказал: — к нашим-то, к Господину-отцу, к матери-Госпоже возвратиться срок близок! Я отправляюсь! А вам долго ведь ехать, приданный скот погоните, в поводу поведете! Длинна дорога-матушка! — сказал и вмиг повернулся.

Даже не заметили, как он из глаз пропал. А те остались устроить свадебные обряды.

Сильный-Кюн-Эрилик и Лучший-Бэрэт-Бэргэн, господа и госпожи спят себе, а богатство их попрежнему множится. Суодалба одним-один прибыл, столбом в дом ввалился; оказывается — проснулись, лежат. Все четверо привстали, сели на постелях, очень испугались и так смутились, что ничего не могут ни сказать, ни подумать. Тогда тот песнею выводить стал:

О зятья мои! О тетушки мои!

Подбоченился, а затем:

Сегодня истек положенный срок,
Исполнились девяносто дней
Счастья большого — доверху,
Блага большого — кругом полно.
Небожителей я, как сено, скосил,
Бродом прошел, как по воде.
С выси павших — ввысь отослал.
С божбою отбыли вверх они,
С клятвою вдаль отправились.
Томороон-Тойона светлую дочь,
С девятисаженными-косами,

Взял себе в жены мой господин,
Женился на ней Кюлюктэй-Бэргэн.
Джагалын-Тойона нежную дочь
Взял себе в жены мой господин,
Женился на ней Бэрбээкэй-Бэргэн.
Вслед за мною едут они.
Ломится палка — скот погонять,
Рвется веревка — вести в поводу, —
Вот какое множество стад
Гонят, ведут они за собой!
По девяносто парней-гонцов,
По восемьдесят прислужниц-девиц —
Вот какая челядь у них!
В красный день прибудут они,
В нарожденье месяца в дом войдут.
Встречу почетно моих господ:
Выстрою им нарядный дом;
Разведу домашний огонь;
Медную коновязь укреплю;
Выращу рощу светлых берез,
С кумысом глубокий выставлю чан.
Вот зачем я прибыл вперед,
Вот для чего торопился я.
Счастье-веселье! Спех-суета!

Такая, что в сердце не поместится, радость пришла, такая честь, что в мысль не войти! С-девятисаженными-косами-Уолумар-шаманка, в девятиободный кубок кумысу налив, с краями полно маслом сдобрив, мужу своему подала. Сильный-Кюн-Эрилик поднял кубок, трижды, колени подгибая, кланяясь, Суодалбе подал. Суодалба, так стоя, выпил в один прием.

Побежал к выходу, у порога схватил топор. Неслыханный шум поднялся, невиданная возня. Это он, взвалив на себя, бревна вносит, один, обнимая руками, волочит. А как работал — и не заметили. Самим-то смотреть времени не было, — вчетвером готовились: что остров лиственниц — серебристых березок наты-

кали, что лесное озеро — глубокий чан выставили; столы накрыли, горы кубков нагромоздили, ряды круговых ковшей наставили, шестиножные березовые лабазы принесли. Длинных свалили, опрокинули грудастых; на слоистой бересте готовили, на чистой бересте подали. Принесли, сколько в силах поднять были, сколько поместиться могло. Что сенокосный дол — золотистые столы поставили; горной зеленой осоки постлали; белых конских шкур на сиденья положили. Едва управились! Три дня в суете прошло, как оглянулись на Суодалбу: а он сработал, устроил дом, очаг, коновязь, утварь, изгороди, загоны, все без изъяна, полным-полно. Любовались на работу его.

В красный день, в нарождение месяца слышатся голоса с южной стороны. Ржет молодой жеребец, мычит бычок, звучит громкий говор людской. Что шорох листьев древесных, несется шум мехов, одежд. Сладкий запах ласкал обоняние, взоры тешил прекрасный вид. Что́ радости было, что́ смеху! Сколько говору! По девяносто вольных парней, по восемьдесят вольных девиц — первые прибыли. Встали навстречу прибывающей родне, поезжан-господ, поезжан-госпож. Поводья приняли, дождались с поклонами и кликами, встретили с ликованиями и благословениями. Что собрано одежи, мехов, шкур, приданого, — все убрали в сумы, вдоль уложили, краями сложили. Приспело обрядовое свадебное гулянье, великий пир настал.

Среди радости этой Суодалба явился. Перед Уолумар-шаманкой-с-девятисаженными-косами столбом стал.

— Насилу-то! И горя много задевал я в жизни по́ лами, и много муки лбом рассекал! Пора бы и отдохнуть!

И запел:

Уолумар-шаманка, тетушка!
Девятисаженноволосая!
Заветное слово скажу тебе!
Задушевную речь поведаю!

Вспыхнув, распался солнца свет
Серебряными опилками;
Сверкнув, рассыпался солнца свет
Темной меди опилками;
Это мать моя родилась.
Злая шаманка ее родила,
Ведьма, гибельной смерти оплот.
Зловещим, бродячим духом была
Моя мать, шаманка Селенгедэй
С-семисаженными-косами.
Скромная, обернулась она
Светлого мира дочерью;
Тихая, притворилась она
Солнечного мира девушкою.
Знающая семьдесят чар,
Восемьдесят раз волшебница,
Девяностократ оборотница, —
Гуляла она по краю небес,
Водилась она с небожителями,
Играла с святыми и чистыми.
Светлого, благословенного
Аджинай-богатыря обольстила она,
Заманила его, приблизила.
От него порожденный сын ее,
По крови я — от светлых кровей,
По виду — темный, невзрачный я.
Все же я чистого духа сын,
Светлого Господина внук,
Желанья мои незлобные.
Ну-ка, шаманка, тетка моя,
Уолумар-длиннокосая!
Ты родила ведь девочку-дочь,
Хочешь зачем-то скрыть от меня.
Разве чужой тебе мой отец,
Младший твой брат Аджинай-богатырь?
Дай мне в жены дочку твою,
Светлую девушку-богатыря!
Дай мне, отдай мне, благослови!
Дай в приданое лучший скот;

Девять стального отлива кобыл,
Девять черных, как ночь, коров,
Вспомни, как я работал для вас,
Как я вашим детям служил.
Вот они, золотые мои,
Кюлюктэй-Бэргэн, Бэрбээкэй-Бэргэн, —
Пусть расскажут, что делал я
По́том усталого лба моего
Мазал себе я ступни ног;
По́том усталых ступней моих
Мазал я по лицу моему.
Смерть мою приравнивал сну,
Служил до потери дыхания!
Дом их устроил, огонь возжег,
Медную коновязь укрепил,
Их соперников истребил,
Их врагов навек поразил!
Кончена служба, исполнено все!
Ширьтесь, растите теперь на века!
Славьтесь, сияйте по всей земле!
Я ведь светлого рода внук,
Чисты благословенья мои.
Ну же! Дай твою нежную дочь!
Хочется мне по-соседски жить,
Близко и тесно с милой родней.
Дашь — возьму и не дашь — возьму!

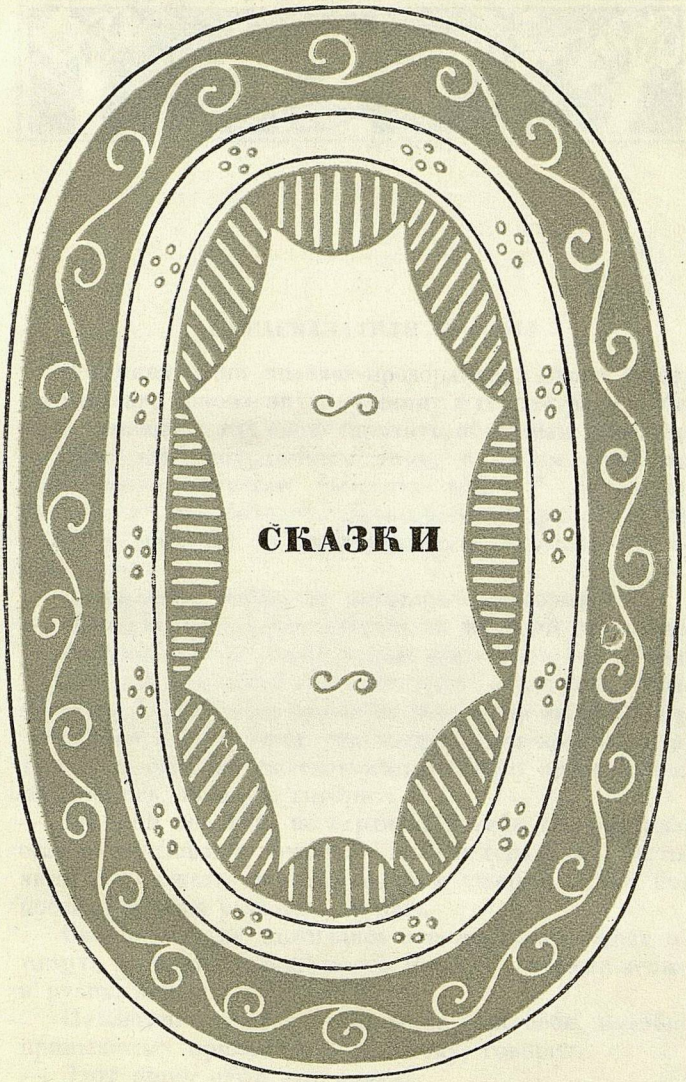
Никто — ни слова. Он вскочил. В девять стен сложенные кладовые, в десять рядов резаные прилавки, меха, одежу, — все, что было, целиком сгреб. Подмышки забравши, на запад убежал. Никто — ни слова; обомлевшим сидят: так смутились все, испугались.

Через три дня вот что видят: на западной стороне, по ту сторону восьми озер, среди девяти морей, — на проклинающем проклятом, заклинающем заклятом, знахарем заговоренном острове, — за пределами вдаль тянущихся покосных угодий, позади поросли, что выросла-сплелась, — поверх дальних гор; посреди

стройного, как ровно отрезанный хвост матерого коня, темного леса, — вьется сизый дым, словно вверх брошенный аркан. Все глядели. Сильный-Кюн-Эрилик и Лучший-Бэрэт-Бэргэн помчались на этот дым. Вступили в стройный темный лес. Войдя, увидели: девять коновязей вбиты, девятиоконная высокая юрта слажена. Подошли близко. Еще не вошли, как дверь дома открыл домохозяин Суодалба. Громким голосом вскричал он, не подпустив:

— Не подходите! Сами себя губите вы! Убирайтесь!

И они повернули назад.


СКАЗКИ

ПРЕДСКАЗАТЕЛИ СУДЬБЫ

Встарину один человек-прозорливец, много в лесу промыслив, накопленную пушнину в городе распродав, чтоб зимнюю нужду свою справить, обратным проездом застигнутый наступлением ночи, к одним довольно зажиточным жителям ночевать вошел. [1] Домашние встречают его холодно. Домохозяин-старик, как он видит и замечает по лицу, как будто бы намерен прогнать его.

Ночлежник, войдя, не раздеваясь, говорит:

— Я издалека еду, здесь поблизости жителей совершенно не знаю. Когда в своей стране-земле был, самые бедные жители, призывая меня, «ночуй» — говорили, упрашивали. А здесь как будто бы ненужный людям сижу.

Сказав это, зубами скрежещет. Домохозяин догадывается, смягчается, свою нижнюю губу подбирает и, собравшись, шепнув, говорит:

— Ну, мой дорогой, не сердись; я тебя не прогонял; если нуждаешься в ночлеге — ночуй; думаю, я в состоянии выдержать ночевку одного человека. Что бог послал, губами разделим, думаю.

Сказав это, не дожидаясь ответа, выскакивает на улицу; распрягши лошадь его, ящик с товарами держа в руках, заходит обратно.

Ночлежник-человек, промычав про себя, подобно привыкшему приказывать человеку, говорит:

— Этот ящик сюда вот клади.

Сказав это, указывает на место рядом на дороге стоящего жернова. Домохозяин приносит ящик и на указанном месте кладет. Ночлежник, свою высокую шапку с дохой сняв, вешает, согреваясь, располагаясь.

Вот разговаривать начинают. Разговаривая, долго хозяин-человек искоса, краем глаза налево взглянув, говорит:

— Ну, мой дорогой, вот эта женщина, подруга моего сына, беременна; в виду ее близких родов, сын мой бабушку звать пошел; грязь и нечистоту как-то переносишь ты, человек?

Ночевщик:

— От айыы не отвернувшуюся бедняжечку мою, если бы сподобила посещения айыысыт, вот ликование было бы.

Невестки крики от боли потуг раздаются. Свекровь ее, в огонь пучки волос бросая и масло наливая, заставляет чадить. Два человека, о различном говоря, тихо разговаривают; старуха для Айыысыта пищу готовя, хлопочет и между делом к болящей снохе подбегает. Наконец с улицы заходят парень со старухой.

С улицы вошедшая старуха, смутившись, съежившись, снимает одежду, к правому боку печки подойдя, пальцы свои у огня согревает. Затем за левую перегородку скрывается; время от времени крики болящей женщины оттуда несутся. Проходит немногое время, и вот домохозяйка, вечернюю пищу на стол поставив, накрывает, готовит. Ночлежник-человек, лошадь свою, выйдя, поглаживает, чтобы узнать, отстоялась ли, и бесшумно возвращается в дом.

Поев, насытясь, ночлежник спальную свою одежду, с улицы внесши, чтобы отогреть, по лавке раскладывает. Лошадь свою, выйдя по указанию домохозяина, в узкую загородку в лесу заводя, зеленым сеном кормиться оставил.

О разном понемногу тихо беседуя, ложе свое в теплом углу устроив, ложится. Лежа, о разном, о том, о сем смутно думая, засыпая, тепло так начинает дремать. Потрескивая, горящий огонь на утомленного

поездкою человека, подобно качанию колыбели, тихий, теплый сон навевает, к крепкому сну приводит.

Уже на середине усталого сна своего сновидение видит. Осенью ли, весною ли, откуда — ему не понять, как будто светлое-светлое солнце печет, стоит. Сам он — под развесистой елью на северной опушке, на чистой поляне, совершенно круглой, целый год покрытой зеленой травой, сидит, отдыхает, оказывается.

И вот, сидя так, видит: подобно легкому ветру зашелестев, оттуда, отсюда семеро детей, легковейные, прилетают.[2] Собравшись, пляшут, раскачиваются. Одежды ихние с головы до ног — яркие цветы. Напевы их, если слышать:

— Пусть будет, чтоб мы насиженной изобильной стране счастливое потомство ниспослали. Пусть будет, чтоб мы здоровым, крепким потомством наделили. Чтоб не расшаталась удача, чтоб не вылилось счастье, — говоря, напевали, плясали.

Какой-то вдруг страшный шум послышался, дети, испугавшись, словно бы с дерева шишки, туда и сюда рассыпались. После этого, понемногу, опечаленные, собираясь, друг на друга пенять стали:

— Ты предскажи.

— Нет, ты предскажи, — восклицая.

Самый большой из них говорит:

— Я вот как предсказываю: до половины своих лет по силе и резвости равного себе на имеющий человек пусть будет. Достигнув же половины возраста, болезни подвергнувшись, пусть душа его выйдет.

Дети:

— Очень хорошо, — сказав, разлетелись.

От плача новорожденного ночлежник-человек пробудился.

— Наверное про этого ребенка говорилось, — промолвив, задумался.

Утром, встав, за чаем сон свой рассказывает. Домашние только друг с другом переглянулись.

Старуха:

— Ну, вот, так и значит. Это я, несчастная, пальцы

у меня стянуло, — желая с полки достать, на пол с шумом сковороду уронила. Да еще, испугавшись, закричала. Вот этих детей, предсказателей судьбы спугнув, внука неполной судьбой наделить заставила, — сказав, замолчала.

Все без слов, опечаленные, сидят.

— Одун-хана [3] предопределение, предсказателя судьбы указание, не имеют обычая отменяться, не меняться имеют предсказания, — так в старину говорили умные люди, — сказал старик.

ОМОЛЛООН

Когда у Бологурских [1] старика и старухи родился мальчик, Омоллооном назвали его, говорят. Достигая возраста, когда сын становится помогой, в напевах девушки поминаемым юношей становясь, очень быстро и скоро стал вырастать. К четырнадцати годам был вышиною в три сажени. Соразмерный себе человек, соответствующую имел наружность.

Однажды к отцу-старику друг его Бысый-шаман погостить явился. Для него жирную, отгулявшую кобылу убив, распотрошив, нарубив на кусочки, в большом котле, говорят, наварили.

Когда знатный человек, желая хорошо друга насытить, когда богатый человек, желая так наркомить, чтобы угодить гостю, ходил, стряпая, приготовляя, суетился, — сын его, парень Омоллоон, войдя, около дверей на последней скамье только сел. Из-за голенища свой тонкий и острый маленький нож достав, из ножен вынув, оставшуюся на досках голенную кость кобылы, ножом потыкав, взял, мясо отведав и съев, у кости концы зубами раздробив, высосав мозг, проглотил.

При этом Бысый-шаман, сидя, сильно подивившись, сильно испугавшись, сказал:

— Дитя моего приятеля, назовись Едоком-Сердитым; дитя моего друга, Богуй-Крепким назовись.

На это Омоллоон рассердился:
— Говоря, что он знаменитый, с сильными абаасы, шаман, обидев нас, желает уйти, — гневно стал говорить. «Я — великий, большой шаман», — думая про себя, превозносясь, упрекнув, плюнув, хочет уйти, значит, — говорил.

Сильно подосадовав, сильно обидевшись, шаман не дал знать свой гнев; и, слыша, был как бы не слыхавший.

Омоллоон, лихие намерения накопив, злые мстительные мысли собрав, когда стало время переходить за полночь, брата-ребенка разбудил; желая схватить кровяное, желая сгущенное поглотить, — Бысый-шамана для убиения, мести своей для выполнения, — в путь отправились.

Перед самым рассветом неба, когда прибыл Бысыя-удальца ко двору, четырехглазая, белоногая собака звонко на них залаяла. Младший же сын, свернув ей шею, заставил собаку умолкнуть. Войдя в дом, на передней лавке спящего шамана усмотрев, Омоллоон, из лука в черную его печень нацелился. Когда выстрелил, сквозь шамана пройдя, стену юрты пробив, стрела с обмазкой юрты вылетела. Шаман же бросился, человек-удалец сказал, говорят:
— Дитя моего приятеля Едок-Сердитый, дитя моего друга Богуй-Крепкий съел, поглотил.

Это услышав, предка нашего, оскорбившего великого нашего, большого шамана, в поколении старшего обидевшего, надевшего шкуру абаасы, — обидчика этого, во что бы то ни стало догнав, в зарослях ивняка отодрав, заставить раскаяться, в зарослях тальника отстегав, селезенку его разодрать; в зарослях кустарника избив, — допросить о повадках.

Пока икры его и голени от костей не отстали, мясо передних конечностей пока не сгустело, мясо задних конечностей пока не сварилось.

Так говоря, досадуя и рассердившись, погнались за Омоллооном люди шамана Бысыя, желая заставить его раскаяться; это задумав, войско собрав, в погоню

послали, говорят. Омоллоон верхом на своей серой кобыле на восток убежал, говорят. Уезжая, сказал младшему брату:

— Парень, много ведь хвастался ты своей подвижностью: «Я шустрый из шустрых» — говорил ведь ты про себя, так, наверное, и без меня сумеешь охранить свою жизнь. — И в сторону восхода солнца уехал, говорят.

Меньшого брата, беднягу, преследуя Бысыя-шамана, войско утомилось; лошади их отощали, сила их кончается, мысли их притупились.

Когда так сидели, Бысыя-шамана жена, большое чудище, сны видеть повадилась, ночью такое увидела: «Меньшего сына догнать — такого сильного коня не уродилось еще, он же в воду, подобно рыбе, ныряет, в поле, подобно стреле, уносится, на дерево быстрее белки влезает. Когда он спит, один глаз не закрывая, спит. Подстереги, когда над ним белая птичка пролетит, подстереги, когда под ним одна мышь пробежит. Он, в славу вошедший, чуткий, воспетый в песнях, бдительный, отца имеющий от Айыысыта с предназначением, от Ийехсит-матери — определение, от земли и неба — определение, размножающий род якутов. Потому ничем от людей не уязвимый человек. Разве только стрелой, которой убил он Бысыя-шамана которая была однажды в крови, — если тою стрелой выстрелить, низведя на нее духа кровожадности, тогда что-нибудь, может, и случилось бы». Так ей во сне пел, шаманил, Бысыя-шамана чудище-юер.

После этого сна в продолжение трех дней и ночей камлая, имея видения, вертясь и раскачиваясь, провидев, узнали, где упала стрела, убившая Бысыя-шамана.

Найдя стрелу, в продолжение трех дней и трех ночей, всех шаманов своих собрав, все шаманки, собравшись вместе с менерииками, со всеми свободно владеющими речью, шумя, распевая, камлая, скача, раскачиваясь, духа кровожадности на нее низвели, говорят. Стрелу свою, владевшую духом кровожадно-

сти, много раз совершив заклинания, в сторону неба нацелившись, выпустили, говорят. Эта стрела, вылетев в трех верстах на западную оконечность длинными камышами заросшего озера, стрела-чудовище, духом кровожадности владеемая, самовольно выискивая, выслеживая средь камышей скрывшегося парня, из камышей выглянувшего, настигнув, голову ему размозжила, говорят.

Бысыя-шамана войско, победители, пируя, насытясь, поев, заснули, говорят.

Омоллоон в восточней стране пребывая, пробыл, говорят, три года, как увидел: на дальней опушке Джугджура, [2] довольно большая речка, протекая, как под гору вся ушла. Очень долго смотрев на это, задумал он дело. На гору поднявшись, с тупой вершиной ель срубив, чурбан обтесав, на нем сделав круглую выемку, пустил по воде, говорят. Затем на серую кобылу свою усевшись верхом, следуя за чурбаном, увидел, — из-под горы большая речка пенится, бежит. Как ни ждал, чтоб показался брошеный чурбан, — не дождался.

Тогда Омоллоон, рассердившись, лошадь свою в лес отведя, сам пешком возвратился обратно к тому месту, где речка уходит под гору, и подобно утке-крахалю, нырнув, спустился. Очень долго нырял. Долго ли, скоро ли нырял, сам он не стал высчитывать. «Беда имеет удобный случай, горе — веревку, счастье же слепо» — такая пословица есть. Продолжая плыть под водой, услыхав крики утки-чирка, последовал в ту сторону. И вот, когда, нырнув таким образом, плыл, лунная темнота посветлела, солнце видится ему из-под воды, полное, как в сосновый месяц, [3] когда, подобно донышку медного котла, краснея и алея, виднеется.

Из-под воды, течением выброшенный, поднялся Омоллоон на поверхность. Вынырнув в средине речки, к берегу приплывает. И, когда, из воды выйдя, взяв свою одежду, к лошади подошел, солнце только еще стоит на опушке леса. Когда осмотрелся, видит — нож его с ножнами, от пояса отвязавшись, в воду упал. Так

Омоллоон без сподручного острого ножа остался, на дальней опушке Джугджура потерял, говорят.

После того как три года находился в бегах, возвратясь в свою страну, дома стал жить, говорят. Однажды, в то время как шла шуга по реке Кюлюмчю, встретив родоначальника Восточно-Кангаласского улуса, Богуя-Крепкого с верховьев Кюлюмчю, Омоллоон, укрывшись за деревом, в пах его нацелившись, лук свой спустил.

Богуй-Крепкий-удалец, увидев — стрела летит, вверх подпрыгнул; стрела, спустившись, луку седла пронизала.

Богуй-Крепкий по своей силе Омоллоона превосходил, говорят; поэтому, — «поймав, убьет», говорят, — Омоллоон, во время шуги через Кюлюмчю перескакивая, переправился, говорят.

Видя это, подивившись, Богуй-Крепкий, — «с таким человеком враждуя, полезного не найдешь», решив, — примирение затеял. С этих пор очень хорошо, по-дружески, очень благожелательно зажили, говорят.

Таким образом, по-дружески живя, Богуй-Крепкий откуда-то услыхал (пословица ведь: «ухо далекое слышит, глаз близкое видит»), что в Олекме [4] свой Омоллоон живет. Поэтому Богуй Омоллоону так говорит: — Как бы то ни было, пойдя туда, вступив в борьбу, победив или дав себя победить, на Якутской земле умереть ты должен. В случае победишь — привези с собой какую-либо примету. Если же через год в свою страну не вернешься, — пал побежденный, кровь свою пролил на снег, вороне дал расклевать, — значит, скажу.

Тогда Омоллоон на серую кобылу свою усевшись, как подобает путнику собравшись, на Олекму поехал, говорят. Вот, поехав, к Олекме приехав, вступивши во двор Олекминского Омоллоона, привязав свою лошадь, — в большой балаган вошел. Перед печкой на лавке двухсаженного роста человек очень сильный лежал, говорят.

Когда Омоллоон зашел, горящее полено, из печки упавши, опалило бедро лежащего голого человека;

человек же, ничего не говоря, лежал, говорят. На это мать-старуха, с левой стороны подбежавши, горящее полено взяв и бросив:

— Дурак, на того, что едет брать себе в жены Олекминскую шаманку, на этого парня рассердившись, оба глаза закрыв, лежит. Дойдя до того, что не чувствуешь, как огонь жжет твое тело, — говоря, старуха ругалась.

Омоллоон, поверив, сказал про себя: «Если, и вправду, не чувствует, как жжет огонь, сильный этот человек, чем же, ударив, сделают ему больно?» Испугавшись, спросив дорогу к Олекме, вышел, уехал.

В знак того, что был у Олекминского Омоллоона, Омоллоон, лошадь его укравши, приехал домой, говорят.

После этого Омоллоон в Вилюйск выезжал, говорят, чтобы жениться на Вилюйской шаманке. Раз уже с родом абаасы повздоришь, — что хорошее выйдет, разве. Бысыя-шамана юер, спустившись, Омоллоону внушил безумную мысль во время шуги реки Амги на гору Маайыской на коне сразбегу подняться. Когда конь назад попятился, Омоллоон в исступлении до смерти его ногами сжал, на трехветвистую лиственницу лошадь свою поперек забросив, на узде своего коня повесившись, умер.

ШАЛУН-БАЛОВЕНЬ

С тремя сыновьями старуха жила, говорят. Старший и средний сыновья ее — охотники, хозяева; младший сын — Шалун-Баловень, среди трав и деревьев обретающийся, безумно-шальной глупец был, говорят.

Старшие братья младшего рассыльным парнем сделали, говорят. Однажды его осматривать рыбные сети и пленки,[1] на уток поставленные, посылают. К вечеру парень ихний без ничего пришел.

Средний брат, подозревая, спросил:

— Почему же ты ничего не принес?

Шалун-баловень на это:

— Заплывшая в сети рыба: «отпусти», говоря, так-то хорошо билась; в пленки попавшие утки: «отпусти», говоря, кверху так порывались, поэтому я отпустил их.

На передней лавке лежавший старший брат его, выслушав, встал с лавки, выйдя на улицу, расщепил палку, обтесав топором, внесши в дом, выстрогав скобелем, чтобы руки не занозить, Шалуну-Баловню протянув, подал и стал учить:

— Вот, лучший из мужей, знатный из людей. Что бы ты живое ни увидел, вот этой колотушкой-палкой по голове бей, разбивай головы, убивай и увечь.

Утром, когда небо начинало светлеть, подобно пуху на зобу куропатки-птицы, младший старухин

сын (он ли удалец не ранний), вскочив с постели, второпях поевши, подобно охотникам торопливо собравшись, на промысел свой отправился.

Когда солнце стало спускаться за деревья, младший старухин сын, много рыб и всякой дичи неся, сам весь в поту вернулся.

Когда шел, бедная его мать: «Сын мой с охоты удачной идет», говоря, радуясь, навстречу ему побежала.

Шалун-Баловень, палкой-дубинкой старуху по голове ударив, убил, говорят.

Вечером братья, придя, увидели: парень ихний, много дичи промыслив, принес, матери же ихней не слышно голоса, не видно, как она ходит. Средний сын, перед печкой посидевши, мать свою поискав глазами, младшего брата спросил наконец.

Брат, хвастливо вытянувшись:

— Старуху, когда навстречу ко мне, с охоты идущему, подобно попавшей в пленку утке подскакивая, она подбежала, — палкой по голове ударив, убил.

В ту ночь, как люди эти, жалевшие свою мать, с убитыми мыслями, тихо заснувши, встали, — старший парень Шалуна-Баловня попросил:

— К западному мысу пойдя, матери своей могилу глубиною по уши выкопав, возвратись.

На это Шалун-Баловень-удалец, к западному мысу прибежав, лежа ничком, в нескольких местах на земле вырезал кусочки с ухо величиною, на ноги вставши, вернулся; вернувшись, сказал:

— Кончил копать могилу.

Средний парень, посидев и подумавши, сказал:

— На умершей нет и одежды смертной надеть, разве только ты, Шалун-Баловень съездишь к нашей старшей сестре. От нее для матери нашей одежду смертную принеси.

На это парень, сев на лошадь верхом, к старшей сестре своей поскакал.

Болезнь бывает находчива, несчастье знает дорогу; поперек пути пробегает речка, за несколько дней

перед тем от дождя вода в ней прибавилась, бурлила, шумела, говорят. Лошадь, боясь входить в глубокую воду, назад попятилась. Шалун-Баловень ей:
— Бедный конь мой, что за несчастье! Эти мои торбаза вымокнут, сгниют, говоря, не желаешь в брод переходить, с седла спустившись, с лошади своей со всех четырех ног камусы снял. Лошади больно ведь. Поскакала, запрыгала.

Тогда, надумавши, Шалун-Баловень:
— Лошадь моя, шуба-доха моя вымокнет, — говоря, в воду не заходит, с лошади своей шкуру снял.

Лошадь его, оскалив зубы, изо рта выпуская пену, издохла. На это Шалун-Баловень:
— Лошадь моя, по лености заставив снять одежду, заснула, — сказав: — Я и пешком, не замедлив, дойду, такой я человек, — говоря, пешком вприпрыжку дошел.

Придя к старшей своей сестре, как подобает быть гостю, сидя, подражая жалостливому человеку, как бы грустя, головою и ногами покачивая, стал говорить.

Старшая сестра его, идя в амбар за одеждами, проснувшегося плачущего ребенка своего поручив Шалуну-Баловню, на улицу вышла. Когда ребенок, вытягиваясь и падая на спину, закричал, Шалун-Баловень, гладя его по голове, нащупал на детской головке как будто все чирья. Поэтому Шалун-Баловень-человек:
— Такой маленький ребенок — и с чирьями. Потому и плачет, оказывается, — говоря, кулаком голову ему сдавил.

Бедный ребенок долго ли будет терпеть? Когда он умер, Шалун-Баловень, обрадовавшись, просиял:
— Вот ведь ребенку выдавил чирья, заставил с улыбками уснуть, — говоря, отнес и положил его в зыбку.

Когда старшая сестра вошла, Шалун-Баловень стал выговаривать:
— Ты — чудище, своего ребенка чирьями заразила.

Старшая сестра его, не поняв, как следует, о чем брат говорит, «Ребенок мой спит наверное», думая, парню одежды отдав, скорее домой погнала.

Когда Шалун-Баловень домой возвращался, сильный ветер поднялся, верхушки деревьев стали наклоняться.

— Вот от меня одежду выпрашивают, — говоря, взятые с собой одежды разрывая, по верхушкам деревьев развешивая, домой с пустыми руками пришел.

Братья в сердцах, навзничь положив, побрали, но с неразумного человека что возьмут? Зло сохранять будут, что ли? Мать свою положив на западном мысу, могилу построили, говорят.

Шалун-Баловень ночью услышал — два брата разговаривают, лежат, оказывается. Голос старшего брата говорит:

— На запад отсюда если пойти, с тремя дочерьми, с большими деньгами и богатствами абаасы девка живет.

Шалун-Баловень, услыхав, как ночью брат говорил, утром рано встав, уследил, что собираются братья. Когда братья, поев, насытясь, абаасы-девки богатство, довольство чтобы разорить отправились, Шалун-Баловень-удалец, неотвязно напрашиваясь, сзади за ними следовал. Тогда братья его привязали к дереву. Дерево с корнями выдернув, волоча, за ними последовал.

Тогда братья привязали его ко льду озера; парень ихний озерный лед за собой волоча, с шумом за ними шел. Братья его, одумавшись:

— Ныне вот этого чудища сила и нрав пригодятся, — говоря, отвязав озерный лед, парня взяли вместе с собой.

Когда к девке-абаасы прибыли, девка-абаасы, поймав двух его братьев, в железный амбар заключила; Шалун-Баловень-удалец, чтобы не отстать от братьев, самовольно в амбар вошел.

Абаасы-девка, желая съесть айыы сыновей, победив, осилив, домой зайдя, найдя котелок, загремела.

Затем, позвав свою старшую дочь, сказала:

— Теперь я засну, ты же, выйдя, старшего парня нарубив, навари. — Сказав, заснув, засопела.

Старшая дочь, выбежав, дверь амбара раскрыв:

— Старший брат, выйди на доски для рубки мяса, подобно меховой рукавице, прикатись, — говоря, подскакивала, стояла. На это парни «Болезней дорогу [2] как бы летягой закрывая», Шалуна-Баловня бедного на улицу вытолкнули. Абаасы-девка, старшая дочь-чудище сразу обрадовалась, затем:

— Подобно меховой рукавице, покатись, — говоря, пинала, стояла.

На это Шалун-Баловень:

— Не знающему человеку сначала показав, научила бы.

На это абаасы старшая дочь (она ли не доверчивая?) на доски для рубки мяса, подобно меховой рукавице, подкатилась. Тогда Шалун-Баловень-удалец (его ли, человека, ухватки?), с четвертным лезвеем топор схватив, абаасы-дочку разрубая на части, в дом внеся, в медный котел положив, на огонь вариться поставил.

Девка-абаасы, выспавшись, котел с огня вынув, старшую дочь звала-звала; дочь не пришла. На это рассердившись, одна стала есть, еле с едой управилась. Когда крови попробовала, по крови догадалась, сказала:

— Кажется, родственной крови отведала.

Таким образом Шалун-Баловень-удалец ее заставил съесть всех трех дочерей. Абаасы-девка, кончив есть свою младшую дочь, как посмотрела — ни одной из дочерей нет. Тогда, догадавшись, пошла, посмотрела, увидела — три парня, все живы.

Абаасы-девка, когда парни сидели, ели кашу, прибежав, на парней напустившись, начала их крошить. Два старших брата, встав, драться начали. Абаасы-

дочь людей не осилит, что ли? При этом Шалуна-Баловня-удальца, у него, человека, разве кровь разыграется? Кашу свою ел, сидел. Тогда братья его, дочь абаасы подтолкнув, на Шалуна-Баловня наступив, кашу пролить заставили. Тогда Шалун-Баловень, дочь абаасы за обе ноги схватив, разорвав, убил, говорят. Дочь абаасы убив, богатство ее выбрав, домой привезя, разбогатели, зажили, говорят.

ОБМАНЩИК-ПРОСМЕШНИК

У Обманщика-Просмешника три купеческих сына соседями были, говорят. Обманщик-Просмешник однажды к купеческим сыновьям в гости пришел. Соседи с большой радостью встретили, заставляя его есть, угощаться, разговаривать-сказывать стали. При этом за едою разговоры умножились. Парням рассказал:

— Коня, что серебряными монетами испражняется, — такого коня имею.

На это парни: «Продай» говоря, пристали. Ради сильных упрашиваний, из-за жадности к большим деньгам, продать согласился.

На другой день купеческие сыновья приехали погостить, привезя с собой разной пушнины и серебра. Обманщик-Просмешник своей лошади в задний проход монет двадцать засунул. Вот когда, придя, увидели — Обманщика-Просмешника лошадь действительно монетами испражняется. Парни: «Диво» говоря, подивясь, «Удивительно» говоря, удивившись, как большое нашедшие, над пахами коня знак тамгу [1] отметив, шумно домой отправились.

Прибыв домой, хвастаясь перед женами, заставили эту лошадь испражниться. Когда же лошадь будет серебром испражняться? Просто очень много выложила. Жены парней многими порицаниями упрекнули. Парни, сильно разгневавшись и раздосадовавшись задавшись мыслью о мести, к Обманщику-Просмеш-

нику с шумом приехали. Обманщика-Просмешника дома не оказалось; убив его жену, вытащили на улицу и повесили на коновязь, затем подожгли дом. На другой день видят — Обманщик-Просмешник, жену в гроб положив, пепел дома своего собрав и в ящик насыпав, мимо ихнего дома по городской дороге поехал.

Через несколько дней Обманщик-Просмешник вывез из города много товара, одежды, конфет, сахара и разного другого.

И вот, приехав, говорит тем парням:

— Дети мои, думая, что худое мне сделали, приобщили вы меня к пище, еде.

Вот парни, любопытствуя: «Расскажи» — стали приставать. На это, только их упрашиваний ради, Обманщик-Просмешник рассказал, что тело умершей женщины и сгоревшего пепел дома в городе ценятся на очень большие деньги. «Мертвую жену, затем пепел своего дома продав, вот что везу» говоря, вокруг себя указал.

Парни, вбежав, ударами убили жен своих, дома свои дымокурами зажгли. После этого, на рассвете, трупы умерших жен и пепел своих домов на сани положив, в город отправляются. Когда в городе хотели продать, их схватили и в тюрьму заперли. Довольно долго продержав, выпустили.

Парни врага во что бы то ни стало убить порешили. Когда приехали, Обманщик-Просмешник, снова женившись, богатея, живет, оказывается. Наши люди, без промедления схватив, в большую, высокую суму засунув, зашнуровали. Затем, чтобы в прорубь спустить, с шумом к реке приволокли. Придя, прорубая прорубь, застучали.

Несчастье найдет дорогу, неудача — удобный случай, — позабыли они сачок, чтобы черпать разбитый лед. Ни один не хотел итти, а когда пошли все втроем, чтоб принести сачок, благородный по виду на тройке лошадей человек приехал и на кучах мелкого льда у проруби лежащую суму пинает. Обманщик-Просмешник:

— Лежу и глаза лечу, — кричит.

На это человек этот, с плохими, больными гла-

зами оказывается, просит Обманщика-Просмешника:
— Меня вылечи, помоги.

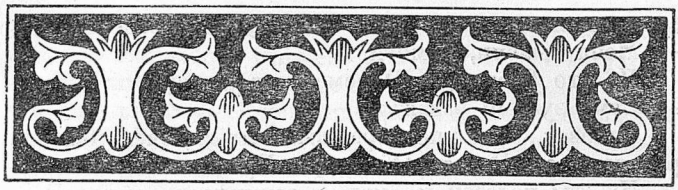
На это Обманщик-Просмешник-удалец:
— Суму зубами развяжи.

Человек, желая поскорее вылечиться, очень быстро развязывает. На это Обманщик-Просмешник:
— Ну, ты полезай и лежи, я зашнурую.

Человек легковерно в суму залезает и ложится там. Обманщик-Просмешник, завязав и зашнуровав, усевшись в сани, поехал. Парни-удальцы, принесши сачок, вычерпав из проруби кусочки льда, эту суму приволокли и с плеском в прорубь бросили, не слушая, что тот, бедняга, просил:
— Не трогайте, лежу и лечу глаза.
— Черный плут, даже до смерти с червями, — говоря, под лед затолкали. После этого победителями: «С пеплом развеяли» думая, по домам разошлись. Через три дня Обманщик-Просмешник на тройке лошадей к кононовязи подъехал. Парни на улицу выбежали. Расспросив, узнали.
— В воде так называемая страна сюллюкинов [2] есть, оказывается; очень богатая, обильная страна. Три дня поработав, три коня и на трех коней упряжь за работу получил, — рассказал.

Парни, всему поверив, Обманщика-Просмешника просить стали:
— Прежнюю вражду пусть огонь подожженной травы спалит, теперь ты старший наш брат будь, поэтому нас богатства и пищи не лишай, устрой хорошее, в эту сюллюкинов страну отправь.

Обманщик-Просмешник, три сумы взяв, по-отдельности парней вложив, прорубь вырубил и в реку спустил, говорят.



ЛУЧШЕЕ ИЗ ЛУЧШИХ

Чачакаан-Чачакаан-старуха зимним морозным утром, взяв два турсука, черпать воду вниз к реке спустилась. Подойдя к проруби, расколов лед и сачком вычерпав льдинки, хотела набрать в турсуки воды; не сумев, на гладко замерзших брызгах поскользнувшись, упала и воду всю пролила. Пока, бедный человек, охая и ахая, собиралась подняться, пролитая вода ко льду старуху крепко приморозила.

Чачакаан-Чачакаан несчастная, барахтаясь, обессилела, потерявши силу, крепко примерзшая, лежа, зимнего солнца восход увидев, сказала, говорят:

Чачакаан. Солнце! Солнце! Мощь твоя велика ли?

Солнце. Мощь моя куда же денется? Я ведь лучший из живых.

Чачакаан. Если ты такой лучший из лучших, поэтому черная туча застит тебя, закрывает?

Солнце. Черная туча, значит, лучше лучшего.

Чачакаан. Черная туча лучшая ли из лучших?

Черная туча. Мое лучшее из лучшего куда же денется?

Чачакаан. Хотя ты и лучшая из лучших, почему ветер раздувает?

Черная туча. Ветер-удалец лучше лучшего, значит.

Чачакаан. Ветер-удалец, лучший ли из лучших?

Ветер. Мое лучшее из лучшего куда же денется?

Чачакаан. А почему, каменная гора, мешая, обратно гонит?

Ветер. Каменная гора лучше лучшего, значит.

Чачакаан. Каменная гора лучшая ли из лучших?

Каменная гора. Мое лучшее из лучшего куда же денется?

Чачакаан. Но почему же серая мышь насквозь пробегает?

Каменная гора. Серая мышь лучше лучшего, значит.

Чачакаан. Серая мышь лучшая ли из лучших?

Серая мышь. Мое лучшее из лучшего куда денется?

Чачакаан. Но почему собака отважная, поймав, съедает?

Серая мышь. Собака отважная лучше лучшего, значит.

Чачакаан. Собака лучшая ли из лучших?

Собака. Мое лучшее из лучших куда же денется?

Чачакаан. Но почему же человек-удалец убивает?

Собака. Человек-удалец лучше лучшего, значит.

Чачакаан. Человек-удалец лучший ли из лучших?

Человек. Мое лучшее из лучших куда же денется?

Чачакаан. Но почему же абаасы съедает?

Человек. Абаасы-чудище лучше лучшего, значит.

Чачакаан. Абаасы-чудище лучший ли из лучших?

Абаасы. Мое чудище, лучшее из лучших, куда же денется?

Чачакаан. Но почему же шаман-парень, поймав, в нижний мир отправляет?

Абаасы. Шаман-парень лучше лучшего, значит.

Чачакаан. Шаман-парень лучший ли из лучших?

Шаман. Мое лучшее из лучших куда же денется?

Чачакаан. Почему, в огонь падая, умираешь?

Шаман. Огонь лучше лучшего, значит.

Чачакаан. Огонь-чудище лучший ли из лучших?

Огонь. Мое лучшее из лучших куда же денется?

Чачакаан. Но почему же вода гасит?

Огонь. Вода лучше лучшего, значит.

Чачакаан. Вода лучшая ли из лучших?

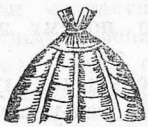
Вода. Мое лучшее из лучших куда же денется?

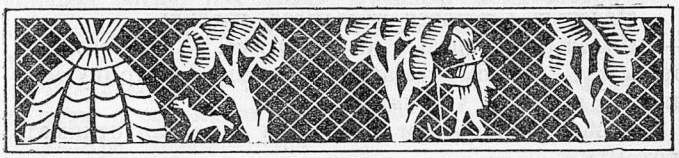
Чачакаан. Но почему же земля, впитывая, высушивает?

Вода. Земля лучше лучшего, значит.

Чачакаан. Земля лучшая ли из лучших?

Земля. Мое лучшее из лучших куда же денется?





МАЛЕНЬКИЙ БОГАТЫРЬ В СЕРОМ ЗИПУНЕ

Давно, давно, когда еще люди некрещеные были, одинокий человек жил. Надоело ему на одном месте жить, и вот в один прекрасный день он, сам не зная куда, пошел.

Шел, шел, наконец в один город пришел. Видит, стоит высокий дом. Вошел, а в нем живут, оказывается, сорок восемь разбойников, разоряющих города Сибирь-страны. [1]

Разбойники обступили парня и убить его угрожают.

— Ради бога не убивайте, я буду вашим товарищем, буду, вместо слуги, обед вам готовить, — как мог, человек тот взмолился. Разбойники смилостивились и в живых его оставить решили. Вот парень живет у них, готовит еду и смотрит за их хозяйством, когда они на разбой уходят.

Однажды разбойники видят, что на другой стороне города красная луна взошла, которая, приближаясь, все более и более разрасталась. Когда приблизилась, оказалась эта луна лицом маленького человека в сером зипуне с большой, больше себя, медной пуговицей; он верхом ехал на маленькой лошади, всего по второму году.

Человек этот к разбойникам во двор заехал, лошадь к коновязи привязал и в дом вошел.

Разбойники накинулись на него, говоря.

— Зачем приехал? вот мы тебя убьем.

Маленький человек взмолился, говоря:
— Подождите, друзья, не убивайте! Я привез вам посылку, — в дом кожаную высохшую котомку внес и стал греть ее у огня.

Разбойники кругом обступили и начали отнимать котомку.
— Друзья, подождите, — остановил их маленький человек, — садитесь все вокруг стола, я котомку раскрою.

Разбойники расселись, и маленький человек котомку на стол положил. Когда же все они наклонились над котомкой, маленький человек вынул меч и сразу одним ударом головы им отсек. Сделав это, все головы подсчитал и сказал:
— Всего сорок восемь голов, а мне казалось, что разбойников сорок девять; значит, я ошибся. — Потом на своего коня богатства их погрузил и уехал.

Тот парень все время в погребе просидел и вылез только после отъезда маленького человека. «Все равно, не прожить мне здесь» — подумал, запасся пищей на два, на три дня и, сам не зная куда, отправился.

Шел, шел и, наконец, в один город пришел. В одну лавку зашел, а там стоит богатырь, убивший разбойников. Лавочники, посмеиваясь, богатырю говорят:
— В шляпе-шапке и в сером зипуне, Серенький богатырь-купец, почему все эти товары не скупишь? Небось, денег нехватит!

Подмигнул богатырь нашему парню и на улицу вышел. Парень за ним. Богатырь спросил:
— Не хочешь ли ты поступить ко мне в работники?

Парень тот согласился.

Через несколько дней богатырь, на своего коня нагрузив сорок пудов клея и сорок пудов мамонтовых клыков и на круп лошади работника посадив, к себе домой поехал.

Когда приехали, богатырь работнику расседлать коня велел, а сам в дом вошел. Работник бился, бился; и хотел бы выполнить приказание хозяина, но ничего поделать не мог: слишком тяжела эта

упряжь! Долго без толку мучился, пока сестра хозяина-богатыря из дому не вышла и коня не расседлала.

— Бедняга, какой ты слабый, не можешь даже этого сделать, а сам приехал в такую даль, — сказала.

Сестра хозяина сильно работнику приглянулась, и, когда все спать улеглись, ночью он к ней пошел. Но, когда до нее только шаг оставался, дыханье спящей отбросило его назад, и никак не мог он приблизиться.

Утром сестра богатыря вместе с работником возить на быке сено отправилась. Работник в своих ночных похождениях признался. Женщина эта сказала:

— Я — сильная богатырша, брат тоже богатырь. Если он рассердится, — гору куда угодно перенесет. А на мне жениться сильнее меня человек может. Если не веришь, попробуй-ка, наступи мне на мизинец.

Когда работник встал на ее мизинец, девушка совершенно свободно его от земли подняла.

Стыдно стало работнику, что женщина сильнее его; предложил, чтоб встала она на его мизинец. Как только девушка встала, мизинец его хрустнул и сломался.

Когда домой приехали, брат сестру попросил приготовить еду. Она в большой котел сорок пудов клея положила, сорок пудов мамонтовых бивней и сорок пудов слюды и это три дня разваривала (когда еще уварится мамонтова-то кость!).

Когда, наконец, похлебка уварилась, богатырь с сестрой по шести ковшей выпили, работник с большим трудом два с половиной ковша одолел и этим от хозяина похвалу заслужил:

— Столько, — сказал, — могут только сильные люди! — и в награду обещался с собой работника взять, когда поедет с нечистым богатырем-абаасы сражаться.

На другой день, рано утром, нагрузив на лошадь десять пудов масла и десять пудов коровьих ног, богатырь с работником выехали.

Через долгое время в каменную тундру прибыли и в пустой каменной крепости остановились.

Отдохнув, как следует, богатырь сказал работнику:
— Здесь три погреба: ты их водою наполни. Когда я стану воевать с злым духом, голова и копыта моего коня докрасна раскалятся, потому что они из железа. И для того, чтобы охладить их, я выкупаю в этих погребах моего коня.

В это время в крепость заехал один проезжий богатырь и сказал:
— Недобрый богатырь-абаасы тебя на битву в чистое поле зовет!

Услыхав это, наш богатырь снарядился и уехал, работника своего оставив.

Через два дня, к вечеру, краснея, подобно луне, вернулся и вместе с конем спустился в три наполненные водою погреба.

Выйдя из воды, работнику наказал:
— Я теперь буду спать три дня и три ночи, ты же никуда от меня не отлучайся.

Когда богатырь заснул, работнику страшно захотелось на убитого абаасы посмотреть. И он по следам коня своего господина пошел.

Пройдя немного, работник что-то большое, словно бы гору, увидел. Подошел ближе — а это мертвый демон-абаасы. Кругом его обошел и увидел на безыменном пальце золотое кольцо. Страшно понравилось оно работнику, и он потянул кольцо к себе. Вдруг жилы пальца демона-богатыря стянулись и работника зажали. И он умер бы, если бы в это время богатырь-хозяин не подоспел.
— Плут, разве я тебе не говорил, чтобы ты никуда не ходил; на, пользуйся же кольцом! — сказал, освободил работника и кольцо ему бросил; оно на того наделось как обруч. Работник схватил кольцо и положил в карман.

Когда домой вернулись, богатырь сестру свою за работника выдал, им половину богатства своего отдал и сам куда-то уехал.

После его отъезда молодые решили на родину мужа уехать. В дороге у них родился сын. Когда уже близка была родина работника, встретился им брат-богатырь; узнав, куда они едут, всем троим на левые глаза дунул, и они ослепли на левый глаз. Так наказал сестру, работника и их сына за то, что его оставили.

Приехав на место, муж и жена в плохой старой юрте поселились. Когда сын их подрос и уж бегать начал, случилось через этот город проезжать одному сильному казаку:[2] он так отличился силой, что его царю напоказ везли.

Этот казак, однажды прогуливаясь по городу, в юрту вошел, где жила семья сестры богатыря. Он мяч увидел, которым этот мальчик играл. Этот мяч поднять пожелал. Как ни бился, даже с места сдвинуть не смог. Тогда мальчика отец про все эти дела рассказал и казака вернуться назад убедил.

ЧИРОК И БЕРКУТ

В южной стране птицы всем своим народом собрались на большое собрание:

— Наша земля и место очень жарко и знойно, а летом безводно: наши яйца все гниют, умирают. Выбрав себе господина, пошлем-ка его на север, поискать вам земли-места.

Собравшись, выбрали себе господином Беркута и сказали:

— Ты, господин-птица, садящаяся на сухих, безводных местах; ты, что питаешься четвероногими и крылатыми. Ты превосходишь нас и ростом, и умом; ты отправляйся в путь.

Распростясь со своей госпожою-женой и детьми, Беркут полетел, бросая большую черную тень. После того как господин Беркут отправился, птичка чрезмерно маленькая, именем Чирок, утиной породы, с очень красивыми перышками и пухом, стала увиваться около жены Беркута. Вот заметила это госпожа и дала ей какое-то поручение. Чирок-парень на поручение оказался весьма расторопный, на ходу оказался скорый. Вот они с госпожой подружились, потом полюбились, а потом вошли в любовную связь. Счастье-блаженство птичке-чирку: целый год жил мужем этой госпожи.

По прошествии целого года Беркут-господин прилетел, бросая мрачную тень. Когда прилетел, собрался весь птичий летающий люд, именуемый крылатым, говоря:

— Что-то, какие-то слова, какие-то вести привез видный наш господин? В каких-то местах побывал? Услыхать бы скорее.

— Ну, господин наш, ты в каких же местах побывал? — сказали.

— Э, напрасно я туда и ходил. Для птиц, садящихся на деревьях, там нет ни одного дерева; для птиц, плавающих по воде, нет ни одного озера; ни одной ложбины нет для плавания. Туманом, ветром, вихрем крутит эта земля, — сказал Беркут.

— Тый! Что это? Парень, уйди. Муж пришел, — сказала госпожа Беркутиха, когда прилетел к ней Чирок.

— Потому-то вот я и пришел. Ведь в народе никто обо мне не спросит, говоря: «Где, куда ты ушел?» Разойдемся, полюбившись, простившись, заветные слова друг другу сказавши.

Вот залез Чирок в громадное гнездо Беркута и лежит, целуясь, нюхаясь с госпожой. Вдруг увидал: летит, возвращается Беркут.

— Ой, куда я пойду, где спрячусь? Если выйду, увидит, — сказал.

— Иди, сядь на сучок под гнездом: теперь темно, близорукая птица не увидит, — сказала госпожа Беркутиха.

Чирок сел, прицепившись к суку. [1]

Прилетевши, Беркут-господин сказал жене:

— Ну, друг. Снаряжай-ка ноги наших детей. Там, на севере прекрасное место. И прохлады столько, и лесу столько, и, чтобы защититься, каменьев столько, и животных — добычи столько.

— Сколько же народа туда едет? — спросила госпожа Беркутиха.

— Нет, я сказал им, что то место крутится, ветром леденит, морозом невыносимым. Для чего говорить им правду? Мы сами, пойдя туда господином и госпожой, свободно расплодимся, — говорит голос господина Беркута.

Потом послышался звук; кажется, начал ее цело-

вать-любить. Что же будет делать человек, не встречавшийся с женой целый год?

Услышав это, Чирок в мыслях ревнует. (Тот, что целый год имел ее женою, ведь тоже не виноват.) Ревнуя в мыслях, вскричал: «Чус» — и слетел проворно. Испугавшись этого, господин Беркут с криком: «Ой» — встрепенулся, и гнездо его на землю свалилось.

— Это чей голос? — спросил он у жены.

— Чей голос? Разве это не сломался упавший сук? — говорит жена.

— Или то, — говорит господин Беркут.

Когда утром собрались птицы на собрание, Чирок, придя, рассказал: так и так, на севере хорошая очень земля.

— А ты почему знаешь? — спросили.

— Я залез под гнездо господина Беркута, думая, что он расскажет своей жене; когда я сидел, он и рассказал. Да еще у него гнездо в то время свалилось; поэтому вы узнаете, что я говорю правду, — сказал Чирок.

— Ну, а если твоя правда, то мы выберем другую почетную птицу и пошлем. Так начавши, нельзя оставить.

Вот пришел господин Беркут, шагом, не торопясь.

— Каково ночевал, старец? спросили все.

— Гнездо мое свалилось, — сказал господин Беркут.

На то народ перемигнулся: «Значит-де» Чирок правду сказал. И собрание сказало слово:

— Вот ты, наш господин Беркут-старец, сказал, что там, откуда приходит прохладный ветер, ничто не может жить. Не с радостью выслушали это; думали было, что там непременно должно быть хорошее место. Как бы ты ни желал нам добра, может быть не попал на него. Думаем послать другую почетную птицу; за то, что мы с тебя снимаем должность, будешь ли обижаться? — сказали.

— Зачем стану обижаться? Обижаться тут не у места, — сказал Беркут.

На то весь пернатый люд, называемый птицами, обратившись к Журавлю, сказал:

— Господин Журавль, почетный старец, лучший из нас. И летаешь ты хорошо, и собой очень видный. И на сухом месте ты опускаешься, садишься и червей ешь. Да и в воде тоже пешком бродишь, лягушек есть любишь. Поэтому выбираем тебя господином, посылаем осмотреть это место и притти.

— Хорошо, пойду. Благодарю, что выбрали, — сказал Журавль и потом вошел в середину народного собрания.

Говорят, тогда была маленькая, невзрачная, короткая утка, по имени Лахатта.[2] Вставши, эта утка сказала:

— Досада какая. Обществом-собранием выбрали вы самую бестолковую птицу. Она животное только тем, что ноги длинны; только своим вечерним дурацким криком, только вытянутой шеей — скотина. Какая память, какой ум, думаете вы, у него в голове, что внутри этого животного... По моему мнению, этот зверь дойдет до какого-нибудь озера, наестся лягушек-ящериц, да и воротится.

Услыхавши это, Журавль напал на Лахатту. (Напавши, разве не пересилит?) Избил ее так, что она не могла встать. Переломил кость крыла и ноги, собирался жизни лишить, да народ заступился. Едва дыхание осталось у Лахатты, она и говорит:

— Ой, больно, невыносимо больно. О, несчастье мое, мученье. Это вот, должно быть, называют, что, «кто бы ни был, волен говорить среди общества какое бы то ни было слово», а если скажет виновное слово и вина его докажется народом, то за вину будет отвечать. Посмотрите, какой умный, хладнокровный ваш выбранный. Ой, как горько меня убил.

— В самом деле, напрасно ты, господин наш, так рассудил. Все равно, ее вина была бы доказана. Мы бы еще и должность с тебя сняли, да другого порядочного у нас нет, — сказали.

На то Лахатта, лежа, визжит:

— Что за досадные. Говорят, что нет у нас никакого порядочного. Разве не видите, вот сидит молодец-Орел, и по имени-то господин. Кто усмотрит так далеко, как он? Кто залетит так высоко, как он? Кто умен так и великодушен, как он? Вы, другие, запутались бы в длине одного своего клюва.

— Ведь и в самом деле. Он наш природный, лучший, почетный, умный и сильный. И, правда, кто доберется туда, куда он доберется? Кто рассудит то, чего он не рассудит? Выберем его, попросим, — сказавши, шумно выбрали Орла, послали.

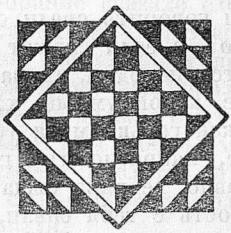
Птица-Орел, прилетев со свистом, посмотрел эти места; прибыв назад, рассказал: такие-то отличные места, что ни один птенец не погибнет, ни одно яйцо там не сгнпет.

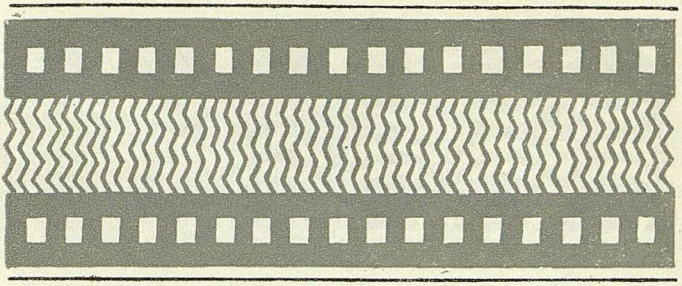
Вот все собрались шумно, чтобы лететь туда. Тут и скажи птица, называемая Лахаттой:

— Если здесь одна останусь, разве я не умру?

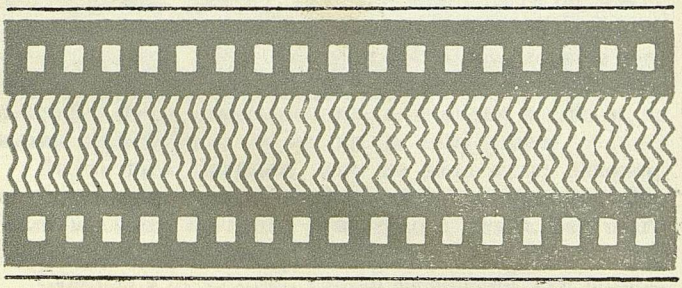
Все, собравшись, распорядились так, чтобы каждый год туда улетать и сюда возвращаться, а Журавль чтобы сажал себе на спину птицу, называемую Лахаттой, и возил на себе: ведь он виноват, что сломал ей крылья и ноги.

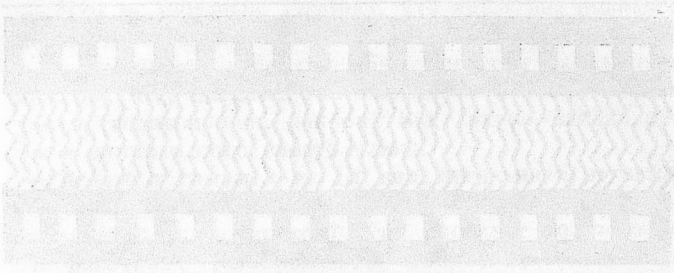
Вот почему Журавли перестали сюда прилетать, как бы следовало. И Беркут живет с тех пор, прячась по лесам. А Лахатте имя нынче Богоргоно; [3] сюда она не приходит, не прилетает. Это этим кончается.

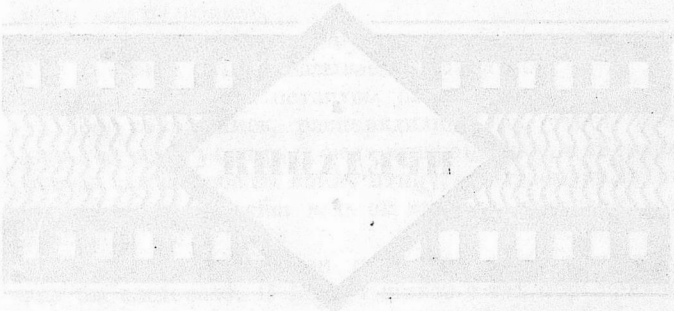


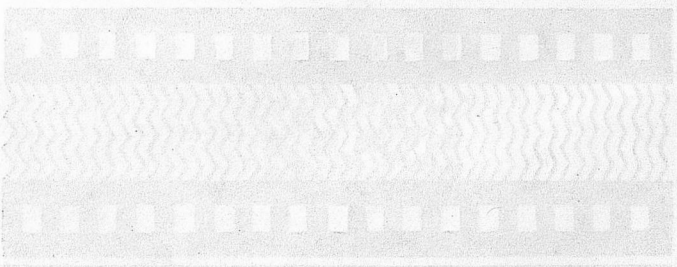


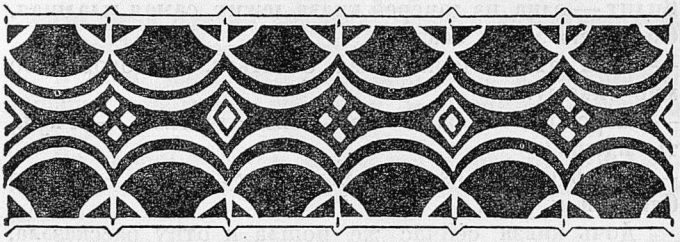
ПРЕДАНИЯ











СЯЯПИЛЯ

Родоначальником Нахаарского рода [1] Угулятского наслега считается некрещеный якут Хаантыры, от русских убежавший во время завоевания края. Прибыл он в нынешний Угулятский наслег пешком, сопровождала его только мать. В то время в здешнем краю жили тунгусы, якутов не было. [2] Хаантыры разжился, от девяти жен много детей народил; из них был наиболее знаменит сын его Сяяпиля.

Однажды Сяяпиля так своими шалостями отцу досадил, что тот, желая избавиться от сына, шамана камлать заставил, чтобы сына к злым духам отослать.

Во время камлания Сяяпиля по головам собравшихся ходил, говоря: «Негоже мне ходить по земле, я должен скоро уйти к духам», а затем на середину юрты прыгнул. Хаантыры, рассердившись, копье в него бросил, но Сяяпиля ловко увернулся, и копье вонзилось в землю. Духи отказались взять Сяяпилю к себе, и, не желая ссориться с отцом, он из дому ушел.

Долго шел Сяяпиля, сам не зная куда; наконец, в совершенно неизвестную местность пришел. Это были владения богатого тунгусского князя. Там всего девять чумов стояло.

Сяяпиля в последний, самый маленький чум вошел.

Видит — одна из дочерей князя лежит, самая младшая. Он с нею лег и сказал:

— Если ты хочешь жива остаться, не говори обо мне никому!

— Хорошо, не скажу, — дочь князя ответила. — А куда ты идешь?

— Здесь близко озеро, я выкупаюсь, пойду, — сказал Сяпиля и ушел.

Дочь князя сейчас же пошла и отцу рассказала. Князь много тунгусов собрал и на озеро с ними пошел. Там купается Сяпиля — видят; стали стрелы в него пускать. Но Сяпиля увертывался так ловко, что ни одна в него не попала.

Когда у тунгусов стрелы кончились, Сяпиля голый на берег выскочил, кого свалил, кого чуть не убил, и бежать пустился.

Тунгусский князь, видя, что Сяпиля человек сильный и ловкий, ему закричал:

— Постой, не убегай! Ты ведь, оказывается, знаменитый человек. Я тебе свою дочь в жены отдам и в приданое половину всего моего богатства!

Сяпиля возвратился, дочь князя в жены взял и вместе с тунгусами жить стал.

Однажды в чум к Сяпиле незнакомый человек вошел. Посидев, он без всякой причины ругать хозяина стал:

— Это ты, должно быть, пожиратель сырых карасей, сын Хаантыры, Сяпиля-плут!

Сяпиля рассердился, на пришельца закричал:

— Ты чем лучше меня? — и копьем в него бросил.

Гость увернулся и бежать пустился. Сяпиля за ним погнался, но раздумался: «Если его настигну сейчас и убью, не будет мне никакой славы. Лучше домой вернусь, вооружусь и по следам оскорбителя снова пойду».

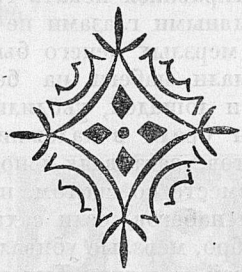
Так и сделал. Беглец богатый был человек, по дороге большое оленье стадо его паслось, и амбары его, полные мехами, стояли. Сяпиля оленей разогнал, амбары разорил и, сказав:

— Он меня плутом называл, доброго нельзя ожидать от плута! — обратно вернулся.

Хозяин, узнав, что разогнано стадо и расхищены амбары, сородичей собрал и за Сяпилей в погоню пустился.

По дороге тунгусы много потухших костров Сяпили увидели, много стружек и окровавленных костей нашли.

— Если бы Сяпиля не был богатырем, он не ел бы кровавого, полусырого мяса; так делают только сильные люди, — сказали и в испуге обратно вернулись.



ОЙУН-КЭРЭКЭЭН-МОХСОХУ

Когда русские казаки окончательно разбили Тыгына,[1] недалеко от Сайсары,[2] домашний Ойун-Кэрэкээн-Мохсоху[3] отправился искать такого места, куда бы мерзлые с ледяными глазами не могли добраться.

Хорошего от мерзлых нечего было ожидать. Они каждый день делали набеги на беззащитных саха, отнимали быков и лошадей, уводили с собой женщин и детей. Женщин брали в наложницы, а мальчиков обращали в кулутов,[4] заставляя исполнять тягчайшие работы и жить вместе со скотом, на холоде и впроголодь. Во время набегов, если саха сопротивлялись, защищая свое добро, мерзлые убивали их беспощадно.

Перед отправкой в дорогу Тыгын приказал Кэрэкээну просить у Юрюнг-Айыы-Тойона и Уордаах-Джесегея, чтобы они указали безопасное место земли, мерзлые не пришли бы.

В ответ на мольбу Кэрэкээна Уордаах-Джесегей повелел гнать белыми шестами лучшего жеребца хозяина восьми кобыл и итти за ним. Где жеребец с кобылами остановится, там и будет удобное житье.

Кэрэкээн так и сделал.

Он созвал жен, детей, кулутов, хамначитов,[5] собрал все свое богатство и погнал белыми шестами жеребца с восемью кобылами на поиски лучшего места. Жеребец поплыл на правую сторону Лены, несмотря на то, что в этом месте река была семь верст ширины, а к

тому же шел дождь и бушевал сильный ветер, что послал уу-иччитэ.[6] Ловко справляясь с волнами, хлеставшими в лошадиные морды, все благополучно переплыли Лену. Долго жеребец ходил, не останавливаясь, а за ним шел Кэрэкээн, погоняя его белыми шестами; наконец остановился в двухстах двадцати верстах от Сайсары, в елани у девяти курганов. Елань эту Кэрэкээн назвал Тохтомул, что значит — остановка. Она лежит на левом берегу речки Намкара, притока Таатты, впадающей в Алдан. Здесь у подошвы самого большого кургана, насыпанного среди малых курганов, встал жеребец, указав место для житья.

Но Кэрэкээн прожил на том месте недолго, потому что мерзлые и здесь нашли его и жилище его разорили. Однако следы бывшего жилья не исчезли, хотя с тех пор прошло триста лет; их можно рассмотреть и теперь.[7]

СКАЗАНИЯ О ДРЕВНИХ БОГАТЫРЯХ И БИТВАХ

Старики рассказывают: на востоке, у Охотского моря, обитал когда-то один якутский род. Весь род истребили, напав, вражеские племена; уцелел лишь один Омогой-Баай-господин; вместе с женою, с двумя дочерьми и с двумя работниками он убежал на север.

В то же время на юге, у Байкал-озера, расселился другой якутский род, и возникло отдельное государство, названное Урянхай. Урянхайский царь приказал: убивать всех стариков, кто дожил до восьмидесяти лет.

Один родович-урянхаец, именем Эр-Соготох-Эллей, не послушав приказа, скрыл своего отца — старика восьмидесяти лет: запрятал его в суму и так укрывал три года. Когда же на государство Урянхай напали братские,[1] вещий старик сказал сыну: «Эр-Соготох-Эллей, пойдем на север, где течет большая река, Леною называемая!» Долго шли беглецы, и, когда показалась Лена, большая река, умер отец Эр-Соготох-Эллея. Перед смертью велел он сыну спуститься вниз по течению, на север, — там предопределено было Эллею найти Омогой-Баай-господина[2] и взять его дочь себе в жены.

Эр-Соготох-Эллей сделал плот и поплыл вниз по Лене. После долгого плавания, пристав к берегу, утомился, заснул. Во время сна подошли к нему парни — работники Омогой-Баая; разбудили, спросили — откуда и кто. Ничего со сна не разобрав, вскинулся Эр-Эллей: «Это братские!» — и убил обоих на месте. Пово-

лок тела за ноги, сбросил в воду. Не дождавшись парней-работников, идет на розыски господин Омогой-Баай, идет по следам, и следы приводят к стоянке Эллея. Борозды на прибрежном песке громче слов говорят, куда девались пропавшие.

— Кто ты, как убил моих работников, для чего забросил их в воду? — спрашивает Омогой-Баай. Эр-Эллей на это:

— Я человек очень всполошный, пугливый; парни меня со сна испугали; не распознав, по ошибке, подумав — «братские», я их убил.

На это Омогой-Баай:

— Я тоже беглец. Если нечаянно, ненамеренно, по ошибке убил, — выходи, живи у меня.

Три года прожил Эр-Эллей в работниках у Омогоя. За работу, за прилежание назначил ему Омогой в награду старшую любимую дочь, красивую Чуонактай. Эр-Эллей не просит ее; просит младшую, нелюбимую, Сыпшай. Старики на это обиделись; отдали Эр-Эллею младшую, нелюбимую дочь Сыпшай, наградили молодых одной стельной коровой да одной кобылой — и прогнали их от себя.

На другой стороне реки зажил Эллей хозяином. Скот его быстро плодится, не пропадает приплод, растет богатство. Он не знает счета своим стадам, промышляет, добывает, и люди Омогой-Баая переходят к нему.

Однажды весной сделал богатый Эллей много резных деревянных кубков, конским волосом обвил их подножья; счастливая жена его, некрасивая Сыпшай, приготовила кумыс в кожаном турсуке. Гладкий двор чисто вымели; рощу зеленых березок наставили. Дымокуры зажгли. Дальних и близких соседей созвали; и Омогой приехал. Это был первый на земле ысыах.

После ысыаха Омогой-Баай выделил зятю своему Эр-Эллею половину своих богатств. А старшая любимая дочь, красивая Чуонактай, завидуя сестре, удавилась, и первая из людей обратилась в юер.

Хорошо, привольно жил Эр-Эллей; длинная благодать его не покидала, широкое богатство растянулось с неизменным счастьем. Такой пар клубился от табунов, такую пыль подымали стада, что солнце и месяц меркли, словно в тумане. От Эр-Соготох-Эллея родился Тыгын, знаменитый якутский царь.[3] Он так был неутомим, что в два дня проделывал путь из Якутска в Вилюйск; ночевал в средине пути в местности Ортосуут, что в пятнадцати верстах от станции Балаганнахской.

От девяти жен его родились девять могучих сыновей. Почти всех их Тыгын убил; опасался от них худого — чтобы не завидовали его славе.

Сыновья Тыгына такие:

Муос-Тириляях — тело его было из мамонтовой кости. Когда Муос-Тириляяху исполнилось семь лет, он стал исчезать из дому и не возвращался по нескольку дней. Отец его Тыгын однажды пошел за ним и нашел его, спящего, на горе в двадцати верстах. Вернувшись домой, Тыгын стал выпытывать у матери Муос-Тириляяха — где у сына ее уязвимое место. Под угрозой смерти женщина рассказала, что только подмышкой у Муос-Тириляяха живое мясо, все же остальное — мамонтова кость. Тогда Тыгын, воткнув сыну подмышку копье, умертвил его.

Другой сын Тыгына — Таас-Уллугах, прозванный Каменные Пятки; при беге его дрожала земля, и, когда убил его Тыгын, вынули из пяток его два больших камня.

Еще был сын Уолусхан, — у него было сердце, покрытое шерстью. И его умертвил Тыгын, отец его; также и остальных.

Однажды Тыгын услыхал, что у моря живет знаменитый богатырь, по имени Хара-Уол, и пошел убить его, вместе с сыном своим Чаллайем. Когда пришли, дома была только мать Хара-Уола. Принимая пришельцев, она сказала:

— Если встретитесь с сыном моим, мало будет хорошего: он людей не выносит.

— Если он таков, увидимся с ним завтра утром, — сказали те и, поставив урасу по другую сторону озера, заночевали.

Вечером видят: великан несет подмышкой оленя, время от времени машет им, словно веткой. Тыгын и Чаллай, испугавшись, пустились бежать. Когда Хара-Уол догнал их, стали молить о пощаде, — будто без злых намерений пришли — уверяли, и будто хотел Тыгын, зная его славу, предложить Хара-Уолу в жены красивую дочь. Хара-Уол согласился, взял одну из дочерей Тыгына, и она родила Хара-Уолу девять сильных сыновей.

Однажды пришел из Вилюйска знаменитый богатырь Терген-Чоргул и стал ходить вокруг Тыгынова двора. Царь Тыгын, заподозрив недоброе, выслал пришельцу зятя своего Чалданы. Чалданы славился силой; его лук никто не мог бы поднять, а когда он царапал себе живот, разгоняя вшей, — те, кто были при этом, видели, что под оленьей дохой у него железное тело.

По слову Тыгына, вышел Чалданы к Терген-Чоргулу, спросил:

— Что ты за человек? Верно, бродяга, замыслил недоброе.

На это Терген-Чоргул:

— Я человек незаметный, беглый.

И, не противясь, пошел к Тыгыну. Тыгын спросил его:

— Какими уменьями ты обладаешь? Может быть, умеешь бороться или состязаться в беге, или метко стреляешь?

На это Терген-Чоргул смиренно:

— Нет у меня никакого такого уменья.

Тогда Тыгын:

— Может быть, выстрелишь в лоб быку так, чтоб стрела без железного наконечника пронзила череп и вышла насквозь?

— Попробую, — сказал Терген-Чоргул. И деревянной стрелой без железного наконечника пронзил насквозь голову быка.

— Вот хорошо стреляешь, — сказал Тыгын. — Иди-ка с моим зятем Чалданы поохотиться на глухарей; посмотрю я, кто из вас отличится!

Пошли. Завидев глухаря, спрашивает Терген-Чоргул, куда направить стрелу: в глаз ли, в шею или же в кончик клюва. И каждый раз, по указанию Чалданы, попадал стрелою Терген-Чоргул. Вернувшись, сказал Чалданы Тыгыну:

— Худой, опасный человек нашел нас; как-нибудь нам избавиться надо.

Тыгын опять позвал к себе гостя.

— Скажи, друг, где ты живешь?

— Живу я везде, как птица, и даже гнезда не имею.

— Друг, ты, кажется, одиночество любишь; жаль мне тебя удерживать; на память о том, как у нас гостил, возьми моего коня, — так хитрил царь Тыгын.

На это Терген-Чоргул:

— К чему мне коня? Я даже не знаю, как ездят на нем. Если хочешь почтить, лучше меня накорми поплотнее!

— Изжарьте другу моему целого жирного коня; принесите знаменитому полный кубок кумыса, — в радости приказал царь Тыгын.

После такого угощения Терген-Чоргул вернулся в Вилюйск и стал родоначальником вилюйских якутов.

Когда у Чалданы, зятя Тыгына, выросли сыновья, пришли к Тыгыну несколько русских и попросили продать им земли «с бычью шкуру». Посмеявшись, велел Тыгын отвести им клочок земли, такой, что можно прикрыть бычьей шкурой. Разрезав шкуру на тонкие ремешки, русские обвели этой петлей большие пространства земли и построили там деревянную крепость. Тогда устрашились якуты, увидя коварство русских. Была у Тыгына жена-тунгуска, от нее родилось три сына. Они стали стрелять в русских. Так началась война.

Три сына Тыгына и девять сыновей Чалданы, теснимые русскими, убежали. Остались только Тыгын и Чалданы. И русские их убили.

Говорят, один глаз Тыгына весил тридцать фунтов: русские послали его своему царю. Посмотревши на этот глаз, русский царь огорчился, что убили такого богатыря. А когда его убивали, то с одной стороны стоял русский солдат с саблей и с другой стороны солдат с саблей, а посредине сам генерал-губернатор. Когда же кричал Тыгын у озера Нирбаган, голос его слышался на том берегу, за три версты. Вот какой был знаменитый царь Тыгын, якутский вождь, богатырь.

Сыновья Чалданы стали родоначальниками девяти хоринских родов. Три сына Тыгына, рожденные от тунгуски, пришли на Нюрбу.[4] Один из них стал родоначальником Первого Бордонского наслега Мархинского улуса, второй — Таркайского наслега, третий — Омолдонского. У родоначальника Первого Омолдонского наслега не было детей до шестидесяти лет, и то родился сын только после сильного камланья шамана. Родоначальник Бордонского наслега прозывался Сиелляях-Есюрге; вместо волос росла у него лошадиная грива. Сын его Сюлля вызван был по доносу в Якутск к русским начальникам, его хотели пытать, повесив на дерево за ноги; он оттуда сорвался и насмерть разбился.

У Сюлля было семь сыновей, самый младший из них, Онохо, ростом был в пять аршин. Когда Сюлля погиб в Якутске, сыну его Онохо было восемнадцать лет. Он предложил братьям выручить прах отца; братья все побоялись. Тогда Онохо поехал в Якутск один. В то время в Якутске русский начальник был очень грозный. Узнав от людей, где лежит тело отца, Онохо стал рыть могилу. Тогда русский начальник разгневался и приказал его задержать. Онохо грелся у костра, когда пришли за ним русские; он перепрыгнул через костер и схватил свой колчан и стрелы. Русские, испугавшись, ушли назад. Онохо кости отца собрал в мешок, унес на Нюрбу и там схоронил возле озера Менге.

В те времена на Нюрбе жил знаменитый якут,

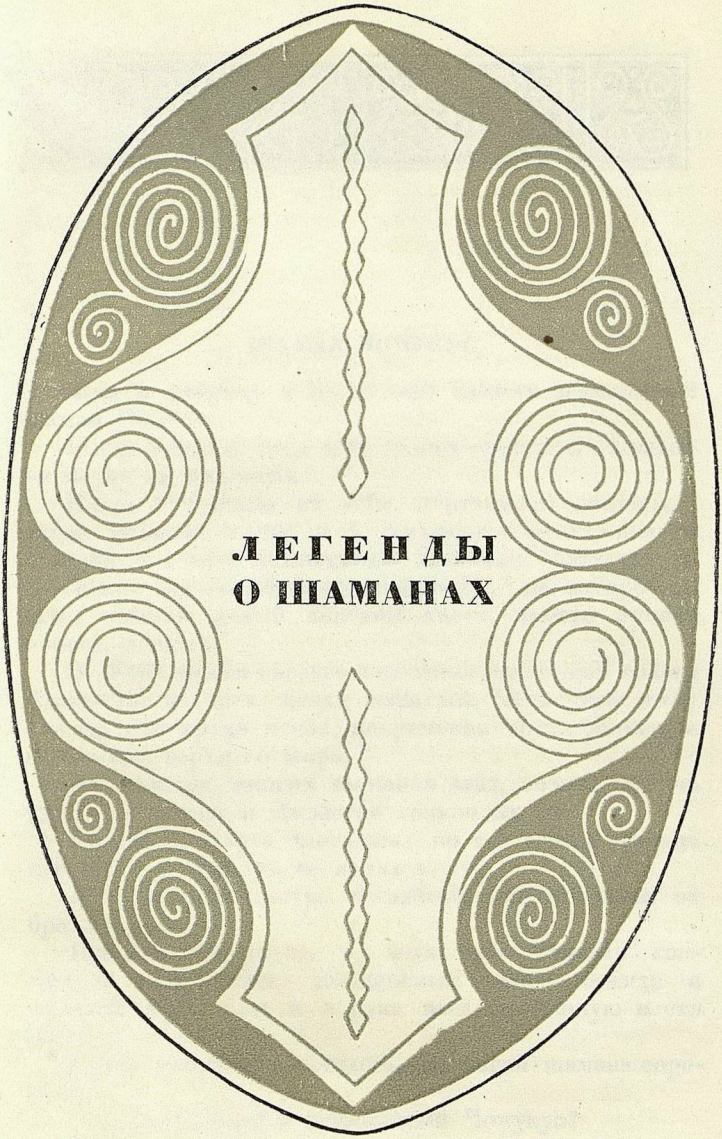
богатырь Деимсе; у него было девять братьев. Они вызвали Онохо на битву. Онохо созвал своих братьев:
— Кто хочет смотреть, как я умираю, едем со мной.

Вышел один из братьев. Онохо поставил его в десяти саженях от себя и, прицелясь, пустил стрелу. Стрела попала в сердце, брат пал мертвый.
— Нет, нельзя было такому итти со мною на битву,— сказал Онохо. И снова стал вызывать: — Не хочет ли кто из вас посмотреть, как я буду умирать?

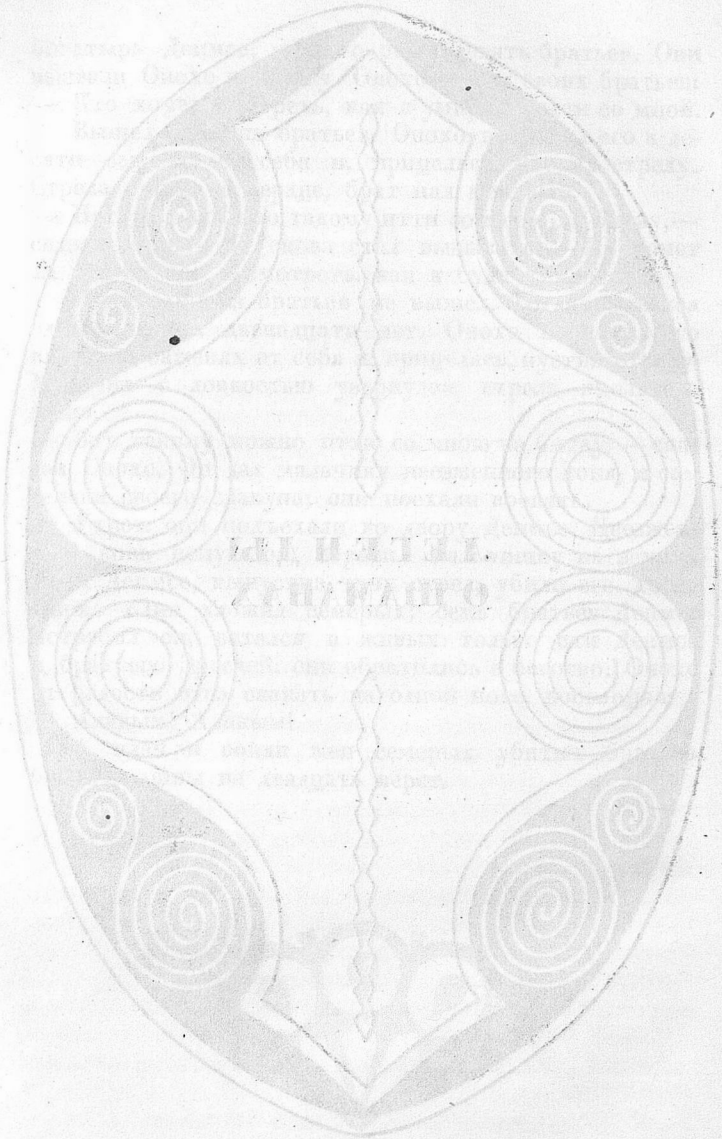
И ни один из братьев не вышел. Тогда вызвался один мальчик двенадцати лет. Онохо поставил его в десяти саженях от себя и, прицелясь, пустил стрелу. Мальчик с ловкостью увернулся, стрела пролетела мимо.
— Вот такому можно итти со мною на битву, — сказал Онохо. Он дал мальчику неезженного коня, и сам сел на своего скакуна; они поехали воевать.

Утром они подъехали ко двору Деимсе. Неезженный конь испугался, сбросил мальчишку на землю; люди Деимсе, выпустив тучу стрел, убили его. Тогда Онохо один уложил семерых; семь братьев Деимсе истребил он, остался в живых только сам Деимсе и брат его Эргедей; они обратились в бегство. Онохо от радости стал скакать на одной ноге, восклицая:
— Алакым! Алакым!

А плач и вопли жен семерых убитых братьев были слышны на двадцать верст.



ЛЕГЕНДЫ О ШАМАНАХ



ШАМАН ЧОЧУКУС

Жил в старину в Кулятском наслеге знаменитый шаман Чочукус.

Когда камлал, умел себе голову срезать и отдельно на полку ее положить.

Когда отправлял на небо жертвенную скотину, [1] люди, жившие в ста и в двухстах верстах, видели шамана по небу летающего. Узнавали Чочукуса по джалбыру-березке, бубен заменяющей, [2] на которой он имел обычай целый конский хвост, вместо пучков волоса, вешать.

В Жарханском наслеге жил тогда известный князец Джалагай, на трех женах женатый. Четвертую жену князец вне время искал, непременно хотел жениться на дочери верхнего мира. [3]

На помощь многих шаманов звал, только помочь никак не могли, и Джалагай сильно их бил.

Не раз Чочукуса приглашал, но тот всегда князьца избегал и в дом его не являлся.

Вот заболела сестра Джалагая; она отдельно от брата жила.

Позвали Чочукуса, и, когда уж камлать кончил, в юрту вошел извещенный тайно князец: в волчьей шубе был и в руке восьмиременную плеть держал.

Когда камланье кончилось, Джалагай шамана спросил:

— Ты ли грозный и знаменитый Чочукус?

— Нет, господин, не слыву знаменитым, но все же голосом пропитанье себе нахожу.

Джалагай:

— Врешь, все тебя зовут знаменитым, и хочу узнать, правда ли это. Не откажи и мне.

— Догадываюсь, просьба твоя будет необычайна, я же над малыми болезнями [4] только тружусь, — попытался шаман возразить.

Князец, слов этих будто не слыша, шаману седлать коня приказал.

Шаман, хотя и сказал, что конь его молод и слаб и с быстрым конем князьца не сравнится, все же в дорогу собрался.

Было все это в ноябре. Джалагай ехал впереди на знаменитом коне яблочной масти, шаман позади, далеко отставая. Увидав, что князец от него далеко уехал, стал Чочукус чмокать губами; тогда от духов, в верхнем мире живущих, спустился конь и в клячу его воплотился. Шаман коня быстрее пустил и мигом князьца догнал. Оставалось еще тридцать верст. Шаман выехал впереди князьца, и конь его шагом шел. Конь князьца шел рысцой и, несмотря на то, далеко отстал от шамана. Джалагай, досадуя, своего коня во весь опор погонял, — напрасно, конь шамана не поддавался. Джалагай, взмылив коня своего, наконец упросил шамана, чтоб ехал сзади.

На место приехали. Конь шамана через забор перескочил, конь князьца не смог и сломал две верхних жердинки.

Жилая юрта очень была обширна; внутри в трех помещениях крытых сидели жены князьца.

В юрту войдя, Джалагай велел расстелить на скамейку медвежью шкуру. На ужин шаману на медном блюде восемь жирных лошадиных ребер принесли; деревянную миску налили молока.

Чочукус из ножен нож достал и ребра разрезал вместе с медной тарелкой; как бы удивившись, сказал:

— Какое некрепкое!

Взял четыре ребра, говоря:

— Грозный медведь, возьми-ка кровавое! — вперед протянул. Из-за камелька вышел медведь, сгреб подарок и скрылся. Чочукус четыре оставшихся взял и, протягивая вперед, сказал:

— Посмотри-ка, мой волк, возьми-ка вот это кровавое!

Вышел волк из-за камелька, подарок схватил и скрылся.

Чочукус губы вытер и стал дрожать, надев шаманскую одежду; перед огнем уселся, спросил:

— Над чем мне следует потрудиться?

Джалагай:

— Вот говорят, что есть наверху Кэкэ-Чуран-господин; [3] одну из его дочерей в жены мне приведи.

Шаман почесал затылок:

— Страшную мысль ты задумал, князь! Они нас, ничтожных, не замечают. Невозможного просишь, — но что же делать, гнева твоего избегая, попробую.

Во время камлания шаман показал медведя, волка и своих птиц.

Увидев это, красивейшая из жен Джалагая, насмехаясь, сказала:

— Оказывается, бедняжка с диковинками!

В это время шаман обходил камелек и, услышав эти слова, губами почмокал. Неизвестно откуда, в руках его тунгусская пальма́ появилась.

Концом пальмы́ провел жене князьца по ноге, и как мертвая та упала.

Ни на что не глядя, камлать продолжал. Камлание длилось целую ночь и целый день, и только к вечеру Чочукус Джалагаю сказал:

— Та, которую просишь, как будто твоею женою стать согласилась.

Князец похвалил:

— Вот это друг! наконец-то мне угодить пожелал!

Шаман:

— Заметить тебя соизволили. Найди скорее девять молодых парней-провожатых, с их стороны девять уже готовы. Ставь же скорее людей, невесту встречающих и за повод коня принимающих. — Сказав, погрозил

Джалагаю копьем. — Если спросишь, которая из дочерей, — младшая. Скорее подарки готовь, с нетерпением ожидают. Для мужчин, провожатых невестина поезда, припаси лошадей, при камланьи служивших; рыжих с белыми мордами; еще шкуру медведя с белым пятном на шее и для угощения крепкой водки. Для женщин, поезд сопровождающих, рыжей масти коров приготовь, крестовые монеты, рыжие колонковые шкуры с пятном на груди и с четырьмя белыми лапками.

Сказав, шаман концом своей колотушки по самой середине юрту обвел и надвое юрта распалась. Шаман каждую половину юрты вывернул: внутреннее сделал наружным. Камелек головою вниз обернул, и огонь, несмотря на то, все так же горел. Через трещину, посредине возникшую, выпал снег; и внутренность юрты вся заиндевела, так что в шубы пришлось одеться.

Шаман, подойдя к жене Джалагая, неподвижно лежавшей, в лицо ей плюнул, и женщина та очнулась.
— Где твои подарки? — обратился шаман к Джалагаю. — Они уже выехали со двора. Где же люди, поезд встречающие и коней принимающие за повод?

Дальше шаман узнал, что невеста, ранее забеременев, дорогою на краю облака родила.

Князец испугался: не ждал, что желанье исполнится; шамана упрашивать начал:
— Вот так беда! Друг мой, не можешь ли ты их назад отослать?
— Плут, о чем ты думал, когда камлать заставлял, если даже теперь страшишься, когда еще и не прибыли! Сколько подарков припас? Сколько яств приготовил? Скорей выставляй! — Шаман князьца пальмой ударял, настаивал.

Джалагай, еще больше пугаясь:
— Постой, остановись, отошли их обратно!

Этим словам не внимая, шаман продолжал требовать:
— В одном из помещений для женщин устрой поскорее ложе для твоей невесты, сейчас ляжете спать. Из

медвежьей шкуры и колонковых шкур постель постели. Беда приключилась, — вот сейчас они в дом зайдут. Находи же скорее повод привязывающих, друг у друга ковер отнимающих, дверь отворяющих и невесту в дом вводящих. [6] Если не веришь, в окно посмотри. Раз нет никого, придется уж нам с тобой самим повода принять, — и шаман с князьцом на улицу вышли.

На дворе без числа копошились огненные люди, видом как рыбные ерши. Мужчины их ехали верхом на рыжих с белыми мордами лошадях, женщины — на черных с белыми мордами. Прибывшие, теснясь и давя друг друга, визжа голосами горностаев и колонков, начали в юрту входить

Послышались необычайные звуки — это, сказали новорожденный плачет.

По всей юрте забегало много горностаев и колонков. Невеста через шамана у жениха спросила:

— Господин муж, где наша постель?

И вот сама появилась, — встала слева огненным дрожащим столбом. Вошла в помещенье для женщин и говорит:

— Давайте мне мужа!

Князец со слезами шамана упрашивать стал — отправить прибывших обратно.

Чочукус к просьбам прислушался, наконец, и к духам так обратился:

Плоской стопою ходящий,
Поперек препоясанный,
С робкой душой, косоглазый
Жених урянхаец-якут;
Вашего приближения,
Чистого мира дыхания
Вижу — ему не снести!
Можно ли вам без обиды
К верхнему миру вернуться
После больших даров?
Вот — дары простирая,
Вот — пестрый шнур натянувши, —

Упрашиваю: вернитесь!
Черных коней беломордых
Девять я вам дарю;
Рыжих коров беломордых
Девять я вам дарю.
Вот — одарив дарами,
Упрашиваю: вернитесь!
Вверх отсылаю вас!

Духи, громко зарыдав, голосили:

О досада, горе, беда!
Обидел нас урянхаец-якут!
Мы, поддавшись обману его,
Напрасно прибыли в чуждый край,
Столько терпя лишений в пути!
И, не услыша приветных слов,
Не удостоясь почетных встреч,
Добрых обычаев не узнав,
Тут же обратно изгнаны мы!

Чем настойчивее просил шаман, тем жалобнее причитали духи:

О досада, горе мое! —
плакала невеста: —
Обидел меня урянхаец-якут!
Я поддалась на хитрость его,
Из верхнего мира спустилась сюда,
И, ногой еще не вступив,
Уже обратно изгнана я!

Девять черных и девять рыжих лошадей привели. Лошадей отдавая в подарок, шаман упрашивал духов вернуться. Наконец духи вняли его мольбам.

Невеста, выходя из юрты, князьцу сказала:

— Осенью, когда подмерзнет грязь, я сама явлюсь и тебя уведу; тогда же и все богатство свое возьму.

После ухода духов шаман три дня и три ночи камлал, чтобы юргу обратно перевернуть.

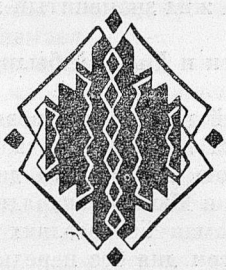
Закончив камлание, Чочукус сказал Джалагаю, что осенью жена возьмет его к себе.

Всего камлание длилось семь дней и семь ночей.

Осенью, с первыми заморозками, князец поехал осматривать свои табуны и, прислонившись к дереву, умер: его душа сквозь макушку вылетела.

После Джалагая осталась мать; она заколоть велела весь оставшийся конный скот и сложить в амбар заставила. Из амбара божество, покровительница лошадей, под видом трясогузки, на небо вылетела.

Так некогда прославился шаман Чочукус.



ШАМАН БЭРГЭСЭЛЯЯХ

Встарину в десяти верстах от Якутска жил богатый якутский тойон, ездивший даже в Петербург к Екатерине II.[1] В то же время в Кугдарском наслеге Сунтарского улуса жил знаменитый князец Быгдык или Мындай.

Якутский тойон и Мындай были закадычные приятели.

Князец Мындай каждый год возил в Якутск подати со всего населения Кугдарского наслега. Ехать всегда приходилось весною, до Петрова дня.

Настала весна, и Мындай снарядился в путь; вместе с ним поехали шаман Бэргэсэляях и еще один силач. В дороге целых три дня без передышки лил дождь, но шаман сделал так, что дождь не замочил путников.

Мындай, не доезжая до Якутска, свернул в сторону и поехал отдохнуть к своему якутскому другу.

Приехали к богачу вечером; оказывается, на утро готовилось весеннее празднество ысыах.

Мындаю отвели отдельную юрту. Шамана с силачом поместили вместе с работниками в хлеву.

С самого раннего утра начали готовиться к празднеству. Внутри юрты подостлали зеленую траву, пучки ее положили также по концам матиц.

Посредине разостлали меховой ковер с шахматным узором, с белыми краями, и поставили на нем большой кожаный мех с кумысом и маслом, а вокруг маленькие деревянные кубки.

Затем отдельно взяли большой деревянный кубок, до половины налили в него кумыса с маслом и подали своему шаману для возношения.

В это время шаман, приехавший с Мындаем, дремал около столба, с кожаным колпаком на голове, и, когда он слишком низко наклонился, колпак упал на землю; шаман скорее поднял и надел.

В доме было много народа; иные стали пересмеивать шамана. Кто-то из стариков унял насмешников.

В это время якутский шаман, только что принявший на руки кубок, свалился на пол и стал судорожно биться.

Почтенные гости, посоветовавшись между собою, послали одного из своих к хозяину — рассказать подробно о случившемся и попросить у него совета.

Выслушав, хозяин сказал, что это, вероятно, проделка приезжего шамана.

Другого шамана поблизости не оказалось; хозяин попросил Мындая, чтобы он уговорил своего спутника вознести кубок, дабы не расстроилось празднество. Бэргэсэляях согласился; тогда сняли костюм с обмершего шамана и надели на Бэргэсэляяха.

Бэргэсэляях, подойдя к якутскому шаману, стал бить над ним в бубен и свистеть. Обмерший пришел в себя; его отнесли на левую половину юрты.

Бэргэсэляях взял кубок, попросил немного приоткрыть дверь и, подняв кубок обеими руками над головой, опустился на одно колено и начал восхваление духов.

Говорил он очень долго и закончил следующими словами: «И айыы и абаасы приняли мое призвание. Если стану говорить истинно, как подобает, и если скажу угодное божествам, — да прилетят с востока три белые птицы и да покажутся собравшимся здесь; птицы, имеющие указание свыше, — явитесь народу, чтобы поверили мне! Уруй! Уруй! Уруй!»

После этого неполный кубок плеснул через край, и кумыс, шипя и пенясь, вылился на землю. Шаман взял пену и, вылив на огонь, объявил народу: «Выйдите, посмотрите: если я истинно угодил своим воз-

ношением, то три белые птицы, покружившись над юртой, улетят обратно».

Выйдя на улицу, народ увидел: три белые птицы, прилетев с востока, покружились над юртой и улетели обратно.

Подивился народ приезжему шаману. Слух о чуде далеко разошелся по окрестности и дошел до русских начальников, живущих в Якутске.

Через три дня Мындай со спутниками въехали в Якутск, и князец явился к начальникам сдавать подати.

Неприветливо встретили Мындая русские; обвиняли, что задержал подати, хотя до срока еще оставалось несколько дней, но обещали простить, если он заставит своего шамана камлать перед всем народом.

Бэргэсэлиях согласился.

В назначенное время вся русская знать собралась в большом общественном доме.

Бэргэсэлиях начал камлание: заклиная, воскликнул, что на небе живет род Улуу-Тойона, у которого лошади рыжей масти с белой полосой на лбу и с четырьмя белыми, как стволы берез, ногами, а ростом по верхушку деревьев.

Услыхав эти слова шамана, начальники обратились к нему:

— Довольно, остановись! Укажи нам, где живет род Улуу-Тойона? Покажи хоть одного из них; если не сделаешь, строго накажем тебя: наденем на шею колодку и завинтим голову железным обручом так, что выскочат глаза.

Крепко задумался шаман и, наконец, сказал:

— Нет, показать их не могу; разве дам какую-нибудь примету, чтоб вы могли убедиться в правдивости моих слов. Если не желаете, — можете казнить.

Русские не стали настаивать.

Долго камлал шаман, проходя путь свой на небо; наконец, дойдя до Улуу-Тойона, заклинает его:

Доняли меня ледоглазые,
Мучают русские начальники,

Пахнут потными подмышками,
Жалят купоросными взглядами,
Жаждут убить беззащитного!
Что мне сделать, чтоб смиловались?
Светлый владыка, Улуу-Тойон!
Прибыл к тебе я, упрашиваю:
Насмех не дай стеклоглазому!
Выручи от неправедного!
Выкупи у злого душу мою!
Только и надо выкупа —
Волос один-единственный
С челки твоей рыжей лошади.
Сжалься! Даруй мне милостиво!

Улуу-Тойон ответил:

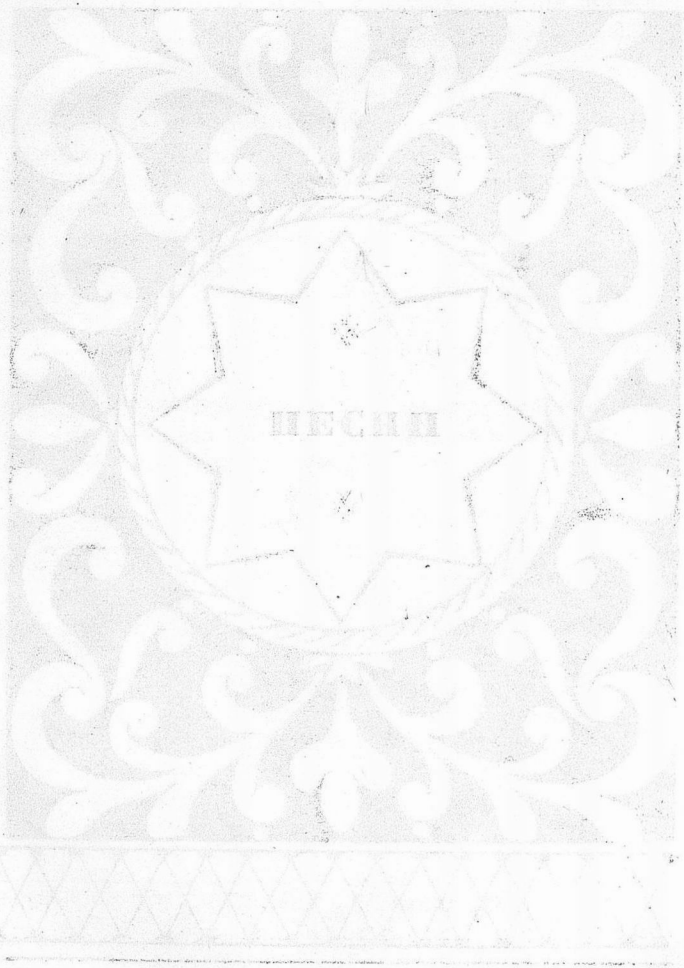
— Этот шаман не ходил нечистыми путями; должно быть, правда, что слишком принуждают беднягу те, с ледоватыми глазами; потому-то, возможно, и решился явиться ко мне. Парни, идите-ка, загоните табун в изгородь: если сам сумеет, пусть возьмет!

После этих слов шаман начал бегать по комнате, как бы гоняясь за лошадьми; наконец, махнув рукой, сказал, что выдернул один волос, поблагодарил Улуу-Тойона и, камлая, возвратился обратно; в руке его очутился волос, толщиною с мизинец и длиною в три с половиною маховых сажени.

Все присутствовавшие очень удивились, а начальники, получив волос, приказали прибить его на ворота маленького базара на память о случившемся.

Между прочим, ты не заметил ли его, русский, когда был в Якутске?

ПЕСНИ



ПЕСНЬ О ВРЕМЕНАХ ГОДА

С семивихорной северной тундры спешит студеный
Семенов-день;
Приближается праздник с просторных тундр, с
необъятных важно идет.
Ледяным трехсаженным клювом грозя, четырехгранный
клюв наточив,
Прискакал прохладный праздник Покров на резвом
рыжем коне,
Полосатые сильные ветры послал и несносный жар
притупил,
И пошел порошить перистый снег, мельче стриженных
ресниц стригунца. [1]
Непогода, чтоб зиму выманить, к нам из-за северных
строгих морей
Стала стаи сильных мятелей спускать, на три пальца
на спину снег наносить, замораживать и пугать,
И поверхность больших дрожащих озер накрыла
корочкой льда,
А поверхность земли, окопав, подняла на целую
четверть вверх.
«Суровая, видно, будет зима», говоря, выходит якут,
Очищает гладкий широкий двор, выгребает кучами
снег.
«Жестокая, видно, будет зима», говоря, выходит якут,
Ставит вехи по всей дороге большой, той, что девять
сажен в ширину.
А когда приметный праздник пришел, поздний Михай-
лов-день, —

Не осталось лучшего лета примет, непогода сгладила все.
От владычицы-тундры холод несет, жаждет стать жестокой зимой.
Прошлогоднюю, вылезшую доху приходится доставать;
От суровых морозов, меховой сангыях [2] одевши, можно спастись;
Когда же грянет большой мороз, наденем короткий сон. [3]
И вот заметает Николин день метелистая зима;
И вот леденящий холод растит сугробами снегопад, —
Большому быку чрез такой сугроб, пожалуй, не перелезть.
И вот от западной стороны, больших морозов друзья,
Однотелок-важенок приучив к запряжке маленьких нарт,
Тунгусы-люди с пушниной в руках торопятся, едут к нам. [4]
Жир-Вилюй, бабушка [5]-река, тебе усталость несем;
Чиновным начальникам припасли белошерстой пушнины в дар;
А этим добрым людям везем с уваженьем весь наш запас,
За ложку чаю, за горсть муки, за пестрого ситца аршин
Да за трубочку табаку, — так они говорят.
И долго гостят и живут у нас, ведут и торг и обмен;
Когда же радостное Рождество, веселый праздник, придет,
Они заканчивают дела и выстраиваются в ряд:
«Крещенский праздник в якутской земле встречая ныне, стоим.
Хозяев-якутов желанья все выполнив, вот стоим.
Скажите, приятели, сильный мороз сдвинулся чуточку, что ль?
Скажите, приятели, с южных стран солнце глянуло, что ль?
Плотный, холодный воздух подняв, теплый спустило что ль?

Начало, что ль, всходя пригревать?» — так говоря, стоят.
«К Маслянице-празднику меньше мороз» — так говоря, стоят.
«Сбил ли с веток мороз кухту,[6] сбросил ли?» — говорят.
«На северном море — кладовка зимы, на западном море — амбар;
А мы откуда на будущий год царским людям добудем дань?
Не в устье ли Ленского моря пойдем за пенным и дорогим?
Не даст ли бабушка-река-Анабар ровдуги[7] нам увезти?
Хета-река[8] не даст ли песца, Хатанга[9] — оленьих шкур?» —
Сказали и выехали от нас тунгусы — гости зимы.
А у нас на виду праздник Пасха стоит, ожидаемым летом дыша.
И когда долгожданное лето мое я к Егорьеву-празднику ждал
И когда я вглядывался туда, в отдаленного неба край,
И когда, напрягаясь, я вдаль смотрел, показалось, что вот летит, —
Ярко-белые крылья с черным концом, как ножницы размахнув,
Отдаленного неба край обогнув, в сторону тундры стремясь,
С чужеземной ли стороны ускользнув, от целящихся из ружья,
Несговорчивый ли китайский народ покинув и в небо взмыв
На такой высоте, чтоб пулей не сбил широкий ружейный ствол;
И отменно-прекрасный голос узнав, в ожидании мы стоим,
И отменно-прекрасная птица моя как будто бы уже здесь.
На узорном шахматном поле моем, будто лыжники пролетев,
Пробежали тающие снега, те, что раньше собрал мороз,

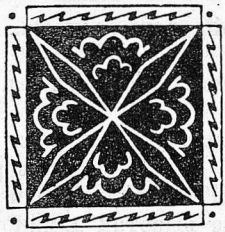
Промелькнули быстрее легоньких нарт, к просторной поляне стремясь.
Посредине поляны, покрытой еще ледянистой хрупкой корой,
Не очистившееся от тонкого льда, оказалось, озерко есть.
Что достойно памяти, — помню я, ожиданий достойного, — жду;
Ожидаемая, с отдаленных небес на озерко птица летит,
Вспоминаемая, опускается вниз на озерный край-бережок,
А озерный край-бережок давно оказался с другом-травой,
Оказался с палочкою-хвощом, с шишковатой травой локуор, [10]
С копьевидной манчар [11] оказался край-бережок озерка моего,
Я на ту, что, спустившись, уселась здесь, подбирая сравненье, смотрю;
Примечаю граненый светложелтый клюв, вижу красную голень ее;
Из литого золота крылья блестят, из крученого золота перья висят, золотой раздувается хвост.
Шесть охватов в окружности — вот какова, как раскинулась широко!
Мелкоперистое ожерелье у ней, блестящий граненый клюв,
Ободки на глазах, — и стройно поет голосистая птица моя.
Ну, и скоро ж ты сбросила зимний убор, певучая птица моя!
После этого лето вступает к нам с плодородием на груди,
Разногласию птичьих крикливых стай прелесть песенную придав.
А когда я спросил: «Отчего ж ты так хорошеешь, моя страна?» —
Оказалось, сияющий наступил праздник лета — Николин-день.

Разливаются реки, русла раскрыв, до вершины каменных гор,
До высоких пригорков лед донесут, разламывая и шумя.
И как музыка — звон измельченных льдин, размытых полой водой,
И растущие устья рокочущих рек, расступаясь, впустят моря.
Вот ликуя, играя, навстречу летит та прежняя птица моя.
Круглоклювые, пару себе ища, прилетают ночью и днем.
На вершины высокого леса гляжу: там кукушки уселись в ряд,
Восседают, важно выгнув хвосты, красный голос хотят подать.
На моем мысу, на толстых корнях, важно лиственница растет,
А на ней, раскрыв изогнутый клюв, кукует кукушка мне,
Пронзительным голосом говорит, что звучное лето пришло.
И вот деревья на моем мысу украшенные стоят.
И вот — с далекой морской стороны прогрянул голос его;
И вот — с обширной морской стороны хрустнул его хребет;
И вот — над нашей земной стороной спустился, сгустился вихрь!
Проходящий ветер сделав конем, мелкий дождь — посыльным-слугой,
Другом-товарищем — крупный дождь, молнию — быстрым бичом;
Кудрявую лиственницу расщепив, придорожную повалив,
Господин трех яростей, грозный гром на верхушке неба гремит!
Тогда от нас отступила болезнь, тогда удалилась хворь,
Тогда бежали нечистые прочь, злые духи ушли.

А гром, спросив: «Почему пришла в упадок эта страна?» —
По небу радугой проложил хвостовые перья орла;
И долго всасывать продолжал воду морских глубин,
И долго вверх к себе поднимал воду морских пучин.
«На поверхность вселенной пролившись, будь изобильем и полнотой», —
Так говоря, проливал опять воду, что поднял вверх.
И вот я вижу, взглянув невзначай, что лиственница моя
Оделась серым шелком листвы и стремящихся ввысь цветов.
Недаром текла, проникала вода в землю на девять аршин;
Червивым мхом прорастая вверх, пузырится пеной земля;
И вот поверхность моей страны покрылась пышной травой,
Вся заросла зеленой густой девятиветвистой травой,
И превращается в серый шелк земного мира покров.
«Вот такое чудесное, — говоря, — разве оставим так?» —
Якуты изгородь мастерят, чтоб оберечь траву.
Заплетая тальчиковый плетень, опоясали луг в цветах,
Опасаясь, что скоро поникнет трава, столбиками обнесли,
И уж вбита устойчивая коновязь, и загнан табун жеребят;
И уже приготовлен важный сосуд, крутобокий кумысный мех,
И уже до средины наполнен мех кумысом, свежим питьем,
И якуты лету важному в честь из каемчатых кубков пьют,
И красивому лету на похвалу из узорчатых стоп едят.
А когда коновязи стоят стоймя, узорно водружены,
И когда к девяти надрезам их привязано девять коней,
И когда, говоря, что лето пришло счастливо и радостно к нам,

И когда, собравшись на ысыах, якуты важно сидят, —
Вот тогда прибывает праздник Петров, приказывая поиграть.
На разостланных шкурах бычков двух годов, наступая на них ногой,
И на кожах коров десяти годов, опираясь на них пятой, —
Начинает притопывать молодежь, потешаясь важной игрой.
Посмотри-ка на нас, пологий Вилюй, троеруслая наша река!
Вот такие обычны игры с тех пор, как родились и выросли мы.
Бесконечный Вилюй, река-госпожа, вся в узорах от островов, —
Как ни взглянешь: масляна пена твоя, творожная грязь у тебя.
Подкрепляешь первою пищею нас, мажешь маслом поверхность земли.
Изобильный Вилюй, наша бабушка-река, ты пасешь на высотах длинногривых коней,
А в средине полей, с испокон веков, ты кормила стада круторогих коров.
И еще не такой сохранила клад на поверхности берегов:
На неровностях твоих берегов много бегает бурых лисиц,
На подъемах твоих больших берегов белогрудый бродит медведь,
В прибрежных лесных массивах твоих притаился рогатый лось,
По опушкам полян в тревоге бежит осторожный заяц-беляк,
На загривке своем, в сокровенных лесах, сберегла ты соболя нам.
Вот каким богатством владеешь ты, река-бабушка-госпожа!
Вот за что тебя якуты зовут: «Золотое-Подножье-Вилюй»!

Вот и с южного острова люди пришли ради золота твоего,
На своих пароходах приплыли они, чтоб скорей вымолвить: «Дай!»
Говоря: «С губернией надо быть», — приохочивают к себе;
«Прибавляясь и множась, — толкуют нам, — учиться должен народ!» [12]



ДНИ И ГОДЫ МЕНЯЮТСЯ

1

В непроглядных только лесах,
Над кровавой только едой,
Черных воронов только грай,
Не смолкая только стоит.

2

Над краями только лесов,
Сладкий голос только подав,
Птицы вольные только ввысь,
Зашумевши только летят.

3

Стал короче только мой день,
Возросла моя только тень,
В непогоду только ветра
Разыгрались только, свистя.

4

Ранний утренник только трещит,
Веют зимние только ветра,
Мои старые только деревá
Застонали только скрипя.

5

Прилетевшая только к нам
Из далеких только земель

Та, что шишки только клюет,
Моя птичка только снигирь
Радость близкую только поет.

6

Почернели только снега,
Показались только бугры,
Куропатка только моя
Очень звонко только кричит.

7

Изобильной только красой
Зеленеет только трава,
Расстилаясь только, склонясь,
Нежит спину только мою.

8

На пригорке только крутом,
Над овражка только норой,
Звонким лаем только щенок
Заливается только мой.

9

И на запад только идет
Солнца мирного только бег,
И корова только моя
Полосатая только мычит.

10

Час вечерний только настал,
Мой любимый только скакун
Окликает только, заржав,
Разбежавшихся только жен.

11

На высоком только лугу
В наморднике только телок, —
Как он прыгает только вверх,
Я со смехом только смотрю.

12

Мое солнышко только взошло,
Златогрудый только певец,
Звонкий жаворонок только мой
Услаждает только меня.

ПЕСНЯ О РЕКЕ

В ивняке из витого золота,
В тальнике кованого золота,
Обширная Таатта-бабушка!
Трава твоя — вышиной в ладонь,
Воды у тебя — с ложку всего,
Снега — с поварешку деревянную!
А на темно-темнистом лесу твоем,
Хвоя шелковисто-пуховая,
Нашим ресницам подобная,
Стала совершенно серая.
Вот ведь! Вот ведь! Эй, друзья!

ОРЕЛ

С пятками, дивно разубранными
Оленьей расшитою шкурою,
С разузоренными подошвами,
С мелкограненными лодыжками,
С мягкими шелковыми голенями,
С пестрыми, узорчатыми бедрами,
С ногами прямыми, стройными,
С пояснидей узорно-шахматной,
С вышивкой из меха оленьего
Вдоль всего спинного хребта.
С огромными круглыми узорами
По всей покатой сильной спине,
По плечам — с узорами зубчатыми,
В перьях литого золота,
Кость — серебро кованое,
Круглая складка на горле лежит,
Глотка мелкоузорчатая,
Зычный голос, горбатый клюв,
Пестрых — мать и пегих — отец,
Перелетных, пернатых — глава-господин;
С дальнего светлого юга летя
(Дорожный спутник — белый снегирь),
С поднятой вверх головой прилетев,
Опустился на темный бор;
Сел на сухой высокий лес,
Крепкими когтями вершины собрав,
И, господствуя, закричал,
Голову вверх высоко подняв,

Обратившись на светлый юг;
И украсился, похорошел
От звучного голоса темный лес.

ПЕСНЯ О ЛЮБВИ

Ах, ребята! Мысли мои вы вскружили, запутали!
Стоя вертясь, блеском светя, мужчины проворные, ловкие,
Свой обман затая внутри, укрыв словами колдующими,
На свое богатство, на доброту меня заставив позариться,
Сердце мое, печень мою насквозь проникая взорами...

Ах, ребята! Если бы я, полюбив человека этого,
Хоть на два часа, на недолгий срок могла б подойти, обнять его,
Приблизить к сердцу его могла, поцеловаться, понюхаться,
Разве после, расставшись с ним, когда я, худая, хрупкая,
Телом жидкая, как вода, стану старухой дряблою.
Разве после, когда распадусь словно гнилое дерево, —
Разве я тогда не скажу, что была в юности счастлива?

Эгяй! Эгяй! [1] Ты, русский, сидишь, слова мои слушаешь, думая:
«Что хорошего может сказать такая женщина-девушка,
С узкой памятью, с коротким умом, в платье жестком, [2] невыделанном?

Мужчины-люди! Придумали вы, что из женщин лучшие, девушки,

Живут, не имея сердца в груди, родились, к любви неспособные!
Ах, если б знать, что мой язык, что речь моя, голос гортани моей
Способен сердце растрогать вам так, чтоб рвалось от жалости,
Может заставить, чтоб обо мне вы хорошо подумали, —
Я без устали пела бы, — ах! беспрестанно я воспевала бы!
Отголоском голоса обратясь, ставши речи прикрасою,
Я вам разжалобила бы сердца, каменность мысли смягчила бы;
Ледяную память растопила бы вам, связанную развязала бы;
Вы ослабели бы, как дитя, только сидеть начинающее;
Заговорила, запела б я вас так, чтоб ни встать вам, ни двинуться.

Ах! Эгяй! Ваш голос певуч, пояс подобен радуге,
Ваше платье — как у чирка на крыльях пестрые перышки...
Туда и сюда разъедетесь вы, далекие люди, нездешние,
Уйдете, блеснув падучей звездой, прочеркнув по небу молнией;
Заставив позариться-полюбить, уйдете, ребята, скроетесь,
А я, ребята, в мыслях о вас, ходить, слывя за счастливую,
Взад и вперед, одна на земле, буду ходить несчастною.
Парни! Хорошие люди! Эй! Осéрдитесь вы, осудите.
Скажете: «Заглядеться на нас, — что за чудна́я — осмелилась?»
Чем же от этого я спасусь? Мне ль обвинить ваше доброе?
Хорошую вашу страну обвинить мне ли? Горе, досада моя!
Быть бы лучшей, почтеннейшей мне, — мысли ваши вскружились бы.
Ах, досада! Уйдете вы, обидевшись и разгневавшись.

Но ведь на солнечный ласковый блеск смотрят глаза
неравные,
Смотрят худых и хороших глаза, — солнце разве
обидится?

Ребята! Есть на том свете господин — так от многих
я слышала:
Все грехи и худые дела он, говорят, записывает.[3]
Так неужели этот господин сочтет меня виноватою
В том, что я смела на лучших себя глянуть глазами
любящими, —
И запишет мои слова в черное это писание?

Ах! досадные! Улыбнувшись, как тень, уходите вы,
уезжаете!
Огонь заходящего солнца так на глазах у всех умень-
шается.
Выйдя на гору, медлит-блеснет дальше, дальше — и
скроется.
Но все-таки там, высоко в горах, солнечный отблеск
останется.
Но все-таки в памяти, в мысли моей останетесь вы!
Эгяй! Эгяй!

ПОЧЕМУ ПОСЕЩАТЬ ПЕРЕСТАЛИ

Что дымом, гарью пропахшего,
Коней иноходцев пасущего,
Кильдемского и Кангаласского [1] —
Вот такого парня приблизила, —
Приезжать, узнав, перестали.
Что с быстрыми иноходцами,
С речами наглыми, дерзкими
Багарадского [1] и Кангаласского
Себе избрала парой, — узнав,
Посещать меня перестали.
Что с гнедыми конями-иноходцами
Уроженца второго Нахарского
Своим другом называю, — узнав,
Перестали у меня останавливаться.

Что маслом-мукою упитанного,
С Амги и Таатты приплывшего, —
Узнав — считаю приятелем, —
Не хотят приезжать, злопамятные.

БЛАГОСЛОВЕНИЕ НЕВЕСТЕ

Приди оградою оградить воспитываемый скот;
Приди уютно устроить гнездо тому, кто будет рожден;
Приди внушить, чтоб воздвигли столб — медную коновязь.
Голос ржанья дай жеребцам, быкам — мычанья язык.
Приди! Короткое удлини, суженное расширь!
Ременный аркан, в девяти местах извившийся, — оживи![1]
Ребенка с родимым пятном роди; кровного коня воспитай!

ЗАКЛИНАНИЯ

ОЖИВЛЕНИЕ БУБНА

Шаман надевает доху, уходит за камелек и там, призывая своих помощников-духов, брызгает трижды слюною. Затем, скрестив ноги, садится на пол, на разостланной конской шкуре; трижды зевает, бьет колотушкою в бубен и начинает петь:

С нёбных валиков слетая, в луо-рыбу [1] воплощаясь,
Сверху донизу колеблясь, пестрой рыбой обращаясь,
Краем губ овладевая, низом, верхом, быстротою,
Колыханьем, потрясеньем, изо рта стремится слово! [2]
Семь деревьев-однолеток, лиственниц восьмиветвистых,
Взросших на спине вселенной, с ивовой подпорой-тростью,
Наклоненными ветвями по земле стелясь к востоку, [3]
А спиной на запад стоя, у вселенной на загривке, —
Знаменитому шаману от роду предназначаясь,
Полым бубном стать желая, с множеством подвесок медных,
Суетливостью болезней [4] устрашенных стать желая,
С круглой шапкою-подвеской, с рукояткой-крестовиной, [5]
Вещим, важным стать желая, — дозревали, вырастали!
От твоих сварливых мыслей начисто освобождайся,
Гнев твоих могучих мыслей наглухо изгладь, очисти! [6]
Круглым, полым, вещим, важным — станешь, лиственница, бубном!
Пред тобой, отважным, стоя, украшенья заклинаю,

Побрякушки и подвески подбираю, собираю,
Шеркунцы твои приладив, колокольчики подвесив,
Мягкой, важной наделяя рассыпающейся гривой,
Бубен с круглое озерко, замерзающее сразу,
Круглый бубен превращаю, делаю конем могучим,
Превращаю, сотворяю лошадь быструю из бубна,
Делаю пером блестящим, золотым крылом шумящим.
В верхний мир шумя, сверкая улетающий «кюсянга»!
В нижний мир спустись со звоном, будь конем
отменно грозным!
Ты, отважный, славный бубен, в девять полостей [7]
звучащий,
В три ременные затяжки [8] перетянутый исправно,
Загуди, о бубен — шкура двоетравого теленка!
Затрещи, о бубен — шкура трехвесеннего теленка!
Зареви, о бубен — шкура четырех годов скотины! [9]
В край далекий, безграничный, ты, отважный,
отправляйся,
Иноходью ускачи ты, резвой рысью унесись ты,
Мчись конем золотокрылым, прянь поверх воды
болезней! [10]
Прилетая, прибывая, вскачь от мощных стран
являйся!
Путешествие удачно, счастлива твоя поездка!
В трех местах железный пояс спину выгнутую
вяжет, —
Будь берестяной урасе, трижды связанной, подобен!
Одаренная дыханьем, словно дышащее пламя,
Наделенная напевом, песнею многообразной,
Будь выносливою, лошадь, если путь лежит на запад,
В ту страну нечистых духов, злых, лукавых абаасы!
И когда на юг придется, не оглядываясь, ехать, —
Будь скакун неутомимый с быстрой, ровной
иноходью!
Направляясь даже к духу светлой стороны
восточной, —
Будь ты, лошадь, сильной, бурой, резвой, молодой,
счастливой!
Если даже к Хомуллагас, [11] к мрачно-северному роду,

На зловещую дорогу я тебя вступить заставлю, —
Завертись волчком и прыгни, развевая хвост
звенящий!
Мать-душа тебе, отважной, наяву пути укажет,
А отец-душа, [12] взъерошась, странствовать с тобою
будет!
Без вреда носи по свету эти выгнутые щеки!
Возомнив теперь немало, донимая, допекая,
Отдаляя, выгнув щеки, ноздри пятнами отметив,
Будь, отважный бубен-лошадь, с куличком чок-чок
кричащим,
Будь с кукующей кукушкой, будь с гогочущей
гагарой, [13]
На высокий твой загривок хитроумно усадивши,
По спине твоей округлой мерно бить меня заставив!
От тебя благие мысли не бегут, мой конь отважный,
И издавна не отходят угрожающие мысли.
Мы с тобою, конь мой, бубен, исцелителями будем
Для людей косноязычных, для якутов-урянхайцев,
Изувеченных, недужных, впавших в тяжкие
проступки.
Вещью вещего шамана, знаменитого шамана,
Будь-ка ты, отважный бубен, бубен-чудо,
бубен-лошадь!
Я большой шаман-хозяин, я шаман длинноволосый,
Тот, что топает подошвой и пристукивает
пяткой, —
Вот кому принадлежишь ты, вот ты чей, отважный
бубен!
Мать-душа твоя не знает, что ее сразить я должен,
Превратившись в олененка, став животным
остророгим, —
Растерзать ее рогами, расплескать ее по миру.
И тебя я забодаю, став быком рябым и сизым!

Мычит, подражая быку; опрокидывает бубен перед собою и, трижды обходя кругом на четвереньках, бодает его выступы и ударяет одной рукою — колотушкой. В левом углу юрты шаман выпрямляется,

берет бубен в руку, бьет колотушкой и продолжает заклинать:

Побежден ли ты, отважный, ты осилен ли, мой крепкий?
А ведь я тебя осилил, победил тебя я, бубен!
Мне тебя приходит время сделать ездовым животным!

Садится верхом на бубен; ударяя его то спереди, то сзади, кружится волчком, выкрикивает: «сай! сат!», как бы погоняя лошадь. Некоторое время поет без слов. Потом начинает заклинать:

Упряжная лошадь, конь верховой!
Надежная ты повозка моя!
Крыло для полета! Вихрь золотой!
Звени, залейся подвесками!
Отважный конь, укрощенный зверь!
Шуми, рассыпься привесками!
Осилил тебя, смирил я тебя!
Ну, вот победил я, кажется!
Я донял тебя, развольничался!
Душу-мать забодал, отважный, твою!
И среднего мира твоя судьба,
Вселенной твое назначение,
И глинистой почвы зрелость и рост,
Большое определение,
И вот, завещание крепкое, — все
Нарочно мне предназначено! [14]
Путей хозяева создали так.
Разбрызнись же, счастье быстрое!
Меня повисшим вниз головой,
Меня упирающимся узнав,
Умчи от страны закрученных трав,
Деревьев, свернутых вкруг себя!
Я здесь исстрадался! Рысью скачи!
Прислушайся к крикам: «Сай! Сат! Суй! Суй!»
Отважным, послушным пегим конем
Кружись и скачи! На землю вернись!

Трижды обносит бубен вокруг себя. Идет к углу, что около выходных дверей. Заклинает:

Владелец вороных, беломордых коней,
Живущий в верхнем мире, — велел,
Хара-Суорун назначил тебе:
Навязчив будь и возлюблен будь,
Укрощенный конь неотступно будь,
Наверх поднимись и вниз не вернись,
Как молния пестрой лошадью будь!
Вот этой вещи мать-душу убей,
Кусочки ее подбери, собери,
Ее с привесками соедини,
С бубенчиками ее сочетай,
Ее колокольчики задержи,
К ее побрякушкам привыкай,
От крестовины ее оторвись,
Выпячивай девять выпуклостей!
Оглуши нас гулом! Гуди, шуми!
Самым счастливым бубном будь!
Радость! Счастье! Строптивый, смирись!
Запальчивым пламенем ныне стань,
Гори священным, прекрасным огнем!
Гнутое дерево, бубном став,
Навек счастливым, удачливым будь
Даже в болезнях, даже в беде!
Восемьдесят дошлых духов призвав,
Девяносто голодных волков собрав,
Семьдесят ярых медведей поймав, [18]
Счастливым будь, удачливым будь!
Девяти улусов отрадой будь!
Семи улусов оградой будь!
В нижнем мире, вдоль и поперек, —
Задние ноги пусть не скользят,
Не споткнутся передние пусть,
Лучший мальчик пусть держит узду,
Пусть никогда не сползет седло, —
Лучшей отважной лошадью будь
Большого жертвенного пути!

К высокому, важному месту пусть
Тебя с молитвою поведет
Твоя отважная мать-душа!
Ты будешь чутким ухом моим,
Ты будешь зрячим глазом моим,
Гибким коленом, согнутым локтем,
Моей повернутою щекой,
Движеньем, успокоеньем моим!
Речистым будь, говорливым будь!
От болезненных приступов огради!
Отродье невидимых запирай! [16]
Лишнее, вредное прибирай,
Великое чудище, бубен-конь!
Солнце — перья, луна — крыло,
Рог — звезда, единственный глаз,
Грозный, сильный, полый барабан, —
Запряжен и зануздан ты!
Главной хвори, внезапной беды
Ты основную причину знай,
Гони, преследуй ее, донимай,
Не расшатайся, не ослабей!
Смотри — обратно не расплесни!
Духи-хозяева славных мест,
Бабушек-государынь рек,
Испещренные лики озер,
Поводья пестрых горных хребтов, —
Слушайте вы, отважные, нас!
Силой и помощью будьте нам!
Деревья, выгнутые вперед,
Три гнутые однолетки-ствола —
Вот основа, бубен, твоя,
Быстрее быстрого ухвачу,
Тебя, отважного, поглочу,
Кожей высохшею обив,
Полосатую приготовив плеть
С переднюю ногу молодого бычка, —
По крайнему небу, шумя, пронесусь!
Путь мой — алого облака край,

Золотого, западного облака низ;
Раскрыв крылья, вниз головой
Устремясь, вылетев, унесусь!

Опрокинув бубен, кладет на пол; трижды обойдя кругом на коленях, бодает головой девять его выступов. Встает, берет в руки бубен и, ударяя по нему, продолжает заклинания:

В той мерцающей, темной, далекой стране,
В том воспетом краю, где заблудишься ты,
Там, где сосны поют, там, где травы ревут,
Где взывают оставшихся ив голоса,
Где оставшиеся деревья мычат,
Где березы бряцают и тальник звенит,
Где железной осокой земля заросла,
В страшных чащах, где даже наперстку не встать,
В диких дебрях, где ножницам даже не лечь,
В этих бедственных зарослях, в лютой глуши,
Где иголки — и той не удастся воткнуть, —
Там, с рябыми ноздрями, хозяйка земли,
Сибпе-сяйден шаманка и Кюлюк-Сюёдер. [17]
Вы, отважные, в гости не вздумайте к ним,
Не пытайтесь войти, чтобы высмеять их!
Этой вещи отважной мать-зверь, мать-душа,
Обернувшись зеленою мухой-слепнем
Или стянутой в поясе желтой пчелой,
Пролетела, быть может, гористой страной,
Посетила, быть может, Кюлюк-Сюёдер,
И об этом, пожалуй, уж знаете вы?
Хоть не знайте, хоть знайте — не буду менять!
Ты от средних, от серых назначена стран,
Обуздаться тебе, основаться тебе,
Заплетая деревья, запутав траву, —
Быть великой страной! Уйаях! Уйаях!

Бросает бубен и ложится навзничь. Так он «ныряет»; его руки и ноги начинают переплетаться, как скрученные веревки. [18] Кто-нибудь из присутствующих

вынимает из веника прут, проводит им по рукам и ногам шамана; они перестают скручиваться. Продолжая летать, шаман ловит руками уходящую душу бубна, зажимает ее в кулак, берет в рот и очень долго разжевывает. Затем садится, берет в руки бубен и, держа его горизонтально, выплевывает туда душу, все время ударяя по бубну снизу колотушкой. После этого опрокидывает бубен вверх стороной, обтянутой кожей, и лижет, а затем садится на шкуру и, ударяя по бубну, продолжает:

Соответствие вижу, сравненье нашел!
Круглым бубном, звенящим бубном ты стал!
Я мать-душу твою затравил, загнал,
Разжевал ее, съел, до конца проглотил!
Ты, отважный, упряжным животным стал,
Верховая лошадь, приятель, ты,
Знаменитая, славная защита-вещь!
Одноглазый будь, пешнеклювый [19] будь,
Прозорливому белому шаману [20] служи,
Чтоб отважным и чутким он был всю жизнь,
Чтобы век не случилось споткнуться ему,
Чтобы век не скользили ноги его! [21]
А когда от всех народов земли
Соберутся шаманы толпою к нам, —
Ты железным панцырем, [22] бубен, будь!
Ты железным прикрытьем, отважный, стань!
Ну, а если нам с тобой суждено
Быть удачливыми и богатыми, —
В десять дней пройдя топотливый путь,
Изо рта шеститравого жеребца,
С подвижного нёба его слетев, —
Устремимся вверх! [23] Пусть будет так!

Бьет себя колотушкой несколько раз по голове, трется о бубен щеками, плечами, коленом, затем кладет его на землю, еще раз трется щекою и говорит:

— Пятикопеечной медной монеты нет ли?

Жена шамана подает монету. Шаман проглатывает ее и начинает бить себя колотушкой по животу. Проглоченная монета вдруг, оказывается, лежит на бубне. Шаман крестообразно проводит ребром ее по коже, обтягивающей бубен, и выходит на улицу — освобождать внедрившихся в него духов.

ИЗГНАНИЕ БОЛЕЗНИ

Перед камланием родственники больного изготовляют три маленькие берестяные сосудца, со спичечную коробку величиною; их наполняют кровью из уха жертвенной скотины и ставят на пол перед шаманом.

Шаман по обыкновению выходит на улицу — впустить в себя духов. Тем временем подметают юрту, чтоб не мог спрятаться в сору хозяин болезни.

Войдя, шаман садится на белую лошадиную шкуру,[1] разостланную на полу перед камельком; трижды кукует: ку-ку! трижды зевает, трижды свистит, трижды бормочет: ба-ба... Некоторое время поет без слов; наконец, ударяя в бубен, приступает к самому заклинанию:

На долгое время уселся я,
На длительное сидение,
Отважный, надолго уселся я,
В рот беру кровь и разбрызгиваю,
Вполне овладевши хитростями
Двенадцати разных родов-племен
В моей окраинной мать-стране,
Восьмиободной вотчине!
Хозяин знаменитого бубна моего,
Того, что со звоном натягивается, —
Мой бубен — восьмисаженный стог,
Мой бубен — молодой могучий жеребец!
Опять наступает время для нас
Счастья испросить, удачи призвать...

Сорок четыре сыча в тороках, [2]
Крупные пятна с головы до ног,
Одна белая полоса на лице, —
Ты, изрядно темная ночь!
Тебя, беспокойную, просидеть,
Бормоча и выкрикивая, — время пришло!
Ты, хозяин большого заклинанья моего!
Ты, хозяин моего растянутого рта,
Неослабного, словно лук-самострел!
Вы, хозяева отважных напевов моих!
Вы, хозяева могучих припевов моих!
Все прислушайтесь, приходя!
Вы, чье имя — нечисть, абаасы,
Чье жилище — подножье лиственницы,
Вы, что являетесь сюда распевать, —
Тоже прислушайтесь, приходя!
И от тебя я помощи жду,
Хозяин старого пепелища.
Ты, что выглядываешь подсмотреть
И заигрываешь со мной.
И ты меня пожалей, помоги,
Хозяйка вселенной, владычица, госпожа!
Вот, стреножившись, [3] я сижу,
Мне нужно срезать силу юёр,
Я должен мощь его окарнать!
И ты попробуй спеть и заклясть,
Дева окраины Чынгыйдаан, [4]
Несущая силу и помощь мне,
Говоря: «Постоянно посыль!
Так безрассудно не распевай!»
Бестолково силу сама не трать,
И баловаться не вздумай с ней!

Перестав ударять по бубну, колотушку подносит к глазам и, как бы вглядываясь, начинает предсказывать:

— В чаще старинная подвесная могила, [5] оказывается; от нее-то, оттуда, ваших поветрий и болезней начало, оказывается. И еще такое место, где в старину, три

поколенья назад, злые, с конями черными, беломордыми, [6] между собою силами мерялись; кровь их сочилась; сильные юёр умножились, — вот такое место в этой стране вашей, оказывается. Если же знаменитые заклинания спою — уладится. Озера вашего на северной стороне, лиственницы с наклонной верхушкой, с легко отстающей корой, с корнями надземными, с дуплом на восток, — такой лиственницы немного южнее пустой пень, оказывается. Внутри — серьги-подвески, суконный картуз. [7] Что, такая потеря случилась ли?

Ответ присутствующих. Терялось в старину такое.

Шаман. Телячий абаасы [8] унес, оказывается. Телячий абаасы одежду уносит; такой имеет обычай.

И вот этот домохозяин, походка вразвалку, плешивый висок, алый румянец, со шрамом на шее, — промышленник он, оказывается. Когда с бородавкой на морде зайца [9] поймал, петлей изловил, — в то время украли, взяли.

И у глубокого круглого озера на западной стороне в стародавние времена умершего шамана могила, оказывается. Вот оттуда, с криком «чу-чу», прилетая, кулик, емегет его,[10] на вас все время зарясь, чуокает,[11] оказывается. Ысыым!

(Как бы усиленно всматривается.)

— С глазами, кольцам уздечки подобными, со лбом, подобным колену, с густой бородой, почтеный, степенный человек в гробу уплыл,[12] вниз головою лежа. Оставленные им, — рыдая, остались. Кто же такой?

(Перестает смотреть, снова ударив в бубен, поет, заклинает.)

Равные мои, сюда, сюда!
Приятели мои, веселей, веселей!
Сильные мои, беспокойные мои,
Сюда, сюда, товарищи мои!
Ты, с иссохшими пальцами,
Как черви мясные скрученными, —

Ты, со щекою выгнутою, —
Ты, с глазами выпученными, —
Ты, у которого ржавый лоб,
Взоры молниеносные!
Шустрый паренек, приятель, сюда!
Здесь со мною побудьте-ка вы!
Полого бубна хозяин приди,
Растопыренной крестовины хозяин внемли,
Вольной колотушки хозяин, ответь, —
Да будет удача крепкая!
Будет хилому подспорье от вас,
Ваше расположение!
Вы, пятикратно сильнейшие нас,
Вы неустанно подвижные, —
Тучную почесть вам воздам,
Готовлю горой угощение,
До самой глотки воздвигну стол.
Поставлю пищи по самый рот!
Шальные юёр, не выглядывайте!
Главное чудище, перестань вредить!
Ты клыки заострил, ты движешь хвостом,
Ты спину выгнул, ты выпятил живот,
Ты в шального юёр превращаешься,
Шестьдесят шесть абаасы под началом у тебя!
Сидя — вздремни! лежа — усмирись!
Зачем же, отважный, прибыл я?
Ради чего осквернился я?
О чем заливаюсь песнями?
Девяносто узорных напевов моих —
От лесных еланей напевы мои,
Только что спетые песни мои —
От тайных тропинок песни мои,
Дымящиеся, затуманенные...
Вы, мои незримые приятели,
Шустрые и превосходные!
Вы, беспрестанно звенящие,
Как комары сытые!
Вы, певуче жужжащие
Как голодные оводы!

Войдите в меня, проникните!
Набейте дополна мне живот!
Сильное счастье да будет мне!
Раскройтесь мне, попробуйте!
Хозяева моих низовых путей, —
Таких, где другой отважный шаман
Даже спиной не протиснулся бы —
Тихо, отважно прохаживаясь,
Не мечитесь вы, не высовывайтесь!
Где восемь знаменитых шаманов навек
Вехи из слез оставили, —
На той окраине моей страны,
Слыша и видя, останьтесь вы!
Где голени девяти шаманок-дев
Костяными вехами поставлены, —
Видя и слыша, останьтесь там,
Страны моей будьте хозяева!
Где шумящие вехи из больших голов
Знаменитых шаманов расставлены, —
На той окраине моей страны,
Слыша и видя, останьтесь вы!
Взлетая, скрываясь, всплывая вверх,
Проходя, изловчась, обманывая,
Взлетая, скрываясь, всплывая вверх.
Цепенея низвергнусь в нижний мир.
Приняв голодного волка вид,
Облик медведя грозного!
Подобных серым девяти волкам,
С громким воем усевшимся, —
Хозяева моих девяти мысов,
Слыша и видя, останьтесь вы!
Подобным девяти черно-белым журавлям
Стоящим, сомкнувшись клювами, —
Хозяева больших девяти мысов,
На окраине той останьтесь вы,
Где расставлены вехи из белых черепов
Моих лошадей жертвенных, —
На той окраине моей страны
Останьтесь, будьте хозяева!

На окраине моей голосистой страны,
Кусачей, подобно визгливому псу,
Слыша и видя, останьтесь вы,
Будьте ее хозяева!
Где злобно друг на друга скосясь,
Как быки, бодаться готовые, —
Два большие мыса чернеют, стоят, —
Слыша и видя, останьтесь вы!
Подобно жеребцам от двух табунов —
Важно стоящих мысов моих,
Хозяева будьте на окраине той, —
Слыша и видя, останьтесь вы!
На окраине тех туманных морей,
Где ходят волны из малых детей,
Где зыблются рябью юноши,
Плещутся наледью девушки,
Взрослый люд несется, как лес-сплавник,
Русские, колдуя,[13] набегают волной, —
В те моря шаман рыбы навел,
Этим шаман прославился...
Первоначальница-бабушка!
Пора к тебе, госпожа моя!
Время настало переправиться,
Держа в руке лопастное весло,
В лодке восьмидощатой моей,
В той, у которой приподнят нос...
Бабушка-море! Не ставь меня
Пестрой собаки посмещищем,
Серой собаки глумлением,
Белой собаки поруганием!
Злорадству равного не предай!
Осужденьем схожего не обидь!
Не дай на позор смежному,
Насмех — единородному!
Не выброс ошибкой не в этот край,
Не забрось в противную сторону.
Вот я до средины заклинаний дошел,
Как будто время подняться мне!
Помогите, хозяева рябых моих гор,

Где птички-каменушки перепархивают!
Поднимаюсь я с другой стороны, —
Восхожу, дзинг-дзинг позвякивая!
Продолжаю путь с окраины,
Клекочу птицею-вяхирем!
Хлопаю крыльями, как птица-турпан,
Кричу отлинявшей птицею!
Девяносто девять голодных волков
Переплыли поток, — я плыву вослед!
Девять пестрых гагар ныряли в воде, —
Я весело продолжаю путь!
Девять белых чаек линяли в воде, —
Пусть же я продолжу их путь.
Девять серых куликов играли в воде, —
Пусть же я продолжу тот путь.
Рыбы-щуки образ приняв,
Взад позвонками, глазами вспять,
Глотка на темени, вывернут хвост, —
Я низвергаюсь прежним путем!
Девяносто девять чудес у меня,
Восемьдесят восемь хитростей,
Тем прославленный удалец, —
Пусть теперь я продолжу путь!
Семьдесят семь проделок моих,
Шестьдесят шесть черноголовых червей,
Ну-ка, попробуйте, проникните в меня
На темной окраине моей страны!
Я на сильном пристанище остаюсь,
Я в распеваемом блеске сижу,
Притворяясь, приманивая, кружась, обходя, —
Я убедительно пою!
За темную сторону, отважный, схвачусь,
По самой глубокой стороне отдалюсь,
Сквозь девяносто льдов побреду,
Семьдесят открытых ран наживу,
Как типистые проруби стали глаза,
Глядящие наизнанку, вниз,
И вот уж густая борода отросла,
И лысый лоб как колено стал...

Рыба-сиг за спутника мне,
Белорыбица — мое пропитание,
В свежей крови отдыхать сажусь,
Кровяные сгустки пережевываю,
Подвесками из мяса потряхиваю,
Берцовой костью подпираюсь, иду,
Заплечные крошни[14] — из кости бедра,
Колчан — из кости лопаточной,
Бедренная кость — перекладиною,
Реберная кость — рукояткою,
Рыбу ловлю, растопыриваюсь,
Болтаю сачком, раскачиваюсь;
Вот какой увлекающий угон, —
Так говорю, приговариваю.
После угона поем, сидим,
Встречаем предназначение.
Страшно сердит, слишком могуч,
Из преисподней разгневанный гость, —
Шаман, звенящий подвесками,
Бьющий свободной колотушкою, —
Вот кто велит путь продолжать,
Приносит предназначение.
Скорая хворь! Быстрая болезнь!
Тебя прибираем, опрокидываем,
Отсылаем к счастливому жилищу твоему,
Отправляем по гладкой дороге твоей,
Отдаляем от двора, выставляем из жилья,
Из дома удаляем, отделяем тебя!
Заклятьем моим, подобным коню,
Сижу, заклинаю без промаха.
Если не слишком противишься мне —
Сильно мое заклинание.
Рябо-сизой скотины спинную кровь,
Рыже-пестрой скотины ушную кровь
Возливаем вам в угощение, —
Ваши бы мысли ублажились,
Сердце-наперсток угасло бы,
Печень-заплатка утихла бы,
Круглая жила[15] смягчилась бы,

Котел-спина расширилась бы,
Чугун-голова не мыслила б зла
У вас, у чудищ заклинаемых, —
Вот зачем распеваю, сижу,
О чем заклинаю напевами.
«Вот, голову задрав, закричал!» —
Сказав, не вздумайте взглянуть.
Лежа, смиритесь, сидя, засните,
Стоя, затихните, чудища,
Будущее счастье вручите мне, —
Смеяться ли надо мной задумали?
Силой ли, хитростью — покорю,
Угоню вас к жилищу вашему!
До сегодня вы заставляли болеть,
Ну, а теперь довольно с нас!
Будет потом что порассказать
На близкой большой остановке моей!
Там, продолжительно сидя, крича,
Вам до глотки накрою стол,
Сооружу до плеча престол,
До самого рта напитаю вас!

Взяв в рот крови из берестяного сосуда, дважды брызжет ею по сторонам и причитает:

Хозяева здешних и тамошних путей,
Вкусите все, до единого!
Не вспомните после лихом меня!
Я кровью из берестяных чаш вас белил,
Кровью из турсука вас щедро кропил,
Кровяные сгустки вам дал пожевать,
Ту кровь, что в кишке свернулась кольцом,
На вас ошейником я надел.
Пресытьтесь, изголодавшиеся!
Напейтесь, издавна жаждавшие!
Почета иного не увидите,
Уваженья большего не встретите!
Такая и есть почесть моя,
Такое и есть уважение мне!

Вот эта — называемая сильная еда.
Вот это — называемый дорожный пир!
Этим насытясь, попробуйте отстать!
Удачно ль угостились? Насытились ли?
Теперь с изнанки взгляните на себя,
Теперь обопритесь на спину!
Теперь у вас животы отекут,
Теперь у вас спины выгнутся,
Вы будете с округлыми бедрами,
Разжиреете, отощавшие!
Иссохшие, вы размякнете,
Расплыветесь вы и растаете!
Я так вас заклял, я так напел, —
Стоящие здесь пугаются,
Стоящие здесь съежились,
Лежащие здесь притаились все!
Не я ли, словно бы круг проведя,
Замазывал и выдалбливал,
Отделывал и оттачивал?
Не я ли пел убедительно,
Не я ли просил у вас тишины?
Кончается время мне сидеть
На светлом лике средней страны,
На этом длинном загривке ее;
И вот приходит мне время встать,
И важный отдых мне наступил!
Заклятье, что все это время пел,
Теперь завершается, друзья!
Вы сами создали эту хворь,
Своею плотью творили болезнь,
Своею кровью питали боль,
Своими коварствами наделив.
Поэтому вас упрашиваю,
Поэтому вас обманываю
Кровями коровы сизо-рябой, —
Ублажаю мысли, отделываю;
Коровье свежее питье подношу;
Кормлю кровяною жвачкою,
До самой глотки нагораживаю,

До самого плеча устанавливаю,
Угощаю, умоляю, упрашиваю, —
Чтоб только, расплывшись, расстались вы!
От вас прошу, одного впустив
Кееляни,[16] сильного, щербатого!
Берестяные боги,[17] будьте со мной!

Шаман идет к дверям; раскрыв подмышку, впускает духа-заику Кееляни и, заикаясь, вопрошает от его имени:

— Дом-мо-х-х-хоз...зяин, г-где т-ты си-дишь? —и сам отвечает: — Вот сижу.

Кееляни (страшно заикаясь). Меня зачем сдвинул, заставил сюда привести? Знаменитый, прославляюсь я, грозный, отваливаюсь, даже слепым напоследок являясь, прихожу. Какую плату дать думаешь?

Ответ. Ничего не имею.

Кееляни. Если так, для какой нужды меня звал?

Ответ. Вечерней росы, утреннего инея мне не вынести; вот почему заставил позвать.

Кееляни. Если так, львиной крови нет ли?

Ответ. Нет.

Кееляни. Ексекю-птицы желчь, быть может, найдется у вас?

Ответ. Нет.

Кееляни. Так попусту приплелся я, что ли?

Ответ. На будущий раз отдадим, если подымешь больного нашего.

Кееляни. Ну, друг, опять бы не обмануться мне!

Ответ. Нет, не обману. Каждый раз зачем же буду обманывать, если к другому твоему приходу поправишь человека нашего?

Шаман раскрывает подмышку, выпускает духа. Перестав заикаться:

— Радость и счастье если пожелаю показать — посмотрите ли?

Присутствующие отвечают: Посмотрим!

Шаман. Если стану веселиться — будете ли смотреть?

Ответ. Нет.

Шаман. Не посмотрите ли, как в медведя грозного превращусь? Не посмотрите ли, как волком голодным стану?

Ответ. Нет.

Шаман. У меня восемьдесят хитростей, девяносто оборотничеств у меня выглядывают! Люди мои, почему хотя бы немного не посмотрите?

Ответ. Нет, не будем смотреть, смирно пройдя, уходи.

Шаман. Если так, при желании гадать, заставите ли? Погадать я хочу. Счастье призвать — заставите ли?

Ответ. Постарайся!

Шаман, держа подмышкой бубен, скачет и распевает:

Да будет, что я распел наперекор,
В девяноста благозвучных напевах моих
И счастье, и участь будущего!
Его раздавишь — не поддастся оно,
На него наступишь — не погнется оно,
Знаменитое мое заклинанье!
Призываю счастье, назначаю судьбу,
Изгоняю юёр многочисленных!
Заставишь ли ты, чтоб выздоровел?
Приляг, лежи, ворожба моя!
Посреди спины, на середке груди,
На шейном позвонке выпуклом,
На холмике затылка, приляг, лежи,
Тяжелая, вещая ворожба моя!
А если мне исцелить суждено,
Смогу заставить, чтоб выздоровели, —
Тогда с подножья серебряного,
Толщиною в три пальца слитого,
Я знаменитый напев спою,
Скажу заклинанье славное:
Стань-ка, земля, полем ледяным!

Кружится волчком на одном месте, повторяя: «кыырык! кыырык!» — бросает колотушку вверх, и она падает стороною, предвещающею удачу.

Присутствующие. Ледяным полем стало![18] Уруй!.. Уруй!..

Шаману подают колотушку, и он бьет ею по бубну, а затем отдает ее своему помощнику, приказывая:

— Заставь звучать! Заставь пинать! Заставь колотить! Заставь грохотать!

Помощник непрерывно бьет в бубен. Тем временем шаман припадает к больному, долго прилаживается губами и, наконец, вытягивает из него духа болезни; потеряв сознание, опускается, но присутствующие подхватывают его за повод[19] и усаживают на пол по левой стороне юрты. Охая, шаман постепенно приходит в себя и начинает вещать от имени вошедшего в него духа болезни:

Э, никак, за ребенка считая меня,
Из пухового гнездышка вправду ты взял,
От согретого дома-жилья отдалил!
Ты, отважный, смотри: я уйду лишь тогда,
Как мне дашь обонять опаленную шерсть
Сизо-пестрой скотины от носа и губ,
Как понюхать отрезанной шерсти мне дашь,
От спинной и от лобной мне шерсти зажжешь,
Заклинанья удачные произнеся,
Вот тогда я уйду, — до тех пор не уйду.
Рыже-пестрой скотины с почтенной спины
Ты отрезанной шерстью еще почади,
Так заставишь уйти, — без того не уйду!

Один из присутствующих берет клочок шерсти с жертвенной коровы и, сжигая его на горячих угольях, предоставляет шаману нюхать чад.

Шаман.

Ну, вот! Сужденная пища мне!
Сладка, вкусна оказалась ты!

Смягчила черную печень мою
И гнев ее слоистых краев!
Теперь останетесь без меня,
От века и до веку благо вам жить.
Ну, а где же шелковый тот платок?
Ну, а где ж из волос сплетенный шнурок?
Где с шестью зарубками пешка моя?
Земноводная ящерица — в-седьмых?
И, в-восьмых, — дождевой аршинный червь?
Разве так выполнялось вот это все?

Присутствующие в ответ: Выполнялось.

Шаман, открыв подмышку, выпускает духа болезни, берет бубен и, ударяя в него, говорит:

Да будет так, что заставлю звучать!
Да будет так, что буду пинать!
Ударив, ударив, тряхнув, тряхнув,
Заставлю дрожать, трястись, грохотать!
За то, что, страшный, перечил мне,
За то, что ты тощал и худел, —
Теперь, чудовище, отделись,
Отправляйся, покачивайся, уйди,
Отставая, осклабившись, улетай,
Раскинься, проваливайся, исчезай,
Шатайся по самым дальним местам,
Переваливайся по далеким местам,
Твоему лежанью настал конец!
Убирайся, засевшее чудище!
Трехпятнистым тальниковым кнутом
Тебя, ужасного, я угнал,
Колотушкой крепкой отделал тебя,
Подвеской, что, заливаясь, гудит,
Тебе для возврата путь заградил.
Теперь тебя умоляю, пою,
Как самого доброго соседа прошу, —
Не вздумай обратно вернуться к нам,
А то надтреснут вертлюги твои!
А если на нас оглянешься ты,

Пусть расколются кости твои!
Проклятья мои и стенанья твои
Хочешь — вытерпи, хочешь — нет.
Сай! Сат! Пусть будет так!
Сай! Сат! Пусть будет так!
Сай! Сат! Пусть будет так!
Исцеление и угон!
Исцеление и угон!
Исцеление и угон!
Пусть будет, что я абаасы отделил!
Под солнцем тяжкий год пропустил,
Знаменитый год между ног пропустил!
Чудище в сторону, прочь угнал!
От болезни больного освободил,
От поветрия, от недуга очистил его,
Избавил от внутреннего вреда!
Отдаваясь в стучащие пятки мне,
Просторней, просторней пусть будет ход!
Отдаваясь в звучащие пятки мне,
Пусть будет топот звучней, звучней!
Мой полый бубен, с озеро шириной,
Пускай закроет ему лицо!
Побрякушки посыпались, загремев,
Подвески рассыпались, загудев, —
Кюсянга звонкими зазвенев,
Нисходит скорое счастье к нам!
Я был рожден от сосновой реки,
Я был менериик, я твердил, твердил:
Смотрите, слушайте — вот я какой!
Я три поколения пережил,
Я трех народностей абаасы
Поймал, поймал, — вот я какой!
Расплеснул, расплеснул, — вот я какой!

Обращаясь к больному, предупреждает:
— Болящий! Если суждено выздороветь, — от нынешнего через два дня, с полудня, начнешь выздоравливать. Если суждено не поправиться, — с полудня этого дня станет хуже. Так узнается.

Окружающим:

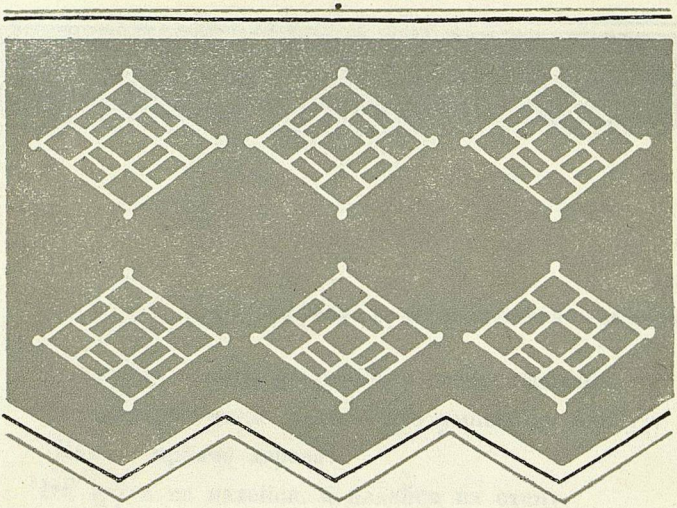
— До истечения трех дней потихоньку шумите и негромко стучите. От шума расплещется воздух — душа его; рассыплется кут-душа, и сюр-душа[20] распадется! вот тогда умрет. Этого сильно берегитесь.

Садится на шкуру и, ударяя в бубен, говорит:

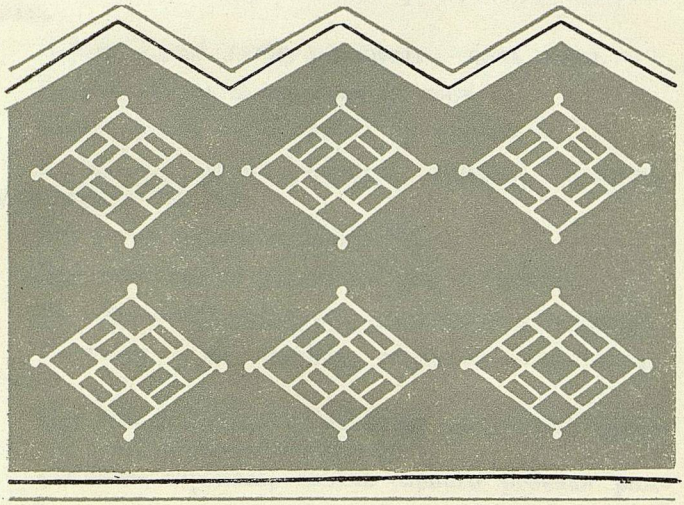
Заклятье крепко, хитрость ловка,
Сиденье обширно, долог присест,
Теперь, подвинувшись, встать хочу.
А чудище пусть на нас не глядит,
Зарывшись в гладкую рысью шерсть!
И трещину пусть укроет свою —
Большую, открытую, как ушат, —
Укроет в косматую волчью шерсть,
От волка с черной полосой на ногах!
Пусть закроется зоркий взор!
Пусть притупится чуткий слух!
Найди-ка, нечисть, место свое!
Вошедший к нам — затихни здесь!
Отдохни, сидящий! Лежащий, смирись!

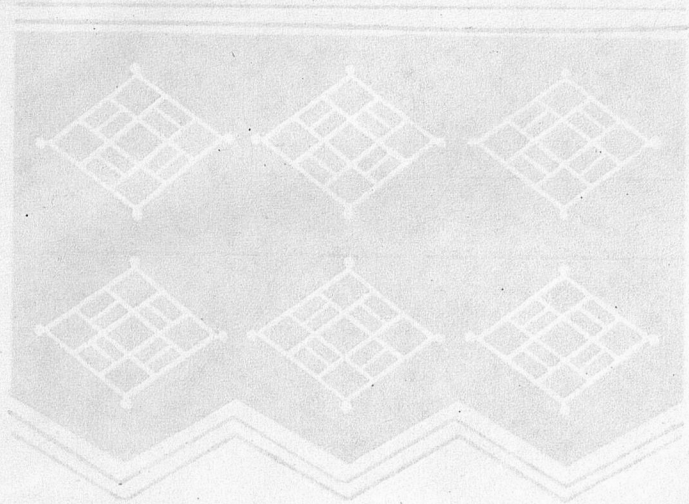
Опрокидывает перед собою бубен.

Шаману подают на тарелке семь кусочков вареного мяса. Пожевав, он выплевывает мясо по сторонам и в огонь, а затем выходит на улицу выпускать духов.

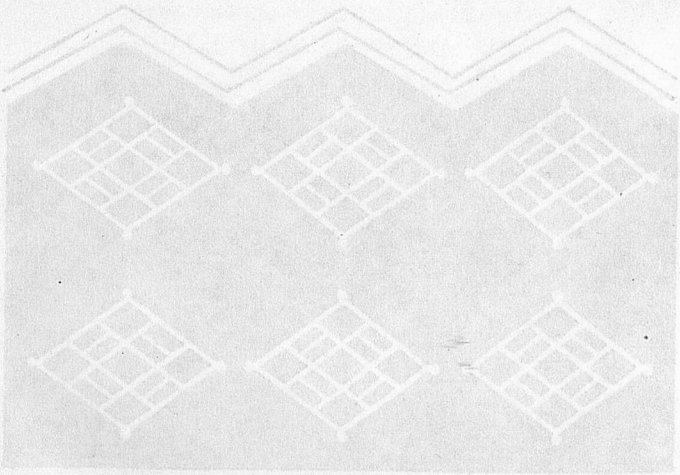


ПОГОВОРКИ И ПОСЛОВИЦЫ





ПОЛОВОЬКИ И ПОСТОВНИРІ



Сытому и жир не вкусен; проголодаешься — и вода сладка.

Задравши голову, не плюй: в глаза попадешь.

Что потерял один дурак — сто умных не найдут.

«Нет» — крепче дерева.

На друга не надейся, а надейся на стену.

Умереть — небо далеко, провалиться — земля тверда.

С больного места не сходит рука, а с любимого — глаз.

Ждать — день долог, ревновать — ночь долга.

Старая собака понапрасну не лает.

Молчаливый всегда слывет за умного.

Хозяин — с двумя глазами, хозяйка — с одним, работник — без глаз.

Без ветра дерево не шатается.

Предчувствие не удаляется, рок не уходит.

Не спрашивай у старого, спрашивай у бывалого.

Молодым — не надейся, стариком — не отчаивайся.

Как собака костью не давится, так русский чиновник (и поп) не давится якутами.

Слишком торопясь, собака слепого ребенка рождает.

Только у русского слез нет.

Шамана жена в рай заходит, священника жена в ад спускается.

Имеющему желание не препятствуй.

Толстое не переламывается, широкое не раскалывается, богатство не кончается.

Что родня далеко, что вода близко — хорошо.

Когда мальчик рождается, черный ворон радуется; когда девочка рождается, хозяин огня радуется.[1]

Вместе с певцом — сидящий человек певцом становится, вместе с шаманом — сидящий шаманом становится, вместе с кузнецом — кузнецом становится.

У сытости есть предел, у голода — мученье.

От большого в смятенье не приходит, от маленького не теряется.

Ухо далекое слышит, глаз близкое видит.

У беды — удобный случай, у горя — веревка, счастье слепо.

Несчастье найдет дорогу, неудача — удобный случай.

Этот парень просушит отцовы копыта.[2]

Путешествие любит спутников.

Путнику попадается спутник, страннику — сотоварищ.

Путнику — голод, страннику — недостатки, гонцу — усталость.

Дорожная собака ворчлива, кочующая собака ревнива.

Рот мой Алдану-реке уподобился, глотка моя уподобилась солнцу.[3]

У этого пищи до октября, сена до февраля.[4]

Половина доски на икону, другая на лопату.[5]

У этого только слез русского нет.[6]

У этого верны только следы на снегу.[7]

Этот, с попутчиком ехавши, вместо коня лесину ему подсунул.[8]

Для еды малая семья хороша, для работы — большая.

Не показывай пищи голодному, одежды — голому, огня — озябшему.

Этот демон только тем человек, что еду поглощает.[9]

У этого изо рта золото не просыплется.[10]

Варится, словно Кычкина быка голова.[11]

Конь имеет славу, дорога — известность.

Этот словно конь прославился, как дорога известен стал.[12]

Был бы конь — будет и седло, был бы нож — найдутся и ножны.

Побежит конь — побежит и собака, улетит селезень — улетит и чирок. (Варианты: покатятся сани — и собака не отстанет; взлетает селезень — всплывает и водоросль.)[13]

Этот у верхового хлыст заберет, от пешехода — посох.[14]

Голодному всякая еда вкусна.

Не гордись в богатстве, не унывай в бедности.

Кто живет близ моря, у того ноги мокры.

Спесь громче богатства.

Богачу не жаль бедняка, бедняку не жаль богача.

Богатому небо по горло, строптивому море по колено.

Своеволье — отродье богатых, строптивость — порождение сытых.

Помыслы богача — текучая вода.

Богача как обойдешь?

С богатым не борись, с быстрым не гонись.

Конченого не почерпнешь, пролитого не подберешь, порванного не прирастишь.

Отставшая собака на бурелом взлаялась. [15]

У этого и вшей на голове нет. [16]

Вошь торбазов влезла на голову, вошь чулок вползла на затылок. [17]

Только карась шумит. [18]

Здесь я зыбку повесил. [19]

Зерна посыплются — мышь прибежит, медные деньги брякнут, казак зашевелится. [20]

Дым о дыме «у него больше» думает. [21]

Этот, разрываясь, срастается, утопая, всплывает, умирая, вновь воскресает. [22]

Нож черенка не строгал, ворон ворону глаз не выклевал. [23]

Нож сломался у самого кончика. (Вариант: рвется веревка, где тонко, ломится нож у кончика.)

Укусит вошь — почарапаемся. [24]

Вчера собачью ляжку в зубах таскал, сегодня лисий хвост на руках несешь. [25]

Ест словно рысь из-за валежника. [26]

Бисер на обшлагах считает. [27]

Волк волка отцом назвал. [28]

Споткнулся — не выправишься.

Косись на того, который давно за Вилюем.

В море и капля нужна. [29]

Положись на собаку, не на товарища.

Обеднев — не рассказывай о прежнем богатстве; состарился — не говори о бывалой силе.

Женщина только будет довольна, как получит землю своей могилы.

Женщина, поутру огонь разводя, сорок дум передумает.

У женщины ум короче ее волос, грудь уже ее рукавов. [30]

Женщине — потасовка, картам — тасовка.

Так и умер, не повидав заднюю сторону своей юрты. [31]

Счастье слепо на оба глаза.

Наше счастье всего с полпуда.

Тоска родителей — все по детям, тоска детей — все по скалам. [32]

Двое плешивых друг у друга вшей ищут.

Этот дважды вокруг большого пальца тебя обведет, трижды вокруг указательного.

Будущее — лучиной ведь не осветишь.

Этот — словно передняя пола. [33]

Старосты жена — с заднею мыслью, кузнеца жена — со скрытой мыслью, шамана жена — с запасною мыслью.

(Вариант: шамана жена любит угощаться, старосты жена любит повелевать.)

Пестрота человека — внутри его, пестрота птицы — вне ее.

Погладив чолку, разрубил затылок.

Заступник мой — только глаз моих слезы, защитник мой — только глазниц моих истечение.

Разве я тунгус кочующий или русский проплывший, чтоб ты мне не верил?

Утиной кости не сломит. [34]

Мышь коренья хвостом мерила. [35]

Чирий вскочил, где вздумалось, судья рассудил, как понравилось.

Девочка в семье — чужое добро.

Ты — сокол мисок, ястреб ложек, сова турсуков. [36]

Что скупой богач, что жирная собака — пользы нет.

У скупца и креста нет.

Почерпнул у скупца щербатой ложкой. [37]

Шутя, смеясь, разрыл его пепелище, играя, резвясь, потушил огонь. [38]

Подмигни своей тени. [39]

Угощенье — не уголь, уваженье — не пепел.

Схватился за края солнца и луны. [40]

Напал на сено без народа. [41]

Осенний человек — смеющийся, весений — облизывающийся. [42]

На ходу зеленой травы не сломит. [43]

Я ей уступила — черепок подарила. [44]

Ушел, куда костыль поведет.

Плотнику не быть богатым, певцу не быть счастливым. [45]

Прибыло всего пять казаков, считая со мною. [46]

Нуждающийся находчив, бедствующий беззастенчив.

Горемыка любит поплакаться, несчастный ищет слушателя.

Собрались горемыки к морю.[47]

Ищи веревочки у безрогой коровы.

В споре и белая ворона черна, и черная ворона бела.

Этот, как сова, на верхушку садится.[48]

Мокрый ремень не рвется.[49]

Русский по дороге бежит, якут спасается лесом.

Русский, пока не замерзнет, всем говорит: «тепло».

Русский и при смерти за долгом руку протянет.

Не надейся на жену — надейся на стену.

Бывает ли, чтоб при шамане не врал человек, при кузнеце не сломалась посуда?[50]

Воспеваньем чужих, воспоминаньем близких стал этот человек.

Она только ямка лежанки и дыра постели.[51]

Это дитя — со дна живота, сушит сосцы и снимает колья.[52]

Несчастий больше у меня, чем травинок, неудач больше, чем соринок.

Повремени, пока малое вырастет и тощее ожиреет.

Умирающий за травку цепляется.

Беда и горе приходят, будто им время назначено.

Пока доедешь до врага, конь твой будет без сил.[53]

Старое пепелище имеет пни, прежнее жилище — заветную память, огонь — искры.

Этот — окно земли. [54]

Земля и черна, да на ней хлеб растет, снег и бел, да на нем собака мочится.

У этой лицо обрызгано кислым молоком. [55]

Этот — лежащей коровы не вспугнет. [56]

Потерянное не найдется, потонувшее не всплывет.

Что убежало — не догонишь, что окончилось — не почернешь, что порвалось — не сростишь.

Выйти на двор — снег белеет, войти домой — огонь краснеет. [57]

Каменная ладонь у вошедшего извне и берестяная ступня у пришедшего со стороны. [58]

Девка мочится на свои босые ноги. [59]

Эта уже надела свою железную шкуру. [60]

Память словно у белки. [61]

Суетливая белка на стрелу набросилась. [62]

Дерево свалил я, а белок собрал ты. [63]

У загона его поставил силок, у дороги его поставил петлю, у жилья его — самострел. [64]

Раз взял в руки — его трость, раз надел — его шляпа. [65]

Этого кто только с языком — бранит, кто лишь с глазами — косится, кто с руками — бьет.

Данное слово нарушить — лучше тысячу потерять.

Родился в ночь, вошел в окно, крещен в пруду и молился пню. [66]

Показал пестроту своей груди. [67]

Что он водою назвал — снег, что он снегом назвал — вода. [68]

Не вымрет рыба в постоянной воде, не терпит нужда человека среди своих, не погибнет заяц в роще.

Думаешь ехать — не трать воды; думаешь уйти — не приканчивай дров.

И у великих гор есть проходы, и у матери-земли — дороги, и у синей воды — брод, и у темного леса — тропа.

Кичилась водяная курица белым пятном на лбу. [69]

В огонь его бросишь — не пахнет, в сено завернешь — бык не съест, с жиром смешаешь, — собака гнушается.

Вор — первый богомолец, женолюб — лучший родственник, [70] плут — больше всех боится греха.

У этого тело распороть — не выйдет ни крови, ни сукровицы. [71]

Сума его сморщилась, кишкой своей опоясался. [72]

Гроза небу поленом, а облаку — ножом.

Улететь — небо далеко, провалиться — земля тверда.

Толстое вдоль не колется, тучное поперек не ломается. [73]

Играет толстым брюшным жиром, как деньгами, играет толстым шейным жиром, как городками.

Толстый брюшной жир скользок, толстый шейный жир не ухватишь. [74]

Берущая рука не знает, а дающая знает.

Не будь уверен в разжеванном, будь уверен в проглоченном.

Непреложна судьба, велик рок, гибельна опасность.

Отщепенца медведь пожирает, бродягу комар кусает.

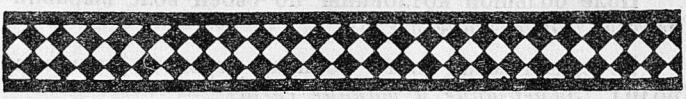
Хворый всегда богомолен, бедный всегда хороший родственник.

Двое кривых «одноглазкой» друг друга ругали.

Несказанное слово лучше сказанного.

ЗАГАДКИ

ΠΙΝΔΑΡΟΥ



Золотой мяч по своей воле загулял, говорят.
Посреди моря серебряная миска плавает.
Тигровый бык сугробы насквозь промочил, говорят.
(Солнце)

На верху юрты щербатая (деревянная) ложка лежит, говорят. *(Месяц)*

На юрте мелкая щепа лежит. *(Звезды)*

На дне лежат семь денежек. *(Плеяды)*

На дне моря абаасы девки глаз виден. *(Венера)*

Что без колес, а движется. *(Туча)*

Ржет жеребец вселенной, ревет бык важной страны. *(Гром)*

На небе из красного сукна платок висит говорят. *(Радуга)*

Дыханье — роса, одеяло — туман, ложе — зеркало. *(Вода)*

Хотя и без ног, но идущий есть, говорят. *(Течение воды)*

Мать дитя свое сосет. *(Река и приток)*

Я так свечусь, как драгоценный камень. *(Лед)*

Поле большой котловины по своей воле выравнивается. *(Замерзание озера)*

Вечерами меня мать родила, утром я мать мою родил. *(Замерзание и таяние снега)*

Белая кобыла ушла, саврасая ускакала, белая, черношеяя и чернокопытная осталась. *(Снег стаял, весна пришла и ушла, лето наступило)*

Хотя и без ног, но движется, хотя и без корней, но растет, — такое есть, говорят. *(Камень)*

Внутри земли расклеенное железо есть, говорят. *(Медведь в берлоге)*

Что лиственницей подперто? *(Белка)*

Внизу есть глаз. *(Заяц)*

Белая кобыла черного жеребенка за собой ведет, говорят. *(Горностай и его хвост)*

Менее иголки, а стучит как топор. *(Нос дятла)*

С крыльями, но не летает, без ног, но ходит. *(Рыба)*

На лугу есть сумочка с салом. *(Лягушка)*

Царская дочь в деревянном доме сидит. *(Оса)*

В кафтане из шелка и кожи, короткий бесхвостый шаман гудит. *(Шмель)*

Царская дочь ножницами звенит. *(Саранча)*

Стук китайских ножниц здесь слышен. *(Кобылка)*

Сумочка висит, говорят. *(Паук)*

С восемью ногами упрямое животное есть, говорят. *(Муха)*

Русская девица плачет, говоря: «Мне не дали морскую сельдь».
Остроязыкий орел, солнце, месяц застилая, летает. } *(Комар)*

Внизу плясун приплясывает, вверху танцор танцует. *(Водопой коней, губы их движутся, уши шевелятся)*

Верхоянская ель растет вниз. *(Хвост рогатой скотины)*

Не потерял, да ищет, не болен, да стонет. *(Свинья)*

Есть такое, говорят, что на гвозде не держится.
Внутри мяч, на улице мяч есть, говорят. *(Яйцо)*

Праздный гуляка, шустрый крикун. *(Собака)*

Плакса клубок с ясными глазами. *(Кошка)*

И зимой и летом ничем не отличающаяся девица есть, говорят. *(Ель)*

В лесу шаман камлает, говорят. *(Осина)*

Со снежными шапками дети есть, говорят. *(Пни зимой)*

Со времени создания своего глядит, не моргая. *(Отверстие дупла)*

Старик Антон на одной ноге стоит. *(Гриб)*

Румяна-то я румяна, да не девичий румянец мой. *(Репа)*

Кругом пушистое, по краям красное, в середине яма есть, говорят. *(Рот)*

Среди леса корова лежит.
Меж двух гор бьется, говорят, лисица. *(Язык)*

Не замерзающее круглое озерко есть, говорят. *(Глаз)*

Волоса сходятся с волосами и ночи желают.
Два человека с двух сторон озерка бьют шестами. *(Ресницы)*

Десять ребят несут лед. *(Ногти)*

Бегут дети, а животы сзади. *(Икры у ног)*

В медном котле кулик яйца снес. *(Мозги человека)*

На пень упавший снег, говорят, не тает. *(Седина)*

Сколько ни ешь, сыт не будешь. *(Слюна)*

Из дуплистого пня серый горностай выглядывает, говорят. *(Сопли)*

Русский в карман кладет, а якут на пол бросает. *(Сопли)*

Мясо, не пристающее к мясу, шерсть, не пристающая к шерсти, ночное испрашивающий есть, говорят. *(Дремота)*

Слаще сладкого есть, говорят. *(Сон)*

Внутри рысьей рукавицы забавное колечко есть, говорят. *(Женщина в положении)*

Что едят, не кладя на стол. *(Молоко матери)*

Утром на четырех ногах, днем на двоих, вечером на трех. *(Ребенок ползает, взрослый ходит, старик ходит, опираясь на трость)*

Неподвижная черная метка есть, говорят. *(Человеческое имя)*

С каменными пятками, с берестяной шапкой Нуогай-Писарь есть, говорят. *(Сети, каменные пятки — грузила, берестяная шапка — поплавки)*

Бурая корова вышла из озера и кожу свою скорчила. *(Сети)*

Черная корова через озеро плыла.
Под землей есть разбойник.
Дряхлая старуха со ста ушами.
(Невод)

Страдалец-дитя суком подпоясан, бедняга-дитя крученым подпоясан, мученик-дитя тальником подпоясан. *(Плетение верши)*

Старик у кобылицы глаза выколол.
Есть, говорят, бездонный ушат. } *(Прорубь)*

У серой кобылы следов не видать. *(Челнок)*

Ком сала и кусок масла бежит; закинув назад голову, шаман за ним гонится; тяжело шагающий, догнавшись, берет. *(Собака настигает лисицу, человек ее берет)*

С быстро мелькающим проводником, с смелым искателем следа, есть, говорят, толстый старик. *(Собака выслеживает добычу)*

В болоте вязнет черный варнак, за ним бежит во весь дух быстрый бегун, за ним верхом на белой своей лошади три года плелся сгорбившийся. *(Лось убегает, собака преследует, человек догоняет на лыжах)*

Абаасы дочь не велит трогать ресничку. *(Самострел)*

Со сплетницей-дочерью, с сердитым сыном Расщеперя-старик есть, говорят. *(Лук)*

Старик разогнулся, золотая чашка выскочила из рук, а другой белый старец упал. *(Лук, стрела, убившая зайца)*

Кобыла зовет жеребенка, а жеребенок давно ушел. *(Ружье и пуля)*

Меньше ягоды, сильнее быка есть, говорят. *(Пуля)*

Когда мать заржет, жеребенок убегает, говорят. *(Выстрел)*

Оловянная посуда не меняется. *(Добрая хозяйка)*

Дородная женщина о трех поясах. *(Старинная берестяная юрта)*

У страшного зверя на боку раны. *(Дом, рамы, окна)*

Вилюйская девушка смотрит, глаза выпучивши. *(Зимнее ледяное окно)*

Госпожа-женщина на средине груди имеет, говорят, печать. *(Окно)*

Толстая госпожа с долгою дочерью, с коротким проворным сыном. *(Печь, дым, огонь)*

Широкая, широкая Катерина, толстая, толстая Софья, длинная, длинная Евдокия есть, говорят. *(Печь, дым и искры)*

Дарья-женщина сидит и на восток смотрит.
Мятелью не заносимая Тимеликян-старуха есть, говорят.
} *(Печь)*

Три солдата носят одну фуражку. *(Таган)*

Кытай-Махсына[1] дочь красным сукном питается, говорят. *(Самовар)*

В кладовушке шаман[2] камлает, говорят. *(Мутовка, когда ею сучат)*

И утром и вечером самое любимое есть, говорят. *(Ложка)*

У ста людей одна мысль, говорят. *(Мысли людей, ожидающих варящуюся еду)*

Расщеперя белый[3] цепко схватывает, говорят.
Сто человек, за белками выехав, без следа пропали, говорят.
Без следа сто человек с горы спускаются.
} *(Гребень)*

Наружу — мясо, внутри — рубаха. *(Свеча)*

Адову дочь рвет изгуменной кровью. *(Сброска нечистот из хлева через окно)*

Плотно берущий есть, говорят. *(Клей)*

Красная корова доску лижет. *(Рубанок)*

С южной стороны[4] одноглазая старуха, прибыв, делает, говорят, узоры. *(Игла)*

С тысячами глаз Тыыхаадар-купец есть, говорят. *(Наперсток)*

Два медведя кусаются, если что-нибудь попадет, то режут. *(Ножницы)*

С тремя дверями белый дом есть, говорят. *(Штаны)*

Без рук держит. *(Замок)*

На краю скамейки прыщавый старик лежит, говорят. *(Подпилок)*

По обеим сторонам дороги шесть щенят бегут говорят. *(Копылья у саней)*

Двое лисят попарно бегают. *(Полозья у саней)*

Седой старик с восемью кисточками. *(Седло)*

Ниже скошенного места, длинные травы есть, говорят. *(Недоуздок)*

Четверо русских детей в одно место мочатся, говорят. *(Доение коровы)*

Белый олень сугроб копает. *(Сбивание масла. Мутовка размешивает масло — сугроб)*

Черный бык, землю взрывая, идет, говорят. *(Соха)*

Подсиживает, а крепкий. *(Водка)*

Хотя и с глазами, но без крови, хотя и с лицом, но без жира есть, говорят. *(Икона)*

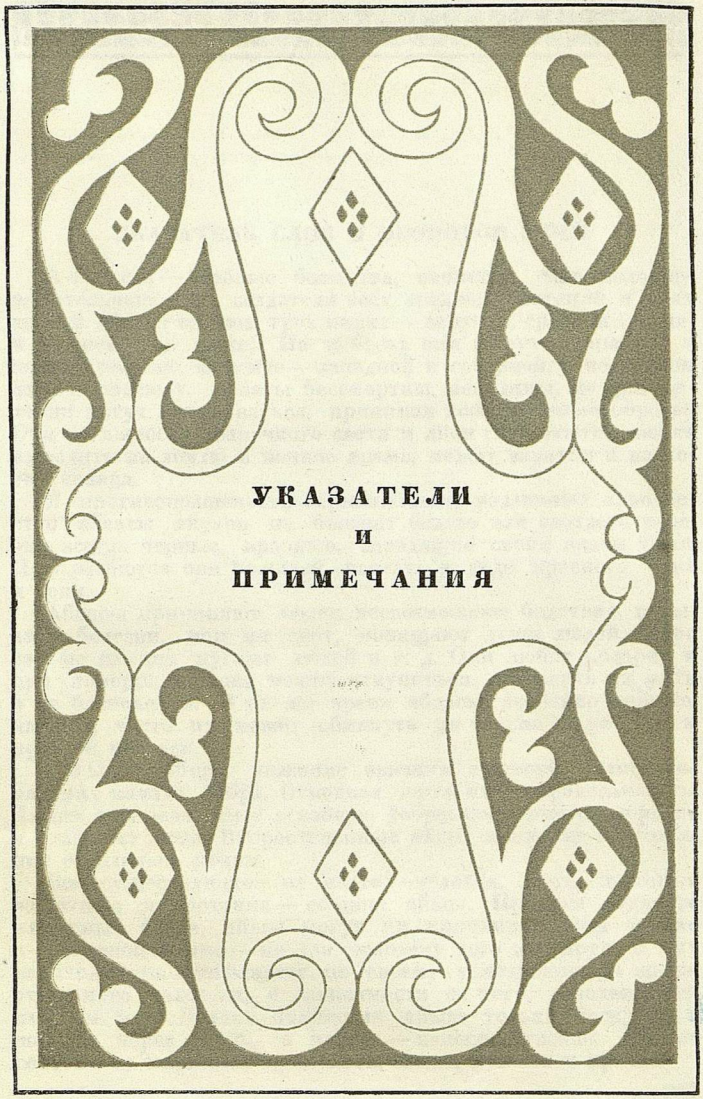
Под подушкой острый нож. *(Блоха)*

Сзади имею суму, но не улусный нищий; имею два рога, но не бык; имею восемь ног, но не паук. *(Таракан)*

Между двумя жителями берестяный турсук бегает, говорят. *(Сплетник)*

Полеживают, а сильны. *(Деньги)*

Кабы я встала, я бы до неба достала. *(Дорога)*


УКАЗАТЕЛИ
И
ПРИМЕЧАНИЯ

УКАЗАТЕЛЬ
И
ПРИМЕЧАНИЯ

УКАЗАТЕЛЬ СЛОВ И ОБОРОТОВ РЕЧИ

А б а а с ы — злобные божества, нечистая сила, недоброжелательные духи, создатели всех вредных растений и злых зверей. Живут во всех трех мирах — верхнем, среднем (земля) и нижнем (см. ниже). На небесах они живут в западной и южной стороне, на земле — западной и северной, в подземном мире — повсюду. Абаасы бессмертны, невидимы, но при желании могут показываться, принимая всевозможные образы. Они не выносят солнечного света и днем скрываются, любят выходить на землю в ночное время, между закатом и восходом солнца.

В противоположность «привидениям» различных народностей абаасы якутов не бывают белого или светлого вида, они всегда черные, мрачные, наводящие своим видом ужас. Показываются они большей частью в виде красного огня и тени.

Абаасы причиняют людям всевозможные бедствия, посылают болезни, мор на скот, похищают души людей, более слабые из них пугают людей и т. д. Они любят подарки и при помощи шамана можно откупиться, заставить их уйти и не беспокоить. В то же время абаасы, особенно нижние, наивны, часто их может обмануть не только шаман, но и простой человек.

А й ы ы — общее название высших существ, олицетворяющих начало добра. Основная черта их — справедливость. Людям они оказывают всеобщее добро: посылают плодородие и благосостояние. Второстепенные айыы приносят благодеяния отдельным людям.

Все существующее на свете — человек, скот, полезные животные и растения — создано айыы. Принося людям те или иные блага, айыы могут им причинить вред только в пассивной форме — не дав человеку того или другого, ему необходимого. Они влияют по своему усмотрению на жизнь отдельного человека, в зависимости от того, довольны они им или нет. Якуты приносили айыы только бескровные жертвы через огонь, а иногда — непосредственно. Жертва состоит из молочных продуктов, масла, кумыса и проч.

А й ы ы с ы т — общее название божеств плодородия, преимущественно женского пола (мужского — только айыысыт лошади), способствующих размножению людей, конного и рогатого скота, собак и т. д.

А м г а — левый приток Алдана.

Б а б у ш к а (местность, река, речка, озеро, играющие ту или иную роль в хозяйственной жизни якута) — почтительное обращение. Из уважения к духу-хозяину (см. ниже) местности якуты воздерживаются от их названия.

Б а л а г а н — якутское жилье, стены которого состоят из вертикально поставленных, обмазанных глиной жердей. Русское название — юрта.

Б е л ы е б е г у н ы — ч е р н ы е к о р о в ы. — Белые бегуны (лошади) — скот айыы, черные коровы — скот абаасы.

Б у б е н — необходимая ритуальная принадлежность шамана, состоит из дощатого обруча, покрытого кожей. При камланиях (обрядах) бубен служит шаману ездовым животным — лошадью для путешествий по нижнему и среднему миру или птицей для взлетов на верхнее небо, которые он совершает в экстазе. Бьют по бубну палкою-колотушкой, покрытой шкурой теленка (поэтому колотушка — «белая», «мохнатая»).

В а ж е н к а — самка оленя.

В в е р х р е з а л... В н и з р е з а л — во время еды якуты держат зубами куски мяса и режут их, водя ножом у самых губ.

В е р х н и й м и р, С р е д н и й м и р и Н и ж н и й м и р — три яруса вселенной: небо, земля и преисподняя. Верхний мир (небо), в свою очередь, состоит из нескольких ярусов (небес); по одному варианту — из девяти, по другим — из семи или трех.

Верхние небеса, по воззрениям якутов, носят куполообразную форму, по окружности они сходятся с землей, которая, со своей стороны, постепенно поднимается кверху по краям. По образному выражению сказки: «Земля изгибается кверху, как скользящие лыжи быстроногого тунгуса, небо сходится с землей изящным швом кокетливой якутки». Другой вариант: «Земля поднимается к небу, как носок лыжи; небо свисает вниз, как бахрома и серебряные пластинки ожерелья девушки-невесты; трутся они между собою, как зубы разъяренных, грызущихся жеребцов».

В е р ш и — снаряд для ловли рыбы, из прутьев, сплетенных в виде конуса.

В е т к а — челнок, выдолбленный из целого дерева или сколоченный из трех досок, или берестяный.

В о с т о ч н а я с т о р о н а — божеская, солнечная в противоположность северной, стороне злых духов.

Восьмиободная, восьмикрайная вотчина (родина) — образное описание разнообразия земной поверхности. Численное выражение, часто встречающееся в якутском эпосе, и в данном случае не указывает на действительное количество «ободов» или «краев», а служит только украшением.

Гадальная ложка с тремя отверстиями — ритуальная ложка, которой разбрызгивают кумыс, совершая на празднествах возлияния в честь божеств. Бросая ложку вверх и замечая, какой стороной она упадет на землю, гадают об исполнении желания.

Город — понятие города как населенного места заимствовано якутами от русских. До завоевания последними якутской территории у якутов городов не было.

Доха — верхнее платье из оленьей шкуры мехом наружу.

Духи охоты — божества, посылающие охотнику добычу. Каждый дух охоты считается хозяином особого зверя. Живут они в среднем мире.

Духи-хозяева земли, моря, рек, урочищ и проч. — наиболее популярные божества. По древним воззрениям якутов, у каждого существа, предмета и явления — свой дух-хозяин. Есть он и у каждого слова, даже не произнесенного. Духа земли, в частности, якуты представляют в образе доброжелательной, посылающей счастье людям, седой старухи, живущей на большом дереве.

Дымокур (курево) — из сухого конского или коровьего навоза, зажигается для защиты людей и скота от комаров.

Ексекю-птица — многоголовая мифическая птица. Ее изображения входят в состав шаманского ритуального костюма. Деревянные изображения Ексекю ставятся на могиле шамана.

Елань — лесная поляна.

Ийехсит — общее название богинь женского пола, покровительствующих людям, лошадям и рогатому скоту, иногда отождествляется с Айыысыт.

Камлание — обряд, совершаемый шаманом (камлать — шаманить).

Камус — шкура с ног животного.

Князец — якуты, до покорения их русскими, управлялись своими родоначальниками. Русские назначали судей из среды самих якутов. В 1764 году воевода Черкашинников переименовал судей в князьцов или князьков и наделил их кортиками

и печатями. Князьцы выбирались из среды влиятельных и богатых якутов. Их обязанности заключались в сборе ясака, в отправлении суда и проч. Наделенные особыми правами и льготами, значительно руссифицированные, князьцы были угнетателями своих сородичей, проводниками русского влияния и верными помощниками русской власти в ее эксплоатации якутского народа.

К о н о в я з ь — деревянные столбы около юрты, к которым привязывают лошадей. Коновязные столбы ставили перед юртой с восточной стороны числом три, шесть или десять в ряд. При трех столбах южный считался главным и назывался «Господин столб», второй — «Средний столб» и третий — «Задний столб». Лошадь почетного гостя привязывали к «Господину столбу». Медная коновязь — признак, указывающий на гостеприимство, свидетельствующее в свою очередь об известном благосостоянии.

К у б к и к а е м ч а т ы е — деревянные кубки для кумыса, украшенные резными узорными каемками. К у б к и, у в и т ы е к о н с к о ю г р и в о ю — на весенних праздниках кумыс подавали в деревянных кубках с точеными ножками (подставками), обвязанными пучками конских волос.

К у м ы с и к о н с к о е м я с о — традиционная излюбленная пища якутов. Сравнительно недавно кумыс уступил место чаю и водке, а наряду с конским мясом стало употребляться и мясо рогатого скота.

К у м ы с н ы й м е х — сосуд из кожи для хранения кумыса.

К ю с я н г а — круглые железные подвески на шаманской одежде, изображающие солнце и луну; висят на спине.

Л о ш а д ь - п р е д о к. Культ лошади находил выражение, между прочим, в мифологическом представлении, что божества сотворили сначала коня, потом полуконя, затем человека. Лошадь считается вообще священным, чистым животным. В сказках добрые персонажи ездят на конях, а злые — на быках. Шаман садится во время камлания на разостланную белую конскую шкуру. Добрые божества — обитатели Верхнего мира — откликаются на заклятье конем, а злых духов заклинают рогатым скотом (трагикомический эпизод в олонгхо «Две шаманки»: Айгыр по ошибке заклинает конем явившегося из преисподней демона-абаасы).

М а т и ц а — брус, поддерживающий потолок.

М а т ь-д у ш а — один из трех элементов души. По древним воззрениям якутов, человеческая душа состоит из трех начал: Буор-кут (земля-душа) — душа, которая по смерти человека остается в земле вместе с телом; 2) Салгын-кут (воздух-душа) — душа, которая остается блуждать в воздухе

в качестве духа, и 3) Ийе-кут (мать-душа) — главная душа, жизненное начало; она уходит во власть божеств, испытывая разные превращения.

Маховая сажень (печатная сажень) — расстояние между концами раскинутых в стороны рук.

Менериик — одержимый психической болезнью «менерийэр»; одержимые поют, скачут, хлопают в ладоши. Припадок болезни продолжается несколько часов, после чего человек делается совершенно нормальным.

Мерзлые, с ледяными глазами, ледоглазые, стеклоглазые, каменноглазые — так якуты называли русских завоевателей. У русских, не говоривших по-якутски, был, по мнению якутов, «мерзлый», неповоротливый язык, который не мог произносить звуков якутского языка. Ледяные, стеклянные, каменные глаза — светлые глаза русских.

Нижний мир расположен под землею. Сказки говорят: «Широкая преисподняя: давить ее — не поддается, наступить на нее — не гнется, толкать — не шелохнется»... «Верх его суживающийся, средина — книзу расширяющаяся». Нижний мир освещают половинчатое солнце и ущербленная луна сумеречным светом, подобным по цвету мутной карасевой ухе. Грубой железной растительностью, непролазными болотами, «где увязают даже пауки», безобразными обитателями-чудищами-абаасы наделяют Нижний мир якутские сказки. Путь в Нижний мир начинается узким проходом вниз. Сказочные богатыри спускаются туда, превращаясь в ледяную рель, в железный кол или в быка тьмы. Поднимаются оттуда, или превратившись в птицу, или по веревке, опущенной добрыми божествами. Шаманы спускаются в нижний мир верхом на бубне, при этом, превращаясь в гагару, они переплывают воду болезней, по которой уплывают тела умерших людей.

Наледь — выступающая поверх льда реки и затем замерзающая вода.

Налучье — чехол для ношения лука за спиной.

Нарты — оленьи санки.

Наслег — старая административная единица, соответствующая волости.

Натазники — короткие штаны без голяшек.

Нюхают — якуты при выражении ласки вместо поцелуя нюхают друг друга.

Ойун (Оюн) — шаман.

Олонгхо — эпические сказания, былины, распеваемые сказителями-певцами. Главная тема — подвиги богатырей, борьба их с абаасы. Композиция богато разработана, насы-

щена множеством приключений. Система образов, обороты, метафоры — высокохудожественны. Язык чрезвычайно архаичен и не вполне доступен современному якуту.

О р е л — птица белого, восседающего на бело-молочном троне бога творца Юрюнг-Айыы-Тойона (см.). Орел пользовался у якутов особым почетом. Убийство его каралось божеством, прилет во двор приносил счастье

П а л ь м а́ — большой нож на длинном древке.

С а х а — самоназвание якутов.

С в я щ е н н о е д е р е в о - д у б — мотив мирового дерева, встречающийся в мифологии разных народов. Дуб на современной территории якутов не встречается и указывает на их южную прародину.

С м е р т н ы й к о н ь, с м е р т н ы е о д е ж д ы, с м е р т н ы е я с т в а — элементы древнего погребального ритуала. Смертный конь — набитая шкура коня, пожертвованного для обряда (мясо его делили и съедали). На это чучело лошади надевали, как на живого коня, седло, узду, оброть, чепрак. Смертные одежды — шкуры рыси или россомахи, в которые заворачивали мертвеца, лицо его покрывали горностаем. Смертные яства — бадья студеного масла и скотское сердце. Все это погребалось вместе с покойником.

С р е д н и й м и р. «Простор поперек неведомый — широкая сияющая страна... Протяжение вдаль неведомое — необъятная вдаль земля... С подножья восточных склонов путаными нитями перевита нарядная земля, с западных склонов отчеканены ее красивые луговины, с северных склонов отлиты ее махровые поля, с южных склонов добыты ее зеленого шелка долины... Вытянутым листам жести подобны ее урочища, тени не видно — светлые озера, пеною не покрываются молочные озерки, грязью там — творог, солончаками — скопы молочные, черные глубины — масло с квашеным молоком, лесные озерки — сливочное масло, горы — из кишечного жира, утесы — из подбрюшного жира, вровень с головою молодецкого коня растет там хвощ, а зеленая осока — по развевающуюся челку доброго коня, по гладкие виски отменного коня — горная осока, по коленные чашки прекрасного коня — нарядная трава; как жгуты из серебра — там ветлы, как ссученное серебро — талины; красуются березы, кругом тальник, ерником поросли дороги».

Так, высокохудожественными образами описывают якутские сказки родную землю — средний мир, землю айыы, добрых божеств, населенную «божьими» людьми-якутами — урянхайцами и с «божьим» деревом — березой.

Т а а т т а — левый приток реки Алдана.

Тойон (дословно) — владыка, господин; тойоны — якутская знать, князьцы.

Торбаса — кожаная обувь.

Трехтравая, двухтравая — трехгодовая, двухгодовая скотина.

Турсук — берестяная, шитая волосом, посуда.

Улус — старая административная единица, соответствующая уезду.

Уордаах-Джесегей — Грозный Джесегей — божество мужского пола, айыысыт лошади, покровитель коней и жеребят.

Ураса — старинное летнее жилище якутов, конусообразной формы. Покрывалось орнаментированной берестой.

Уруй — союзный клич, знак радости, призыв, угроза. Низшим божествам никогда не кричали уруй, только одному Юрюнг-Айыы-Тойону (см.).

Урянхай (урянхаец) — старинное название якутского племени, указывающее на их происхождение из Урянхайского края (современная Тувинская республика).

Черкан-чааркан — ловушка для мелких зверей (белки, горностаи).

Шаман дрожит — вздрагивает, приходя в экстаз перед камланием.

Шаман зевает — зевая в начале своего камлания, шаман впускает в себя духов.

Шаманская одежда — ритуальное облачение с многочисленными железными подвесками, изображающими помощников-духов шамана (зверей, рыб, птиц), солнце, луну и проч. В настоящее время эти костюмы выходят из употребления, и современные шаманы надевают или женские платья, или длинные дохи. Несмотря на это, шаманы, когда им приходится упоминать себя в заклинаниях, описывают себя как бы в специальном костюме.

Шатун — болезнь скота, сибирская язва.

Шахматный узор — среди якутских игр особенно распространены пешки, которые называются шахматами или по-древнерусски «дуомат» (доват).

Шуга — мелкий лед после вешнего ледолома, первый осенний лед до рекостава.

Ысыах — весеннее празднество, после отела кобыл; устраивается в честь добрых божеств, которым совершают возлияния кумысом. На ысыахах происходили танцы, игры, распевались импровизации — песни о весеннем оживлении природы. Бывали и осенние ысыахи с жертвоприношениями

злым божествам. Празднование ысыах носило общеплеменной характер.

Юёр — души умерших людей, особенно самоубийц, превратившиеся в злых духов, приносящих болезни и различные несчастья.

Юкола — вяленая рыба.

Юрюнг-Айыы-Тойон (белый создатель, господин) — творец вселенной, живет на девятом небе. Говоря, что белый господин-создатель живет на молочном озере, с подножием из бело-молочного камня, сказочник оттеняет чистоту, святость божества; белый цвет связан у якутов с понятием чистоты, святости. Молоко и другие молочные продукты считаются чистыми, священными и употребляются при жертвоприношениях добрым божествам.

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

А д ж и н а й — богатырь.
А й г ы р-шаманка — звенящая шаманка (разумеется звон привесок костюма).
А к ы м а л — часть руки от плеча до локтя, плечевина.

Б а а й-Б а я н а й — богач, богатый, счастливый.
Б а р ы л а а х-Б а я н а й — всеимущий, счастливый.
Б а с ы м д ж и — богатырь.
Б у у р а-Д о х с у н — удалой, дерзкий.
Б у х а р-Д ж о л у о — Бухар быстрый.
Б ы г д ы к — узкоплечий.
Б ы л л ы р ы ы т — вид кулика.
Б ы л т а р а а н г к ы-К у о — поперек себя шире девица.
Б ы с ы й — ловкий, шустрый.
Б э р б э э к э й-Б э р г э н — лодыжка-удалец.
Б э р г э с э л я я х — имеющий шапку.
Б э р э т-Б э р г э н — Бэрэт-удалец.

Д ж а б ы н-Т у г у й — конь.
Д ж а г а л ы ы м а — господин, сверкающий господин.
Д ж а г а л ы н-Б а а й — сверкающий, богатый.
Д ж а л а г а й — беспорядочный, небрежный.
Д ж е с с и н-б о г а т ы р ь — привередливый богатырь.
Д ж е с т э й б э — красноглазый, -ая.

И й е х с и т — ласковый, -ая.

К у л л у р у у т — вид кулика.
К у л у т-Р а б — служитель, рабыня, служанка.
К ы б ы й-Э р э м э х — кыбый — сжимать, зажимать между ногами; Эрэмэх — бесплодная.
К э к э-Ч у р а н — богатырь.
К ю л ю к-С ю е д е р — тень-Феодор.
К ю л ю к т э й-Б э р г э н — тенеобразный удалец.
К ю н-Э р и л и к — солнце-отменный.

М ы н д а й — мындаа — верхняя часть чего-либо, вершина, возвышенное место.

Нарын-Нюргустай — изящная, нежная.
Никы-Харахсын — нежный взгляд.

Омогой-Баай — Омогой — богатый.

Сокол-Хаарджыт — сокол-снеговик.
Суодалба — носящий короткое платье, неуклюжий.
Сюдюе-богатырь — важный богатырь.

Тангалай — нёбо.
Тойон-Тойболун — бык-господин, коротконогий бык.
Томон-Имен — обширная местность.
Томороон-Баай-Тойон — дюжий богатый господин.
Туярыма-Куо — шебечущая девица.

Улуу-Тойон — грозный господин.
Уолумар — шаманка — всполошная шаманка.

Хаан-Джергэстэй — важный, мгновенный.
Хабараан-госпожа — грубая госпожа.
Хара-Суорун — черный Суорун (суор — ворон).
Хара-Уол — черный парень.
Харахаан-Тойон — черный, важный господин.

Чаллай — большеротый.
Чоргул — звонкоголосый.

Ысыах — кропление, окропление.
Ытык-Нуолур — почтенная, пух.

Эллей — большой, громадный, мужественный.
Эр-Соготох — одинокий.

Юрюмэчи-Юкэйдээн — Бабочка-Юкэйдээн.

Остальные, встречающиеся в тексте имена, непереводимы.

ПРИМЕЧАНИЯ

ЭР-СОГОТОХ

[1] Остров Сихта — Ситк(х)инский архипелаг, расположен около юго-восточного побережья Аляски.

[2] Парни, травы украшающие, и девушки, землю нарядами убирающие, — духи, хозяева растительности, Эрэкэ-Джэрэкэ — ростом с мизинец, живущие под листьями. От их дыхания покрываются весною деревья зеленью. Они же предсказывают судьбу новорожденного.

[3] Важный Громадный Владыка — очевидно, Улуутуйар-Улуу-Тойон, владыка всех злых божеств и духов верхнего мира.

[4] Царь-проходы, царь-дороги — здесь возможна ошибка со стороны переводчика. Судить об этом, не имея якутского текста, трудно. Насколько известно, якуты никогда не употребляют выражений «царь-проходы», «царь-дороги». Дело в том, что слово царь и слово дальний звучат совершенно одинаково: «ыраахтаагы». Отсюда: дальняя дорога — «ыраахтаагы-суол» и царь-дорога тоже «ыраахтаагы-суол»; так как второе выражение в якутском фольклоре не встречается и для якутского слуха звучит чуждо, надо думать, что переводчик слово «дальний» принял за слово «царь».

[5] Здесь дано описание подземного Нижнего мира, где обитают исключительно нижние злые божества и духи. «Волнами ходят знатные люди и ледяною шугою — знатные женщины» — души людей обоего пола, подобно волнам и шуге, во множестве пропадая, беспрерывно, и днем и ночью, низвергаются в преисподнюю.

[6] Арсаан-Дуолан — владыка подземных злых божеств и духов.

[7] Слесари — у якутов были только кузнецы, слово «слесарь», предполагающее более высокую квалификацию, вряд ли применимо к якутским кузнецам.

[8] Кимен-Имен и Томон-Имен — страны Нижнего мира злых духов, где растут крепкие деревья.

[9] Гибель-Рыба — нечистая рыба подземного мира злых божеств и духов.

[10] Лев, как и змей, встречается в поэзии якутов как отголосок их южной прародины.

[11] Особый шаманский обряд над бездетными супругами для устранения злых духов, умерщвляющих их детей. Шаман опоясывает супругов тремя шнурками и разрезает их, отчего и обряд носит название «разрезания веревок».

[12] «Исчерню твое белое лицо». Это выражение вызывает сомнение. Здесь ошибка переводчика или рассказчика. В якутском эпосе не может быть у злого духа — абаасы белого лица.

[13] Шаровары — слово весьма сомнительно, тем более у женщин, которые, вместо штанов, носят короткие натазники и наголенники.

[14] Молоко матери обладает волшебной укрепляющей силой.

[15] Громадный Тойон — может быть было бы лучше и более близко к подлиннику передать употребленное в данном случае слово Улуу — почтенный, грозный.

[16] Огнереющее море — обычная деталь при описании Нижнего мира.

[17] Кровать демонической старухи сделана из человечьих костей и в то же время железных. Это потому, что у богатырей, с которыми вели борьбу злые духи (абаасы), кости были железные.

[18] Расслоить покрышку юрты, состоящую из нескольких слоев бересты.

[19] Червивое море — обычная деталь при описании Нижнего мира абаасы.

[20] Стремя тенями — люди, в отличие от неимеющих теней абаасы. Три тени имеют связь с представлением о трех душах.

[21] Внутреннюю сторону берестяной покрышки летней юрты украшают вырезанными из окрашенной бересты узорами.

[22] Скотный двор — огороженное изгородью место для скота около хлева.

[23] Три рода живущих в верхних небесах злых божеств.

[24] Тугут — олененок.

ДВЕ ШАМАНКИ

[1] Пинать-играть — якутская игра — состязание, при котором участники закидывают ногу около столба или стены и, отмечая зарубкой, сравнивают, кому из них удалось выше закинуть.

[2] Игра в олени — здесь говорится о скачках «по-оленьи», с поставленными в одну линию ступнями ног.

[3] Красный угол — неудачный перевод якутского слова

«биллирик», означающего первую от переднего угла лавку, под противоположной к выходу стеной, — почетное место для гостей.

[4] Стерх — вид аиста.

[5] Кисти из канфовой материи, китайского атласа.

[6] Священный жертвенный столб — при жертвоприношении животное предварительно привязывали к столбу с зарубками, обвешанному лоскутами, ленточками и конским волосом.

[7] Жертвенная лента — принося жертвы, якуты, в числе других приношений, вешали лоскутки материи.

[8] Девки-кликуши — иногда вместо шаманов к больным приводили ясновидящих, истеричных и т. п., которые, по мнению якутов, могли исцелять.

[9] Домашний дух — соответствует русскому домовому.

[10] Ысыах кропили — на весеннем празднестве ысыах в честь добрых божеств и духов брызгают молоком.

[11] Богиня родов (Ийэхсит) — божество, приходящее на помощь женщине.

[12] Джесегей — божество мужского пола, дающее лошадей. (См. Указатель слов — «Ийэхсит» и «Уордаах-Джесегей».)

[13] Обрядовый смех при родах. На третий день после родов собираются женщины для проводов богини Ийэхсит от дома роженицы. Во время обрядовой трапезы одна из присутствующих начинает безудержно хохотать, что вызывает всеобщую радость, так как предвещает беременность и будущее рождение ребенка у смеющейся. В этом случае говорят: «Ее навестила Ийэхсит».

[14] Останавливаясь в дороге на ночлег, якуты приносили пищу в жертву духу местности; при переходе через высокие горы и опасные места вешали на дерево подарки, большей частью пучки конских волос и лоскутки материи.

[15] Мех рыси очень ценится якутами. Встарину рысь считалась священной, ее убиение сопровождалось различными обрядами.

[16] Стегно — задняя нога.

ПРЕДСКАЗАТЕЛИ СУДЬБЫ

[1] Проезжий имеет право, по якутским обычаям, войти в каждый дом, во всякое время дня и ночи, расположиться там, варить пищу или ночевать.

[2] Семеро детей прилетают — Эрэкэ-Джэрэкэ, духи — хозяева растительности (см. примечание 2 к «Эр-Соготох»).

[3] Одун-Хаана — предопределение — Одун-Хаан — божество, властитель рока.

ОМОЛЛООН

[1] Бологурские — жители Бологурского наслега.

[2] Джугджур — горный хребет в южной части Охотского побережья.

[3] Сосновый месяц — май—июнь; в это время якуты встарину запасали сосновую заболонь, из которой делали муку для зимнего питания.

[4] Олекма — левый приток Лены.

ШАЛУН-БАЛОВЕНЬ

[1] Пленки на уток — овальные тальниковые обручи с петлями из конского волоса, ставятся среди растущей на воде травы и служат для ловли уток.

[2] Болезней дорогу как бы летягой закрывая — когда шаман после камлания отправляет вниз духа болезни, он закрывает дорогу летягой, чтобы тот не вернулся Летяга — полетуша, летучая белка.

ОБМАНЩИК-ПРОСМЕШНИК

[1] Тамга — знак собственности, клеймо, которое выжигается на боку у лошади специальной железной печатью, раскаленной докрасна.

[2] Сюллюкины — подводные жители, по виду ничем не отличаются от людей, кроме отсутствия бровей. Зимою во время святок выходят на землю и поселяются в заброшенных старых домах. Сказки говорят, что встарину один из сюллюкинов похитил девушку и сделал ее своей женой. Через несколько лет он пришел за тещей и унес ее к дочери погостить. Возвращаясь домой, старуха, по совету дочери, набрала много всякого сору, который превратила на земле в бумажные деньги. Сюллюкины — очень богаты, их можно обыграть в карты, но пользоваться их деньгами можно только в продолжение трех дней, после которых они превращаются в сор.

МАЛЕНЬКИЙ БОГАТЫРЬ В СЕРОМ ЗИПУНЕ

[1] Сибирь-страна — слово «Сибирь» понимается якутами в более широком смысле, как вселенная.

[2] Казаки — первые завоеватели Якутского края, русские.

ЧИРОК И БЕРКУТ

[1] Чирок на деревья не садится. Но в якутском тексте, действительно, говорится о чирке (см. в «Указателе текстов», № 9), очевидно, рассказчик допустил ошибку.

[2] Лахатта — вид утки.

[3] Богоргоно — болотная курочка.

По мнению В. Л. Серошевского, в сказке «Чирок и Беркут» сохранилось воспоминание о массовых переселениях якутов в поисках лучших пастбищ.

СЯЯПИЛЯ

[1] Наахарский род — род, имеющий своим предком-родоначальником якута Наахара.

[2] Предание носит исторический характер. Якуты, жившие по реке Лене, вынуждены были в XVII столетии, под натиском русских завоевателей-казаков, уйти на север, заселенный эвенками (тунгусами). При этом якутам приходилось вступать с ними в борьбу и таким образом завоевывать себе территорию. Одно из таких столкновений и описывается в приводимом предании.

ОЙУН-КЭРЭКЭЭН

[1] Тыгын — по якутским преданиям военачальник, оказавший сопротивление русским завоевателям, герой, которым гордятся и которому приписывают сверхъестественную силу, необыкновенный рост и т. п.

В. Л. Серошевский (в своей монографии «Якуты», стр. 467, П., 1896) на основании сближения слова «Тыгын» с уйгурским (древнейшим тюркским) «тикин» князь, предполагает, что Тыгын — не собственное имя, а нарицательное, означающее «военный вождь».

[2] Сай-сары — озеро около Якутска, где, по преданию, поселился прибывший с юга предок якутов — Элляй.

[3] Домашний ойун — домашний шаман, обслуживающий семью. Встарину знаменитые богачи, родоначальники и князьцы имели своих шаманов, как, например, знаменитый вилюйский князец Мындай (см. легенду «Шаман Чочукус»).

[4] Кулуты — рабы. Рабов имели в Якутии высшие правящие классы и свободные, составлявшие военную силу якутов. Рабы были совершенно бесправны, они выполняли бесплатно все черные работы по дому, пасли скот, чистили хлев, оказывали личные услуги своему хозяину, сажали его на лошадь и сопровождали в разъездах, бежали в дороге рядом с ним. У них не было никакой собственности, жили они отдельными домами. Служанка-рабыня отдавалась невесте в приданое. Наиболее тяжелое положение было у так называемых «няктяль кулут» — рабов, выполнявших самые грязные работы. Рабы бывали постоянные и временные. Первые были военнопленными, вторые — должниками, отрабатывавшими своему кредитору долг. Рабство в Якутии было формально уничтожено указом русского правительства в 1808 году.

[5] Хамначиты — работники, батраки.

[6] Уу-Иччитэ — дух, хозяин воды.

[7] Следы курганов можно рассмотреть и теперь, по словам автора записи, М. М. Сивцева (см. «Указатель текстов», № 11), он неоднократно бывал в Тохтомуле и лично осматривал несомненно искусственные, по его мнению, курганы.

СКАЗАНИЕ О ДРЕВНИХ БОГАТЫРЯХ И БИТВАХ

[1] Братские — название бурят.

[2] Предание о встрече на севере древних беженцев с юга — Омогоя и Эллея — широко распространено у якутов. В. Л. Серошевский приводит несколько вариантов предания и указывает, что оно было известно (от сказителей и из старинных рукописей) старым путешественникам и исследователям—Миллеру, Врангелю, Щукину, Миддендорфу, Приклонскому и др.

[3] Якутский царь — Тыгын был вождем племенной группы, который прославился тем, что организовал сопротивление русским завоевателям. Присвоенное ему преданиями, как народному герою, название царя — понятие русского происхождения (см. примечание 1 к «Ойун-Кэрэкээн»).

[4] Нюрба — на месте осушенного озера теперь русское старожильческое селение.

ШАМАН ЧОЧУКУС

[1] Здесь разумеется не реальное отправление скотины на небо, а шаманский обряд отправления души скотины к небесным духам.

[2] Иногда, вместо бубна, шаманы употребляли при камланиях березку с подвязанными пучками конских волос.

[3] Дочь верхнего мира — дочь божества, обитающего в верхнем мире.

[4] Якуты разделяют болезни на большие — «русские», занесенные завоевателями, оспу, сифилис, проказу, корь, чахотку, и малые — «якутские», все местные болезни.

[5] Кэкэ-Чуран-господин — божество Верхнего мира.

[6] Описание якутского свадебного обряда; два силача отнимают друг у друга ковер; невесту вводят в дом за платок, конец которого она держит.

ШАМАН БЭРГЭСЭЛЯЯХ

[1] Поездка якутских тойонов в Петербург при Екатерине II — исторический факт. В 1762 году для участия в комиссии по составлению нового уложения был послан голова Сопрон Сыранов. Жил в Петербурге в 1788, 1789 и 1790 годах бывший борогонский голова Алексей Аржаков. Это был один из способов правительства привлекать на свою сторону феодально-кулацкую верхушку якутского народа.

[1] Стригунец — двухлетний жеребенок.

[2] Сангыях — стариннейший из известных якутских костюмов. Длинный до полу кафтан, вышитый с боков и на спине шелком, бисером, серебром, отороченный бобром, выдрою, рысью или другим ценным мехом. Маленький стоячий воротник, плечи с небольшими сборками. Свадебный сангыях — из отборного тарбаганьего меха, без украшений, кроме узоров на спине из того же меха более темного оттенка. Будничный сангыях — красивый легкий кафтан из жестких телячьих кож длиною ниже колен. Скроен в талию, в обтяжку, без воротника. Сангыях был в прошлом очень распространен. В сангыяхе хоронили мертвых, одевали молодых для свадьбы. Сангыях служил брачным подарком свекрови невесте. В женском сангыях, в случае отсутствия костюма, совершал шаман свои священнодействия.

[3] Сон — современный национальный костюм якутов, вытесняющий сангыях. Однобортный кафтан до колен, крытый ровдугой или тканью, подбитый заячьим или лисьим мехом. У бедных сон — из кобыльей, коровьей или телячьей шкуры — надевается нередко на голое тело, мехом всегда внутрь. Шьется из четырех клиновидных, одинакового размера полос, в плечах — в обтяжку, книзу — шире, оканчивается широкой юбкой, в последнюю для расширения вставляются клинья, образующие у бедер складки или крылья. Плечи — с пышными сборками — буфами, воротник — всегда отложной. По мнению В. Л. Серошевского, сон — недавнего происхождения, занесен к якутам казаками в XVII столетии.

[4] Песня описывает в ярко идиллических тонах те взаимоотношения между якутами и эвенками (тунгусами), которые возникли в результате русского завоевания.

Эвенки, занимавшие до XVII века почти всю территорию современной Якутской АССР, должны были уступить свои исконные места якутам, теснимым русскими завоевателями и отойти в менее благоприятные для жизни северные районы.

Борьба за овладение новой территорией сопровождалась во многих случаях настоящими войнами. Свободолюбивые эвенки не хотели добровольно оставить освоенные ими земли и только более сильные, тогда уже знакомые с железом и оружием, якуты могли заставить их уйти на север.

Более сильные в культурном отношении, эксплоатируемые завоевателями-русскими, якуты, особенно зажиточная верхушка, явились в свою очередь эксплоататорами эвенков, и это продолжалось до самой Октябрьской революции.

Якутские кулаки были торговыми посредниками между русскими и эвенками и пользовались каждым случаем обмануть последних, честных и доверчивых, не узнавших влияния буржуазной «культуры».

В песне описываются ежегодные осенние приезды эвенков к якутам за товарами.

Если бы автором песни был эвенки, вряд ли последняя носила бы такой идиллический характер.

Эти ненормальные взаимоотношения между двумя порабощенными народностями, сложившиеся при царизме в результате сложных исторических условий, были изжиты только после Октябрьской революции.

Проведение национальной политики ВКП(б) и Советской власти и громадная культурно-политическая работа уничтожили национальный антагонизм, а классовая политика во всем строительстве и организация широкой кооперативно-торговой сети устранили всякую возможность торговой эксплоатации.

[5] Жир-Вилюй — Вилюй — левый приток реки Лены. Жир-Вилюй — в смысле богатый, изобильный.

[6] Кухта — снежные наросты на ветвях деревьев.

[7] Анабар — река, впадающая в Ледовитый океан.

[8] Хета — левый приток Хатанги.

[9] Хатанга — река, впадающая в Ледовитый океан.

[10] Локуор — название травы, русское название неизвестно.

[11] Манчар — осока (carex).

[12] Заключительные строфы песни — наслоение недавнего, уже послереволюционного, времени (напомним, что запись относится к 1919 году). Пришедшие с «южного острова» (так звали якуты Россию) люди — русские и русские, уже советские. Певец чрезвычайно тонко подчеркивает экономическую связь своей земли — «Жир-Вилюя» и России («дай... с губернией надо быть») и то социально-культурное строительство («Прибавляясь и множась, учиться должен народ»), которое принесла Якутии Октябрьская революция.

ПЕСНЯ О ЛЮБВИ

[1] Эгяй — ритмический припев, соответствующий «ай, люли».

[2] Платье из жесткой, плохо выделанной коровьей шкуры.

[3] Имеется в виду христианский бог.

ПОЧЕМУ ПОСЕЩАТЬ ПЕРЕСТАЛИ

[1] Кильдемский, Кангаласский, Багарадский — старые улусы.

БЛАГОСЛОВЕНИЕ НЕВЕСТЕ

[1] Оживи аркан — в смысле «пусть будет много жеребят», — последних привязывают при доении кобыл арканом, чтобы они не мешали.

[1] Луо-рыба — одна из перерожденных душ шамана.
[2] Все это, чрезвычайно трудное для перевода, место изображает в высоко-поэтической форме функционирование органов речи.
[3] Бубен делают обязательно из дерева, растущего наклонно на восток. Под наклоном его ствола должно расти маленькое дерево, которое называется тростью.
[4] Предметом, запугивающим болезни.
[5] Крестовина — крестообразная железка, рукоятка бубна, натягивается посредством ремней на полой его стороне.
[6] Это обращение относится к дереву, из которого сделан бубен.
[7] Девять полостей (выпуклостей полых пирамидок) бывают только на бубне самого знаменитого шамана. Это — скрытые под кожей резонаторы.
[8] Ременные затяжки — ремни, прикрепляющие к бубну рукоятку-крестовину.
[9] Бубен обтягивается шкурой трехгодовалой скотины. Остальные определения — поэтические украшения.
[10] Вода болезней — река, по которой уплывают души умерших, находится в подземном мире.
[11] Хомуллагас — злые божества.
[12] Отец-душа — поэтическое украшение речи.
[13] Кулик, кукушка, гагара — духи, помощники шамана.
[14] Каждое дерево, растущее для бубна, специально предназначено одному известному шаману.
[15] Волки и медведи — духи-помощники шамана.
[16] Отродье невидимых — злые духи.
[17] Сибие-Сяйден и Кюлюк-Сюёдер — духи.
[18] Шаман путешествует по такому миру, где скручивается растительность, поэтому руки и ноги его тоже начинают переплетаться.
[19] Пешнеклювый — с клювом, подобным пешне. Пешня — лом, которым раскалывают лед для проруби.
[20] Белый шаман — благожелательный, шаман добрых божеств.
[21] Без болезней.
[22] Шаманы воюют между собой; поэтому шаман, оживляя бубен, увещевает его стать защитой — панцырем.
[23] Шаман предсказывает, что если его заклинания возымеют силу, то через десять дней он совершит путешествие на бубне.

ИЗГНАНИЕ БОЛЕЗНИ

[1] Белая лошадиная шкура, на которую садится шаман, должна, очевидно, по представлениям якутов, предо-

хранить шамана от окружающих его злых духов. Лошадь, особенно белая, считается животным доброго духа.

[2] Тороки — ремешки позади седла для пристяжки.

[3] Стреножившись — как бы надев на ноги путы, связав ноги.

[4] Чынгыйдаан — производное название духа, произнесенное шаманом по требованиям аллитерации.

[5] Подвесная могила — якуты в древности не погребали в земле умерших, чтобы не лишать их солнца. Последнее, по представлению якутов, было сиянием лица высшего доброго духа — Юрюнг-Айыы-Тойона. Покойника клали в выдолбленную колоду, заменявшую гроб, и ставили последнюю на соединенные поперечинами четыре дерева.

[6] Кони черные, беломордые. Злые духи верхнего мира делятся по поколениям и родам, имеющим лошадей одной масти, например: верхние абаасы, имеющие черных лошадей, рыжих с крылатками и т. д. Шаман говорит здесь, что встарину на этом самом месте дрались спустившиеся сверху абаасы. От пролитой нечистой крови абаасы и распространяются различные болезни — юёр.

[7] Картуз — привившееся якутам русское слово (в смысле покупной фуражки).

[8] Телячий абаасы — дух, губящий телят. Иногда он устраивает гнездо из разного мусора под полом хлева. Якуты представляли его себе в образе мальчика лет пяти-шести, в худой телячьей шубенке. Человеку такой абааса безвреден.

[9] Заяц с бородавкой на морде (на носу), встречающийся очень редко, считается нечистым животным абаасы. Убить его — к несчастью. Шкуру употребляли только при камлании, в качестве подарка духам.

[10] Емегет — дух, главный покровитель шамана. Он должен быть даже у самого ничтожного и слабого по своей силе шамана. Обычно емегет — душа старинного (древнего) шамана.

[11] «На вас все время зарясь, чуокает, оказывается». На могиле умершего шамана ставят изображения птиц-гагар и куликов. Главные духи умершего шамана, в том числе и емегет, вселяются в эти изображения и охраняют могилу от осквернения. Слово «чуокает» указывает, что емегет умершего шамана прилетает в образе кулика.

[12] В гробу уплыл — умершие уплывают в Нижний мир по реке или по морю болезней.

[13] «Русские, колдуя, набегают волной» — якуты считали русских колдунов сильнее своих шаманов. Упоминая в данном случае о русских колдунах, шаман рассказывает о необычайной, грозной стране.

[14] Крошни — дощатые носилки, на которых носят груз на спине.

[15] Круглая жила (спинная ось) — аорта.

[16] Кееляни — дух-заика, дух похоти. Существенной помощи он шаману не оказывает, наоборот, часто мешает ему. Впуская в себя Кееляни, то есть принимая его образ, шаман начинает заикаться и прихрамывать; если дух — одноглазый, шаман закрывает один глаз, морщит по-старчески лицо. Иногда шаман пристает с циничными требованиями к девушкам и парням. И шаман и все присутствующие стараются избавиться от Кееляни, обманывая его различными обещаниями.

[17] Берестяные боги — речь идет о старинных «тюктюя». Шаманы встарину запирали души предков в особые берестяные хранилища различной формы. Найти последние теперь почти невозможно. Уникальный экземпляр тюктюя, находящийся в Этнографическом музее Института антропологии и этнографии Академии наук СССР, состоит из двух круглых берестяных пластинок, сшитых вместе по краям. На передней (лицевой) стороне тюктюя нацарапаны изображения тех умерших, души которых находятся внутри хранилища. Призывая берестяных богов, шаман призывает на помощь духов-предков.

[18] «Ледяным полем стало» — крик радости со стороны присутствующих, когда орудие ворожбы — колотушка, падая, не перевертывалась и этим показывала счастливый исход камлания. Земля при падении колотушки оказывалась гладкая, как ледяное поле.

[19] Повод — ремень, пришитый на спине костюма шамана.

[20] Сюр-душа — олицетворение энергии, силы воли, вообще психического мира человека. Сюр — несъедобно для абаасы. По представлению якутов — душа двойственна, наряду с сюр-душой существует кут-душа, в свою очередь состоящая из трех элементов (см. в «Указателе» слово «мать-душа»).

ПОГОВОРКИ И ПОСЛОВИЦЫ

[1] Мальчик — охотник, девочка — хозяйка; в первом случае радуется ворон, которому достанется часть добычи, во втором — домашний дух, которому будут уделять часть приготовленной пищи, проливая ее в огонь.

[2] Намек на якутский обычай — хранить в недоступном месте черепа и копыта любимых коней. Смысл: мальчик перещеголяет отца.

[3] Поговорка приалданского населения. Смысл: все приобретаемое тратится исключительно на пропитание.

[4] Насмешка над нерадивым хозяином, не сумевшим распределить запасы.

[5] Братья, противоположные по характеру.

[6] Смысл — все имеется в изобилии, нет только птичьего молока.

[7] О лгунах.

[8] О плутах.

[9] О богачах-мироедах.

[10] О молчаливых.

[11] Поговорка употребляется, когда варево долго не поспевает. Легендарный Кычкин — старинный русский администратор, который обедал слишком поздно с точки зрения ожидающих якутских «князьцов».

[12] Эта и предыдущая поговорки имеют в виду воззрения древних времени наездничества, когда конь считался лучшим достоянием якута и о добром коне гремела слава, слагались былины.

[13] Первый вариант распространен среди ближайших к Якутску улусов, ранее других освоивших употребление саней, второй вариант — вилюйский.

[14] О жадных богачах, выжимающих из бедняков последнее.

[15] Плохая собака, упустив сохатого, лает на бурелом, раскинутые корни которого напоминают рога. Пословица применяется, когда кто-нибудь для отвода глаз только прикидывается исполняющим свои обязанности.

[16] О бедняках.

[17] Говорят, когда бывший слуга взял верх над бывшим хозяином.

[18] О бойких и речистых.

[19] В кочевьях древних якутов им приходилось вешать детские зыбки на деревья той местности, где они встали на стоянку. Смысл — эта местность мне известна с детства.

[20] О временах первых казаков с их грабежами и поборами.

[21] Якуты регулярно каждый год голодали к весне, и в это голодное время каждый сосед (юрта, дым) предполагает, что у соседа есть хоть какие-нибудь запасы.

[22] О людях, прошедших сквозь огонь и воду.

[23] О кумовстве русских чиновников.

[24] О беспечных.

[25] Так, поссорясь, укоряют недавно разбогатевшего.

[26] О привередливых. Рысь, по наблюдениям охотников, чтобы не запачкаться, пожирает добычу, загородив ее валежником.

[27] О застенчивых. Молодая, когда ее бранят, молчит, потупившись, как бы разглядывая разукрашенные свои обшлага.

[28] О лицемерном изъявлении родственных случаев.

[29] В смысле: богачи не пренебрегают никакой мелочью.

[30] Якуты полагают, что вспыльчивость зависит от объема груди.

[31] О краткости жизни и недальновидности людей.

[32] До насаждения сельскохозяйственной культуры якутская молодежь стремилась в заалданские горы, с увлечением предаваясь охотничьей жизни.

[33] На переднюю полу помещается лучший мех. Иронический смысл пословицы направлен на излишнее самолюбование, самообережание.

[34] О слабых.

[35] О скупых.

[36] О прихлебателях богачей.

[37] Все щербатое присуще Нижнему миру. Поговорка употребляется, когда скупец терпит убыток, в смысле: нечистый его обокрал.

[38] О воинственных древних обычаях кровавой мести и поголовного истребления врагов.

[39] В смысле — услышав радостную весть, не разглашай ее.

[40] В смысле — вышла из тяжелого положения.

[41] В смысле — воспользовался случаем.

[42] Осенью якут обеспечен запасами, к весне наступает голод.

[43] О смирных.

[44] Иронический отзыв о людях, преувеличивающих собственные ничтожные услуги.

[45] Плотнику мстит дух — покровитель лесной растительности, певцу вредят соперники их высшего мира.

[46] О хвастунах

[47] Пословица эта распространена по верховьям рек Колымы и Индигирки, откуда в голодные годы шла беднота рыбачить к Охотскому морю.

[48] Сова действительно любит садиться на самой верхушке дерева. Поговорка имеет в виду людей, добивающихся незаслуженных почестей.

[49] В смысле: хворые живучи.

[50] В смысле: для шамана и кузнеца работа всегда найдется.

[51] О плохих женах.

[52] Последний ребенок. Колья — опора при родах, якутка родит, стоя на коленях, подмышки ей подставляют перекладину, положенную на колья, вбитые вертикально в земляной пол юрты.

[53] Обращение бедняка к заимодавцу.

[54] Об умных людях.

[55] О некрасивых.

[56] О смирных.

[57] О скучающих.

[58] О людях, втершихся в дом.

[59] Выражение презрения к женщине.

[60] О сварливых женщинах. В якутских демонологических представлениях — злая дочь нечистых абаасы одевается во все железное.

[61] Охотничьи рассказы говорят о необыкновенной памяти белки, приготовляющей себе с осени запасы в различных местах и зимой безошибочно их находящей.

[62] Белка, завидя охотника, сама выдает свое присутствие беспокойством.

[63] О пользующихся чужими трудами. Дерево пришлось свалить, чтоб достать убитую и повисшую белку.

[64] О врагах.

[65] Поговорка относилась первоначально к русским, потом ко всякому падкому на чужое.

[66] О незаконнорожденных.

[67] У бедняка-якута, просидевшего в течение долгой зимы в юрте перед пылающим камином, сняв единственную рубашку, кожа на груди делается землистой, покрывается красными пятнами. Кредитор-кулак, явившийся за уплатой долга, видя положение бедняка, не имеющего заработка, уходил ни с чем, с досадой восклицая: «Э, вместо денег пестроту груди показал!» Теперь поговорка применяется вообще к уклоняющимся должникам.

[68] О лгунах.

[69] О хвастунах.

[70] Об опустившихся, никчемных людях.

[71] О разорившихся.

[72] О голодных.

[73] Смысл: сильный, богатый непобедимы.

[74] Смысл: богатство недоступно.

ЗАГАДКИ

[1] Кытай-Махсын — подземный дух, покровитель кузнецов; его часто связывают с духом огня.

[2] Шаман камлает — мутовка кружится так же, как шаман при камлании.

[3] Расщеперя белый — гребни у якутов были исключительно белые, сделанные из мамонтовой кости.

[4] С южной стороны — из России.

УКАЗАТЕЛЬ ТЕКСТОВ, ЗАПИСЕЙ И ПЕРЕВОДОВ ОБРАЗЦОВ ЯКУТСКОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

Олонгхо (былина, эпическая поэма) Эр-Соготох (Одинокий) записана С. В. Ястремским в 1895 году в Дюпсюнском улусе Якутского округа (б. Якутской области) от певца Г. Н. Свинобоева, родом из Мегинского улуса Мегеренского наслега Якутского округа. Былина диктовалась в течение шести дней. Первоначальный прозаический перевод сделан С. В. Ястремским при помощи жителя Оспетского наслега Дюпсинского улуса, знатока якутского фольклора, якута А. П. Афанасьева, организовавшего встречу Г. Н. Свинобоева с С. В. Ястремским. Перевод С. В. Ястремского опубликован в Трудах Комиссии по изучению Якутской АССР, т. VII, «Образцы народной литературы якутов», издание Академии наук СССР, Ленинград, 1929. В настоящем издании перевод С. В. Ястремского дается с некоторыми сокращениями повторений.

Олонгхо Две шаманки записана Э. К. Пекарским в 1886 году от певца Н. Абрамова, якута Жулейского наслега, Боторусского улуса Якутского округа. Якутский текст опубликован в изданных Академией наук «Образцах народной литературы якутов», т. I, СПБ, 1908. Прозаический перевод С. В. Ястремского напечатан в вышеуказанном сборнике комиссии по изучению Якутской АССР, т. VII, «Образцы народной литературы якутов». Переводчик при выполнении этого труда пользовался помощью А. П. Афанасьева и словарем якутского языка Э. Пекарского.

В настоящем издании перевод обоих олонгхо дан в литературной обработке, преследующей максимальное приближение к подлиннику путем возможного сохранения его лексики, ритмики и синтактического строя; восстановлены, в частности, стихотворные монологи — песни, обезличенные прежним переводом.

Предсказатели судьбы — записана студентом Ленинградского Педагогического института им. Герцена, Н. Романовым, слышавшим ее в детстве, в 1920 году, в Вилюйском округе у местных сказочников. Перевод А. А. Попова.

О м о л л о о н записана студентом Ленинградского Автомобильно-дорожного института, Г. А. Неустроевым, слышавшим ее в детстве, в 1914—1916 годах, на родине в Амгинском улусе Якутского округа, в Верхне-Бологурском наслеге. Перевод А. А. Попова.

Ш а л у н - Б а л о в е н ь. Как и предыдущая, записана Г. А. Неустроевым, слышавшим ее на родине в 1914—1916 годах. Перевод А. А. Попова.

О б м а н щ и к - П р о с м е ш н и к. Сказка об обманщике-пройдохе носит комический характер, распространена среди детей и женщин, в «приличном» мужском обществе ее не рассказывают. Слышана и записана Г. А. Неустроевым. Перевод А. А. Попова.

Л у ч ш е е и з л у ч ш и х. Очень распространенная детская сказка, которую одну из первых рассказывают в раннем детстве. Запись на якутском языке Г. А. Неустроева, который слышал ее в детстве в селении Енер у сказочника, старика Давида (Давида Кононовича Васильева). Перевод А. А. Попова. Русский перевод этой сказки Э. К. Пекарского был опубликован в «Живой старине» (1906, в. 2) и значительно отличается от принятой в настоящем издании записи.

М а л е н ь к и й б о г а т ы р ь в с е р о м з и п у н е — запись и перевод с якутского А. А. Попова, от Л. Васильева, якута Угулятского наслега, Вилюйского округа (1918).

Ч и р о к и Б е р к у т. Якутский текст опубликован в «Образцах народной литературы якутов», СПБ, 1913. Перевод И. А. Худякова из «Верхоянского Сборника».

С я я п и л я — запись и перевод с якутского А. А. Попова, от Ф. и А. Яковлевых, в Угулятском наслеге, Вилюйского округа (1919).

О й у н - К э р э к э э н. Предание записано по-русски со слов учителя Борогонского училища М. М. Сивцева, уроженца Ботурусского улуса. Опубликовано М. Овчинниковым в журнале «Сибирский Архив», 1912, № 3. Ошибки и неточности в якутских словах исправлены для настоящего издания А. А. Поповым.

С к а з а н и е о д р е в н и х б о г а т ы р я х и б и т в а х. Записано А. А. Поповым от якута Второго Кулятского наслега Удюгейского улуса, Вилюйского округа, Гаврила Афанасьева, в 1921 году. Перевод А. А. Попова.

Легенда Ш а м а н Ч о ч у к у с записана А. А. Поповым в 1923 году, от якута М. Н. Буочча, в Батулинском наслеге, Вилюйского округа. Перевод А. А. Попова,

Ш а м а н Б э р г э с э л л я х — запись и перевод А. А. Попова, от В. Н. Александрова, якута Сунтарского улуса, Вилюйского округа (1923).

П е с н ь о в р е м е н а х г о д а — записана на якутском языке А. А. Поповым в 1919 году, от якута Угулятского

наслега Вилюйского округа, Николая Семенова, жителя урочища Амысаах. Подстрочный перевод А. А. Попова обработан для данного издания ритмом подлинника.

Дни и годы меняются. Песня записана студентом Института народов Севера ЦИК СССР, Г. Никитиным, слышавшим ее в 1922 году в Верхоянском округе близ города Верхоянска у местных сказочников. Перевод А. А. Попова.

Песня о реке — импровизация 13-летнего якутского мальчика, Николая Петрова. Записал в 1894 году на якутском языке Н. А. Виташевский, во втором Игидейском наслеге Баягантайского улуса. Запись представлена для настоящего издания Э. К. Пекарским, переведена А. А. Поповым.

Орел — якутская песня из «Верхоянского Сборника» И. А. Худякова.

Песня о любви — импровизация якутской девушки. Записана в девяностых годах прошлого столетия И. А. Худяковым в Верхоянском округе тогдашней Якутской области. Прозаический перевод опубликован в «Верхоянском Сборнике» И. А. Худякова (Записки Вост.-Сиб. Отдела Р. Г. О. по этнографии, т. I, в. 3, Иркутск, 1890).

Почему посещать перестали — запись Г. А. Неустроева, слышавшего ее в 1923 году у молодежи во втором Нахарском наслеге Восточно-Кангалакского улуса. Перевод А. А. Попова.

Благословение невесте — из собрания Н. П. Принузова передана Э. К. Пекарским. Переведена с якутского А. А. Поповым.

Оживление бубна. Исключительно ценная по полноте точности передача ритуала шаманского камлания (священнодействия), смысл которого состоит в превращении шаманского бубна в ездовое животное, необходимое шаману для путешествий по Верхнему, Среднему и Нижнему мирам. Камлание записано А. А. Поповым в 1924 году на якутском языке, от шамана Оногосчутского наслега Вилюйского округа Якутской АССР, Никона Поскочина. Подстрочный перевод заклинаний, чрезвычайно трудных по своему запутанному синтаксису и торжественно-архаическому языку, сделан А. А. Поповым; для настоящего издания текст обработан с тщательным соблюдением ритмов и размеров подлинника.

Изгнание болезни — запись и перевод А. А. Попова, от якута Данила Касьянова, жителя Сургулукского наслега Удюгейского улуса, Вилюйского округа (1924).

Поговорки и пословицы. Загадки. Часть извлечена из сборника С. В. Ястремского «Образцы народной литературы якутов»; записаны в большинстве случаев самим С. В. Ястремским, им же переведены с якутского при участии упомянутого выше якута-фольклориста А. П. Афа-

насьева. Часть — из сборника Н. Тологонского «Якутские пословицы, загадки, святочные гаданья, обряды, поверья, легенды и др., собранные при ближайшем участии учителя якута А. Куликовского» (Иркутск, 1914), и часть написана Г. А. Неустроевым, слышавшим их в детстве в различных районах, и переведена А. А. Поповым. Часть из собрания С. И. Горохова, хранящегося в Якутской секции Совета по изучению производительных сил Академии наук СССР. Перевод А. А. Попова.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие редактора 5
А. Н. Самойлович. Якутская старинная устная литература. 7

ОЛОНГХО

Эр-Соготох 43
Две шаманки 104

СКАЗКИ

Предсказатели судьбы 159
Омоллоон 163
Шалун-баловень 169
Обманщик-Просмешник 175
Лучшее из лучших 178
Маленький богатырь в сером зипуне 181
Чирок и Беркут 186

ПРЕДАНИЯ

Сяпиля 193
Ойун-Кэрэкээн-Мохсоху 196
Сказание о древних богатырях и битвах 198

ЛЕГЕНДЫ О ШАМАНАХ

Шаман Чочукус 207
Шаман Бэргэсэлляях 214

ПЕСНИ

Песнь о временах года 221
Дни и годы меняются 229
Песня о реке 232
Орел 233
Песня о любви 235
Почему посещать перестали 238
Благословение невесте 239

ЗАКЛИНАНИЯ

Оживление бубна 243
Изгнание болезни 252

ПОГОВОРКИ И ПОСЛОВИЦЫ 271

ЗАГАДКИ 283

УКАЗАТЕЛИ И ПРИМЕЧАНИЯ

Указатель слов и оборотов речи 293
Указатель собственных имен 301
Примечания 303
Указатель текстов, записей и переводов образцов якутского народного творчества 317

Отпечатано для издательства «Советский писатель» в типографии им. Ив. Федорова. Ленинград, Звенигородская ул., 11. в количестве 3500 экз. Авт. лист. 16,8. Заказ № 38. Ленгорлит № 33252. Переплет и супер-обложка, шмуцтитула и заставки по рисункам М. А. Кирнарского. Сдано в набор 20/VIII 1935 г. Подписано к печати с матриц 21/I 1936 г. Формат 82×110¹/₃₂. (Тип. зн. в 1 бум. л.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	*Строка сверху*	*Напечатано*	*Следует читать*
6	21	Ястребинского	Ястремского
11	7	в 1891 году	1831 году
48	27	обпоблю	обновлю
163	14	наркомить	накормить
167	13	говорят	говоря
207	14	вне	все
214	4	вр мя	время
319	27	Принузова	Припузова
320	4	Куликовского	Кулаковского

ЗАКЛИНАНИЯ

Оживление бубна 243
Изгнание болезни 252

ПОГОВОРКИ И ПОСЛОВИЦЫ 271

ЗАГАДКИ 283

УКАЗАТЕЛИ И ПРИМЕЧАНИЯ

Указатель слов и оборотов речи 293
Указатель собственных имен 301
Примечания 303
Указатель текстов, записей и переводов образцов якутского народного творчества 317

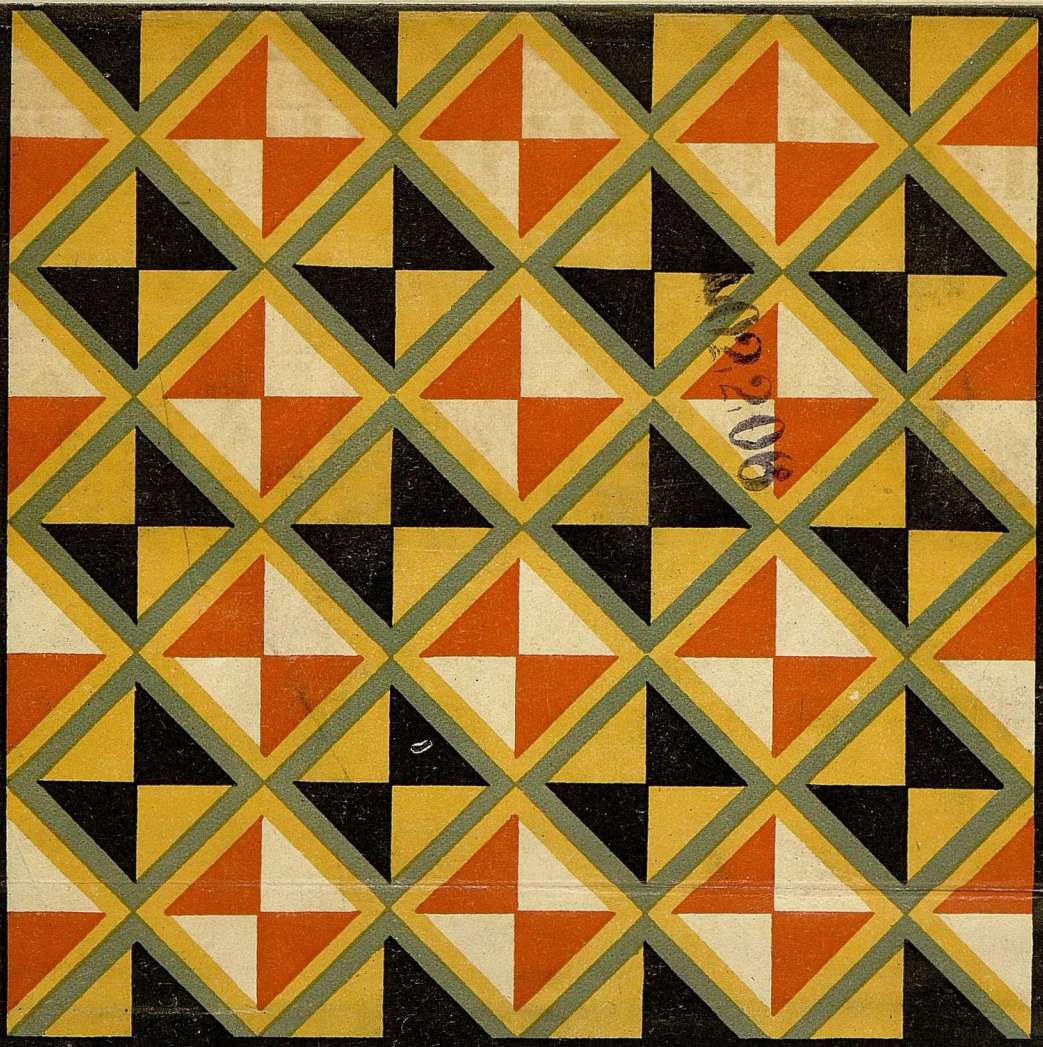
Отпечатано для издательства «Советский писатель» в типографии им. Ив. Федорова. Ленинград, Звенигородская ул., 11. в количестве 3500 экз. Авт. лист. 16,8. Заказ № 38. Ленгорлит № 33252. Переплет и супер-обложка, шмуцтитула и заставки по рисункам М. А. Кирнарского. Сдано в набор 20/VIII 1935 г. Подписано к печати с матриц 21/I 1936 г. Формат 82×110 1/32. (Тип. зн. в 1 бум. л. 128000). Бум. л. 5 1/16. Ответственный редактор М. Чечановский. Технический редактор Ал. Кукуричкина

1936

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРОСИТ ЧИТАТЕЛЕЙ И БИБЛИОТЕКИ ОТЗЫВЫ ОБ ЭТОЙ КНИГЕ ПРИСЫЛАТЬ ПО АДРЕСУ: МОСКВА, БОЛЬШОЙ ГНЕЗДИКОВСКИЙ ПЕР. Д. 10, ИЗД-ВУ «СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

12 р. переплет 1 р. 50 к.

Склад изданий
Литхудсектор Когиз'а
Москва, Б. Черкасский 2



ЯКУТСКИЙ ФОЛЬКЛОР

13 р. 50 к.

